

Все совпадения имён, сюжетов, цифр и фактов являются случайными.

ВСТУПЛЕНИЕ

Свобода выбора – вот основа свободы человека. Но сделавший один шаг, выбирает направление взгляда. Слишком многого мы не замечаем. Задумались – и пропустили вокзал, завод, дворец. А нужно было только сосредоточить внимание, протянуть руку. Миры – материальные и идеальные, воинственные и релаксирующие – проникают друг в друга, сплетаются гордыевыми узлами. На многие вещи люди смотрят по-разному, с разных точек зрения, из разных миров. В этом индивидуальность человека. А сами миры присутствуют везде. Они влияют друг на друга, взаимозависимы и бескрайни. Поэтому и прогнозы наши столь эфемерны. Однако в прозрении порой нам даётся знание из чистого информационного потока, доступного тем, кто в него верит.

Зачем мы начали играть?

Не хватит ли игры и в жизни?

С безликих маску не сорвать,

Без маски нет лица в Отчизне.

Быть может, неудачник мстит,

Играя грешником кумира,

Быть может, маска – это щит

От наступающего мира?

Привыкли думать вы, что здесь

Фальшиво счастье и несчастье,

Царит надуманная спесь,

Горят надуманные страсти.

Нет, здесь отсутствует финал,

И вечно с этой вечной сцены

Мы вглядываемся в ваш зал,

В веках не видя перемены.

И есть ли в нашей жизни час,

Когда бы мог раскрыться гений?

Мы носим маски среди вас

И сбрасываем их на сцене.

Камзол, манжеты и колет

Для нас удобней, современной.

*Вне времени живет поэт,
Вне времени его творенья.
Вы не поверите ему
Без фавулы и блеска пьесы,
Средь вас нет места ни уму
Шута, ни верности принцессы.
Не может быть, чтоб среди вас
Он жил, творил, любил и бредил,
Лишь здесь, сегодня и сейчас,
В спектакле вы – его соседи.
Сомненья можете пресечь,
Высоким стилем насладиться,
Услышать истинную речь,
Увидеть истинные лица.*

Навстречу знаменитому юристу, Юрию Станиславовичу Кстовскому, прошедшему бесконечную анфиладу комнат, украшенных смальтовыми мозаиками в ювелирном стиле «работа червя», в пронизанном трепещущими золотыми лучами атриуме римской виллы с коринфскими колоннами каррарского мрамора, занимавшей несколько десятков гектар плодородной приморской земли, с золотой клиннии церемонно, с повадками старого великого актёра, которым так мечтал прослыть император Нерон, встал облаченный в пурпурную тогу Гелий Цезаревич Энский.

БОЛЬШОЕ ЧАСТО ПРЯЧЕТСЯ ЗА МАЛЫМ

*Не судите опрометчиво!
Арамис*

Серебристо-стальной «Дастер», ведомый железной рукой прекрасноликкой блондинки Миры, мягко лавировал в нешироких улочках старинного приволжского города Нижнего Новгорода, везя на пассажирском месте Юрия Станиславовича Кстовского, по прозвищу Юрист.

Юрий Станиславович с удовольствием любил отдавать руль азартной обольстительной Мире, – в такие минуты можно было углубляться в обдумывание очередного «дела» или погружаться в полезные воспоминания.

Несколько слов о наших героях. Луноликая Мира обладала внешнестью слегка подросшей Мерлин Монро и характером полковника ФСБ. Юрий Станиславович имел правильные черты лица и аккуратно подстриженную бородку цвета, как и шевелюра, перца с солью. Его взгляд был задумчив и выдавал человека вечно сомневающегося. Мало кто мог догадаться с первого взгляда, что он всегда добивался того, чего хотел и, как крокодил, никогда не отступал. «Крокодил Гена тоже выглядит интеллигентом, но он всё-таки крокодил,» – подшучивала над ним Мира.

Вообще, для серьёзных служебных отношений Юрий Станиславович и Мира слишком часто смеялись. То начнут говорить на каком-то птичьем языке с прихрюкиваниями, припискиваниями и прищелкиваниями. Пофырчат так, чуть не соприкасаясь носами, изображая кроликов, ёжиков, сусликов и неизвестных природе зверьков, а потом прыснут от хохота и чуть не по полу катаются. То возвышенно помпезные фразы начнут заворачивать, как патриции или члены английского суда времён королевы Виктории – эффект тот же. А иногда в стремлении объяснить что-нибудь такую пантомиму выдадут, что окружающие недоумевают.

Однажды со свойственной ему широтой души Юрий Станиславович доверил вести машину Мире. Они попали в пробку, и Юрист повёл нудную беседу о доказательной базе одного затянувшегося дела. Неожиданно Мира прервала его.

– А я бы хотела завести котёнка, – безапелляционно сообщила красавица.

– Причём тут котёнок? – удивился Юрист, как будто натолкнулся на бетонную стену.

– Не причём! Просто так!

– Не вижу никакой связи...

– А никакой связи и не надо.

– И чем же котёнок поможет нам в этом деле?

– Он будет мурлыкать.

– Мурлыкать?

– Да! Мурлыкать и ещё он будет пить молоко.

– Молоко?

– Да! Вот так! – и Мира, изобразив на лице сладострастную муку, раскрыла коралловые губки. Её малиновый маленький язычок задрожал и запрыгал между этими нежными лепестками.

– Нет! – с повышенной серьёзностью сказал уже понявший ход игры юрист. Он поднял указательный палец, как строгий школьный учитель.

– Нет, для того чтобы правильно пить молочко, язычок должен быть сложен ложечкой. Иначе молочко можно разбрызгать!

В качестве иллюстрации он с готовностью вытянул губы, высунул из этой присоски сложенный трубочкой толстый язык и задвигал им едва ли не с большей скоростью.

Глаза Мира округлились, но внезапно взгляд сместился немного в сторону, она прыснула смехом и, наконец, указывая пальчиком вправо, безудержно захохотала.

Юрист посмотрел направо. В соседней машине, окна в окна ехал пожилой, солидный, полный мужчина. Мужчина в упор смотрел на них. Рот его был раскрыт куда больше, чем у наших героев, глаза выкатились из орбит. В народе такое называют «отвисшей челюстью». Седые усы топорщились, выпученные серые глаза выражали скорбь по нравственности всего человечества. Понятно становилось, что начальственный представитель номенклатуры родился и вырос в стране, в которой секса не было. И вот это уродливое явление возникло. Несмотря на осуждение, взгляд соседа выражал ещё и величайший интерес. Немой вопрос был поставлен ребром: «Ну и чем же это у вас закончится?».

Юрист разочаровал соглядатая, он тоже не сдержался и захохотал. Безвыходность ситуации заключалась в том, что прибавить скорость и уехать не было никакой возможности. Ещё долго им приходилось переглядываться, сосед сник, злился всё больше, и это рождало у наших героев неконтролируемые приступы хохота.

Яркие впечатления, волнующие мятежный дух искателей правды, невольно рождают азарт в преодолении взявшихся за руки, как протестующие демонстранты оранжевых революций, чиновничьих препонов, они же делают жизнь интересней, а рассказы о сражениях с «ветряными мельницами» – замечательней.

Весьма пожилая чета, обратившаяся к Юристу за помощью в этот раз, была ему слишком хорошо знакома. В воспоминания об обстоятельствах этого знакомства и был погружён сейчас Юрий Станиславович.

Сюжет же последних огорчительных событий был банален до безобразия: престарелой паре без предупреждения перекрыли газ. Особнячок, в котором они проживали, находился в центральной части города и соблазнял многих нуворишей. Юрий Станиславович опасался именно такого поворота событий, но реальность оказалась ещё замечательней. Прежде всего, он убедился в том, что газ действительно отключён. Выйдя вместе с пронизательной Мирой из автомобиля, Юрист уставился на ярко-красную коробку, бульдожьей хваткой вцепившуюся в газовую трубу, ведущую к дому. Однако от укоризненного осуждающего взгляда правдоискателя коробка не упала на землю и не отползла в жадные чи-

новничьи лапы, поставившие её на стражу интересов очередного «Газмяса».

Юрий Станиславович пообщался с хозяевами дома. Прячась от ковида, пожилые люди до абсолютного минимума сократили свои социальные контакты, и дом был чрезвычайно запущен. Действительно, в щель почтового ящика, ещё деревянного, была опущена бумажка – «акт отключения», которая объявляла об отключении газа на основании того, что жителями дома не был заключён договор об обслуживании и контроле за газовым оборудованием. Кстовский навёл справки у жителей дома, – газ оплачивался регулярно по счётчику, но срок заключения договора на обслуживание истёк. В квитанциях, которые пожилые люди давно уже не читали, мелким, нечитаемым для стариков шрифтом было указано на необходимость заключения договора, а так же на то, что при его отсутствии которого будет отключен газ. Но для оплаты услуг ЖКХ был давно уже установлен автоплатёж по картам Сбербанка, а квитанции никто не читал. Подобная же красная коробочка украшала и старинный дом соседей. Интересно, что новый особняк, придавивший деревянный домик с другой стороны, отключён не был. Причина оказалась простой. Шикарный новомодный особняк был окружён высоким забором, за которым бегали чёрные ротвейлеры, с нетерпением проголодавшихся пираний ожидавшие незваных гостей. Честнейшие чиновники «Газмяса» не захотели стать собачьим кормом, и потому пренебрегли обязанностями палачей, которые, скрепя свои наидобрейшие сердца, выполнили по отношению к беззащитным старикам.

Уяснив задачу, Мира и Юрист принялись за расследование. Газ был отключён в пятницу во второй половине дня. Так что, будь погода похолоднее, старики просто замёрзли бы. Мира и Юрист наладили им электрообогрев и купили электрическую плитку. Вызвав знакомого нотариуса, составили генеральную доверенность на Юрия Станиславовича на проведение всех необходимых юридических действий от имени собственников старинного дома.

Первый звонок они совершили в экстренную газовую службу, так как никаких других концов из клубка проблемы не торчало. К чести «экстренки», мастер приехал быстро. Толстый, высокий молодой человек, весь покрытый герпесом, без маски ввалился в дом и зачем-то осмотрел всё изнутри (благо дом был большим, и пожилая пара укрылась в другой его части). Только удовлетворив своё любопытство, «чинщик» вышел на улицу и воззрился на красную коробочку.

– Так, вас отключили, – сообщил он.

– Очень пронизательно, – заметил Кстовский. – В доме два инвалида глубоко за 80 лет. Подключите, пожалуйста. Они могут замёрзнуть и заболеть.

– Я не имею права... Раз отключили, значит, это было кому-то нужно. – Тогда выясните хотя бы кому.

Толстый, нехотя, взялся за телефон.

– Зин! – добродушно и заигрывающе ослабилась он, – Черниговскую, 13 ты отключала? Ха! Устала? А вечером чё делаешь? Ага-а! Гы-ы-ы-ы! Жирный отключил телефон. Его герпес ещё более покраснел.

– Эт, вам Газнавозсбыт отключил! Ну, я имею в виду НижегородЭнергоГазРасчёт, – жизнерадостно хохотнул он.

– Ну, сегодня уже поздно, а завтра, в субботу, они работают?

– Работают, – твердо ответил герпес.

– Ну разве так можно, без предупреждения двум пожилым людям отключить газ?!

– А! В нашем государстве вас из дома завтра выбросят, и не пикните! – отрапортовал государственный служащий, сел в свой фургончик и был таков.

Однако на следующий день, когда им удалось выйти на сайт организации, они прочли информацию о том, что Газнавозсбыт по субботам

не работает (Нижегород-ЭнергоГазРасчёт они дружно называли с этого времени Газнавозбытом). Эту информацию подтвердил их сосед, которому тоже красной коробочкой отрубили газ. Он даже для убедительности прислал на телефон фотографию закрытой двери. Наша парочка принялась звонить по всем инстанциям.

В приёмной губернатора любезный дежурный секретарь вежливейшим голоском моментально отфутболил просителей к дежурному юристу.

Деловым тоном юристка сообщила следующее: «Вам надлежит немедленно проехать по адресу Столичное шоссе, 27а. Вам будет выписан персональный пропуск, и там решат абсолютно все ваши проблемы! Только поторопитесь!»

– Далековатенько! – отметил Юрий Stanisлавович.

Проехав достаточно большое расстояние от центра города, путники с трудом нашли искомый адрес – конторку в многоэтажном, многоквартирном доме.

В прихожей сидела юная, только что со школьной скамьи, секретарша. Круглыми от страха глазами посмотрев на посетителей, она запищала, как пойманная мышь: «Я ничего не знаю! Я первый день! Я сейчас спрошу!». Затем упорхнула на миг и вернулась с подмогой. Вышла, виляя тощей попкой, тоже молоденькая манерная девица и на глазах у посетителей елеинным голосам стала учить стажёрку.

– Ты должна спросить фамилию! Вот, например, какая у вас фамилия? – щёлкая глазками, уставилась она на Юрия Stanisлавовича.

Тот сообщил.

– Ищем Скотского, – заявила она стажёрке, переврав фамилию самым смешным образом.

– А, Скотскому что делать тем временем? – поинтересовался Кстовский.

– Ах, простите, я ошиблась, – проворковала «опытная» секретутка, одновременно презируя и заигрывая.

– Они так долго могут, – стал вслух комментировать, подыгрывая ей, Юрий Stanisлавович. – Весь процесс обучения будет продемонстрирован нам в полном объёме. И контора какая интересная! – Кстовский внимательно рассматривал свежееотремонтированные стены, с благодарностями в претенциозных рамках.

– Мы долго ждать будем? – ввязалась в сражение воинственная Мира.

– Мы ВАМИ не занимаемся! – заучено надменно продекламировала «опытная» секретутка. Её апломб валил паром из розовеньких ушей.

В комнате появился, окинул пришедших вороватым взглядом и, выпив воды из кулера, испарился длинный молодой человек в белоснежной рубашке офисного планктона.

– Ты занносишь их в вот этот журнал, – продолжала «опытная», – и переносишь информацию в компьютер.

– Так может, вы сообщите юристам о том, что мы пришли? – не унималась настойчивая Мира.

Поломав комедию ещё некоторое время, секретутка сходила за дверь, и ещё через минуту Кстовский и Мира были приглашены в святая святых.

В маленькой комнате на них сверху вниз смотрел Длинный. Весьма церемонно он предложил посетителям сесть. Последних не отпускала мысль, что они находятся в театре и смотрят плохо поставленный провинциальный спектакль.

– Наше общение мы построим так! – прогремыхал Длинный неизвестно откуда прорезавшимся густым басом. – Сначала я представляюсь. Я – Павел Павлович Харёк. Я являюсь специалистом со стажем работы в этом учреждении, именуемом «ЛЕГИОН», более трёх лет. Сейчас я познакомлю вас с главой нашего учреждения – Марией Павловной Паук. Она находится в настоящий момент в Москве, и мы свяжемся с ней по телемосту.

На экране с удивительной чёткостью, как будто трансляция шла из соседнего кабинета, возникла полноватая женщина, одновременно напоминая домохозяйку и клоунессу. Кстовский сразу предположил, что опытная толстуха находится где-то у себя на даче, а может быть, и в упомянутом соседнем кабинете.

– Я являюсь главой этого учреждения. Я – юрист со стажем более 13 лет. – Юрию Станиславовичу показалось, что толстуха сделала книксен. – О вашей ситуации я уже осведомлена. Вот, смотрите! Первый шаг! – и клоунесса элегантно стала писать ясным школьным почерком на расчерченной доске. – Признаём действия организации незаконными, далее подключаем газ и требуем компенсации морального вреда и ущерба. Смотрите по ситуации, тут манипулируем жилищным кодексом, также соответствующим постановлением правительства о правилах предоставления жилищно-коммунальных услуг и правами потребителя.

Мира попробовала записывать за клоунессой. Неожиданно в разговор вмешался Длинный.

– Писать нельзя! – провозгласил он повелительным басом.

– Это почему? – поинтересовался Юрий Станиславович.

– Записывать нельзя! Это не лекция! Это консультация!

– Понятно, – широко улыбнулся Юрий Станиславович и с этой секунды незаметно стал записывать всё на диктофон.

– Вы оплачиваете за газ и являетесь потребителем, – продолжила клоунесса. – И вы свои обязательства выполняете в полном объёме. Вы не имеете задолженностей. Вы оплачиваете за газ. То, что вы не заключили договор, не является деянием. Договор – это формальность. Есть поставщик, есть потребитель, есть оплата. Отключить могли только при наличии задолженности. То, что у вас произошло – это уголовное преступление по уголовной статье, это оставление в опасности. Иными словами, допустим, лежачий человек за восемьдесят лет – это оставление в опасности.

– Если что, перед вами сидят профессиональные юристы, к тому же обременённые учёными степенями. Ну, чтобы вы понимали. Те пункты, о которых вы нам рассказали, они нам понятны. И составить документы, которые, кстати, вывешены в интернете, для нас не составит труда, – весомо объявила компетентная Мира, для доходчивости переходя на изуродованный язык толстухи. – Мы ожидали получить здесь конкретную помощь. Газ нужно скорее подключить.

Последовала продолжительная пауза.

– Тогда переходим к действиям, – наконец собралась клоунесса. – Составляем претензии. Государственная жилищная инспекция – контролирующая организация, заявления в милицию и прокуратуру. По правилам предоставления услуг – у нас 24 часа. Закон на вашей стороне. Наверняка там работают люди умные и знающие, чем это им грозит – статья 15 прав потребителей. Если до прокуратуры дойдёт, это будет вообще аховая ситуация. Роспотребнадзор штрафует на 500000 рублей. Государственная жилищная инспекция – поменьше, но это тоже существенно. Если прокуратура зайдёт – это вообще конец.

– Нам главное – подключить газ.

– Я надеюсь на разумность чиновников, которые пойдут на досудебное соглашение.

– А нельзя написать прямо в прокуратуру?

– Но тогда мы лишим возможности управляющую организацию заключить досудебное соглашение и компенсировать вам потери в денежной форме. Вам необходимо предоставить: копии паспортов, копии правоустанавливающих документов на дом, договор с газообслуживающей компанией, платёжки за газ... – последовал ещё длинный список документов, открывающий всю подноготную собственников.

– Так мы же на сбор документов неделю потратим! – не сдержалась Мира.

– Можете сфотографировать и прислать их по электронке.

– И сколько это всё будет стоить?

– Секундочку, вам всё ясно по юридической части?

– Всё ясно, – махнула рукой Мира.

– Тогда оформлением частностей с вами займётся мой коллега!

И связь отключилась, но осталось чёткое чувство, что через объектив камеры за визитёрами внимательно наблюдают недобрые пороссячи глазки.

– Итак, повторим, что нам необходимо сделать, – пробасил Длинный.

– Признаём действия организации незаконными, далее подключаем газ и требуем компенсации морального вреда и ущерба. Тут манипулируем жилищным кодексом, также правилами предоставления жилищно-коммунальных услуг и правами потребителя. Компенсацию морального вреда мы можем затребовать в объёме не менее 100000 рублей. Плюс компенсация ущерба, плюс оставление в опасности. То есть они должны будут вам около полутора миллионов. Статья 15 «О защите прав потребителей». Компенсация наших услуг 28420 рублей.

– Я понимаю, вам важно получить деньги за ведение этого дела. Мы не будем судиться, нам главное подключить газ, – упрямо проговорила дотошная Мира. – И платить за это 28000 рублей мы не собираемся! А в прокуратуру мы сами напишем, обязательно.

– Ну, ваше право писать самим, – сник Длинный.

– За консультацию большое спасибо. Вы подтвердили то, о чем мы думали, – пропела вежливая Мира.

– Так у вас, всё-таки, государственная контора или частная? – с обязательной улыбкой уточнил Юрий Станиславович.

– Ну, обычная компания. Частная, – как будто споткнулся на ровном месте Длинный.

– А почему же к вам направляют из приёмной губернатора? И сколько процентов вы за это отстёгиваете?

– Не знаю, – покраснел Длинный. Он почему-то резко перестал басить и сейчас походил на побитого школьника. – То есть, с Роспотребнадзором у нас такая договорённость есть, – тут же продал контору он. – А, с губернатором, – это не я, – голос его перепрыгнул на писк.

– Понятно! – осклабился Кстовский.

– А в прокуратуру мы напишем и об этом, – констатировала мстительная Мира.

Они вышли в холл. Юрий Станиславович обратил внимание Мира на благодарности, развешенные по стенам. Одни благодарили за денежные компенсации морального ущерба после покупки и возврата некачественного товара, другие – за помощь в решении мелких коммунальных проблем.

– Смотри, каким почерком написаны благодарности. То ли детским, то ли старческим. Коряво и с грамматическими ошибками, – ехидничал Юрий Станиславович.

– И уже на красных бланках с каёмочкой и надписью: «БЛАГОДАРНОСТЬ», – вторила ему внимательная Мира.

Они говорили при секретаршах, уже ничего не стесняясь. Наконец, оставили театральные подмостки «подмётной конторы» и вышли на воздух.

– Понимаешь, какая схема получается: одни – незаконно отключают газ, другие – из секретариата губернатора отправляют к частным юристам, которые, приманив компенсацией в 100000 рублей, заключают договор с собственниками на юридическое сопровождение, закручивают судебный процесс, вымогают не 28000 рублей, а гораздо больше. Затем на законных основаниях проигрывают дело, и все судебные издержки ложатся на плечи собственников дома; помощь судебных приставов, – и дом продают за долги по дешёвке. Жаль, не достался мне в руки договор этой фирмочки, там мелким бисерным, абсолютно не читаемым

без лупы, текстом закреплено множество кабальных пунктиков, – вздохнул Юрий Станиславович.

После столь содержательной беседы заботливая Мира отвезла Юрия Станиславовича на деловую встречу, а сама решила пройтись по магазинам, – реабилитироваться шопингом. Путь её проходил как раз мимо конторы Газнавозсбыта, и она не преминула осмотреть достопримечательность. Рядом с запертой парадной автоматической дверью обнаружилась маленькая незаметная дверка. Любопытствующая Мира толкнула дверку. В зале было пусто, за стеклами «прилавка» в ряд сидели тётки. Жрицы Газнавозсбыта отличались тяжелым взглядом и «повышенной сурьёзностью».

Заинтересованная Мира подошла к одной из них.

– Вы работаете?

– А, вы, что, не видите?

– Просто на сайте написано, что не работаете.

– А мы работаем дамочка!

– На улице Черниговской в доме 13 был без предупреждения отключён газ, – начала свою «сказочку про белого бычка» неспящая Мира.

– Предупреждения поступали в платёжках. Читать надо было, – заученно прогнусавила субтильная тётка.

Видимо, люди с одной и той же, созданной Газнавозсбытом, проблемой рвали на себе волосы у её уютного окошечка с потрясающей регулярностью. Было видно, что общение с просителями, поучение их, наставление на путь истинный, унижение их собственного достоинства доставляют ей неизъяснимое наслаждение.

– В доме живут двое престарелых инвалидов, они самоизолировались в связи с ковидом. Вы оставили их без газа. Будь на улице похолоднее, они бы простудились и заболели.

– Вы обязаны о них заботиться. Нельзя бросать пожилых одних. Ваш моральный долг сделать для них всё необходимое.

– Как вы представляете себе это всё необходимое? Что нужно сделать для того, чтобы включили газ?

– Во-первых, мне нужны копии всех паспортов всех участвующих в этом деле людей. Вот вы кто такая? Дочь?

– Нет, я представляю Юрия Станиславовича Кстовского.

– А он кто такой? Сын?

– Нет, он доверенное лицо.

– Какое лицо?

– Доверенное.

– Кому?

– На его имя собственниками дома составлена генеральная доверенность.

– Где доверенность?

– Вот.

– А вы ему кто? Жена?

– Нет, я работаю в его юридической конторе.

– Ваши паспорта, квитанции об оплате за газ, договор с обслуживающей компанией, справка о родственниках, находившихся на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны и т.д. и т.п..

Список был бесконечен. Однако у запасливой Миры в её вместительной дамской сумочке нашлось всё. Юридическая практика учит многому. Жрица Газнавозсбыта сделала копии всего. О том, зачем ей были нужны все эти документы, история умалчивает. Приметливая Мира обратила внимание на то, что кисти рук у служащей были странной формы.

Далее Жрица объяснила, что нужно будет заключить договор о проверках домашнего газового оборудования раз в год, принести его в эту контору, и тогда злополучную красную коробочку снимут. Но, ВНИМАНИЕ, газ подключить будет ещё нельзя! Господа! Вы ищите лёгких путей!

После вышеописанного данные будут переданы в другую независимую контору – ПАО Газпромгазораспределение Нижний Новгород (Газпуск). Она располагается в другом районе города на улице Крылова, ба, и уже оттуда придёт специалист, и после оплаты в 600 рублей подключит газ...

– А на дом можно будет вызвать служащего фирмы, с которой мы будем заключать договор? – спросила потрясённая Мира.

– Можно. Фирм много, некоторые выезжают.

Выйдя из конторы, бесподобная Мира обратила внимание на соседний забор.

«Забористые стихи» – гласила надпись на нём. И даже значились авторы подобной наголоватой акции: Бронислав Кауров и Андрей Террасов. Забор был весь увешан листочками со стихами. Ниже значилось воззвание: «БРОНИСЛАВ КАУРОВ. РАССТИШИМ РОССИЮ!».

«Наконец-то пришла весна! Ура!

Недавно в Нижегородской Ленинградской библиотеке Михаил Садовский представил меня как самого «многочечатного» поэта-нижегородца. Он пошутил по поводу книги рекордов Гиннеса и спросил, не мои ли стихи написаны на соседнем заборе. Зал заулыбался. Следующим утром родился ответ. Предоставляю его вам:

*Привыкли в народе,
Судачат ребята,
Что я уже вроде
Везде напечатан.
И как-то меня
На концерте спросили:
«Вот эта фигня,
На заборе, не ты ли?».
Да сгинут как вздор
Интернета объедки!
Пусть будет забор
Для меня артобъектом!
Забор – это, ну-ка,
Народная драма!
Покруче фейсбука!
Сильней инстаграма!
Посланья Мессии,
И радость, и горе
Привыкли в России
Писать на заборе!
И если вы это
Читаете сдуру –
Писал Бронислав,
Подписался – Кауров!*

По этому поводу наш маленький коллектив обращается ко всем поэтам мира:

ВОЗЗВАНИЕ! ПОЭТЫ! Пишите прекрасные стихи на заборах! Покажем кукиш мировому империализму, воплотившемуся в интернете! Да здравствует возвращение к корням, распиленным на доски!

В народ! В народ! В народ! За экологически чистые стихи!

Поэзию на улицы городов, во дворы, в переулки, на автобазы и скотобазы, на задворки и помойки, стройки и перестройки!

Оторвём молодёжь от гаджетов и оторвёмся сами!

Пусть заборы, как и все преграды, разделяющие людей, рухнут от наших стихов! У нас сплошные заборы. Расстишим Россию!

Проведём перформансы! Наделаем инсталляций! И выложим все это в интернет! Ура! Закольцевалось!

Ура ЗАБОРИСТЫМ СТИХАМ!

Так станем, ПОЭТЫ,

Изящным узором

Рондо и сонеты

Писать на заборах!

А если добавить к этому немного аналитических рассуждений, то шутка оборачивается весьма любопытным почином. Почему вместо стыдных гадостей и объявлений о продажах и наймах не писать на заборах высокие, нетленные стихи? Ведь получили же признание граффити. И на каком высоком уровне! Чем поэты хуже художников?

В современном мире поэтов постепенно становится больше, чем их читателей. Самовыражение нужно как воздух. Давайте выражаться прилично.

Интернет с его вседоступностью и вседозволенностью становится не средством распространения стихов, а их кладбищем. Попробуйте вникнуть в те терабайты поэзии, которые висят на тысячах сайтов. Попробуйте их отфильтровать. А на данном конкретном, близком к вашему дому заборе сколько найдётся у вас соперников? И где вы хотите прославиться – в своём городе или в Бахрейне?

Наконец, поэзия постепенно отдаляется от простых людей и становится игрой в бисер для профессионалов. Вы для кого творите, господа поэты? Сами для себя.

Ответ публики будет виден сразу. Не понравится – сорвут.

Я уверен, что многие поддержат это начинание. И прежде всего читатели. Им грустно, что о них забыли. Это поднимет интерес к поэзии. Ведь большинство уверены, что поэты вымерли в девятнадцатом веке. А то, что льётся на нас с экранов – эта попкультура, это не поэзия, а помой. Культура поп. Так возродим же любовь к поэзии методами нового искусства, такими простыми и такими доступными. В России столько заборов!

Приглашаем к нам на сайт! На сайте «Театра поэтов» (teatropoetov.com) размещён наш фильм о презентации нового номера журнала «Холм поэтов» в музее Пушкина. Посмотрите. Не пожалеете! Бронислав КАУРОВ, Михаил САДОВСКИЙ, Андрей ТЕРРАСОВ».

«Забавные наглецы!» – подумала снисходительная Мира.

Заключать договор приехал человек средних лет с необыкновенно добрым лицом. Юриста это сразу насторожило. Прошёл в дом договорщик чрезвычайно церемонно и вежливо и тут же, не спросив разрешения у хозяев, стал фотографировать всё на телефон. Сострадательно глядя на Юрия Станиславовича, он начал сокрушаться.

– Вы же сами видите, что всё здесь подлежит замене. Таких плит и колонок уже не делают. АГВ же находится в самом плачевном состоянии. Вы должны позаботиться о своих родственниках. Это ваш долг. Не дай Бог...

– Мы потом обязательно заменим это оборудование, но сейчас главное – подключить газ. Всё тут исправно работало десятки лет. Спешки в замене нет. А оставаться без тепла двум престарелым инвалидам опасно, – настаивал Юрист.

– Вот, вы сами говорите «десятки лет». А ведь всё может кончиться печально... Нет! Я не могу пойти против совести. На мне лежит ответственность! У меня дети! В договоре есть пункт о недопустимости отсутствия автоматики и ненадлежащего состояния дымоходов. Я должен посоветоваться с начальством, – и Светоликий трусцой побежал на улицу.

– Иди за ним, – прошипела прозорливая Мира.

– Ну, давайте мы вам лично за это заплатим, – предложил Юрист, догоняя Правдолюба.

– Нет, я на это пойти не могу. Я должен посоветоваться с начальством.

Кстовский не успел остановить Наичестнейшего, как тот начал «стучать» начальству по телефону:

– Состояние дымоходов ненадежнее... – продолжал ябедничать Светлоликий. – Автоматика не работает, кнопка подвязана кустарно изготовленным хомутиком в виде тряпочки. Что? Не заключать? Конечно! Да.

– Вот, видите! – победоносно обратился к Юристу он. – Ну, так и быть. Давайте посмотрим ещё раз. Я, конечно, хочу войти в ваше положение, – продолжал лекцию он, просочившись на кухню так же шустро, как и вылетел из неё. При этом он не переставал снимать. – Это для наших специалистов. Чтобы всё аргументировать. Вот – видите – дымоход. Я могу проткнуть его, просто сжав пальцами.

– Только не надо ничего ломать! – насупилась грозная Мира.

– Хорошо, – примирительно пожал плечиками Правдолюб. – Но ведь заботиться о ваших родственниках – ваш долг. А тут такой риск. Я помогу, пойду, так сказать, навстречу. Я знаю мастеров, которые заменят вам всё это старьё за какую-то пару недель. Я посоветую вам бригаду моих хороших знакомых, и вам всё это обойдётся очень не дорого: какие-нибудь 28000 рублей. Я имею ввиду работу без стоимости оборудования, – глаза Наичестнейшего изменились. Он выдал себя с головой. Когда он стал называть суммы, светлый лик превратился в алчную маску, а глазки зажглись жёлтым золотистым блеском червонцев. – И сразу же после заключим договор.

«Какая-то заколдованная сумма – 28000 рублей», – подумал Кстовский, а вслух произнёс: «А сначала договор нельзя?»

– А какая же гарантия, что вы обратитесь с ремонтом именно к нам? – наивно удивился Правдолюб.

– Никаких договоров с вами мы заключать не будем! – ошетинилась Мира. – И на съёмку в чужом доме нужно получить разрешение, а вы этого не сделали! Немедленно удалите все снимки!

Правдолюб совершенно растерялся. Накатанная схема почему-то не прошла. И это с такими лохами на вид! Действительно, добрый, интеллигентный вид Юриста и красота несравненной блондинки Миры многих вводили в заблуждение.

Договорщик покорно удалил все фотографии и ретировался, что-то поскуливая.

Вот ещё один завиток на отработанной газонокосилке, стригущей деньги с незащитного населения. Кто-то продумал все мелочи, и все потоки денег стекаются к нему. Проверятьщики не подписывают разрешение на подачу газа и рекомендуют знакомых мастеров, которые заламывают несусветную цену и меняют старое русское советское оборудование из прекрасного металла на одноразовую китайскую шнягу. А шняга накроется через полгода и потребует ремонта вновь. Вечный двигатель. Тот самый, рассмотрение которого французская академия отменила уже 100 лет назад.

Договор они заключили с другой фирмой, работники которой даже не выезжали на место. Всё ограничилось подписанием бумаг прямо в офисе. Каждая контора зарабатывала себе на хлеб по-своему, но вместе они делали одно великое дело. Обдирание населения! Складывалось впечатление, что всё категорически нельзя, причём в интересах населения, но при определённых обстоятельствах можно абсолютно всё и ещё немножечко.

С вновь обрётённым договором на следующий день они пошли в контору «Газнавозсбыта». Зал был переполнен народом, которому так же, как и нашим подопечным, «добрый» «Газнавоз» наступил на горло.

– А с кого спрашивать денежную компенсацию, если у меня от вашего неожиданного отключения котёл сломался? – гневно вопил один посетитель.

– А у меня трое детей! – неистовствовала другая.

Крепкий мужчина с неподвижным ненавидящим лицом всё время входил и выходил из зала, видимо, успокаиваясь таким образом. Впечатление было такое, что толпа скоро закричит: «Жги Газмяс!»

Встретила их та же тётка, что мучила кротку Миру.

– Ревматоидный артрит, «ласты моржа», – сразу поставил диагноз Юрист, закончивший когда-то медицинский институт, взглянув на руки тётки. – Ещё и лёгкие заинтересованы (он отметил тщедушную форму грудной клетки), а то и порок сердца есть (он увидел, как в ритм сердцебиения покачивается голова).

– У нас, на улице Черниговской в доме 13, был без предупреждения отключён газ, – начал «сказочку про белого бычка» уже Юрист.

– Предупреждения поступали в платёжках. Читать надо было. Во-первых, мне нужны копии всех паспортов всех участвующих в этом деле людей.

– Вы уже все ксерокопии делали, – перегнулась через плечо Юриста гибкая Мира.

– А! Я вас помню! Вы прописаны на улице маршала Березовского, – почему-то вспомнила точный адрес Миры тётка.

– А он кто такой? Сын? Вы обязаны заботиться о своих немощных родственниках. Нельзя бросать пожилых одних. Ваш моральный долг – сделать для них всё необходимое.

– Нет, я – Юрий Станиславович Кстовский.

– Он доверенное лицо, – сунулась в разговор нетерпеливая Мира.

– Какое лицо?

– Доверенное.

– Кому?

– На его имя собственниками дома составлена генеральная доверенность.

– Где доверенность?

– Вы её уже снимали.

– А вы ему кто? Жена?

– Нет, я работаю в его юридической конторе.

– Ваши паспорта, квитанции об оплате за газ, договор с обслуживающей компанией, справка о родственниках, находившихся на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны и т.д. и т.п..

– Вы всё это уже переснимали!

– Не кричите на меня, вы мешаете мне работать! Придут, наскандалят! Работать невозможно! Я что ли газ у вас отключила? Это распоряжение руководства, правительства. А все на меня лают. Будто я виновата!

В конце концов, тётка оформила документы и дала зелёный свет на снятие красного ящичка. Было жаль её и всех этих скучных злых мелких чиновниц. Но жалость тут же испарялась, когда ты видел, с каким удовольствием, пользуясь законами, правилами и положениями, они на законных основаниях мучают людей.

Кстати, дня через два, видимо, от неё прилетел «привет»: на владельцев дома было подано в суд за задержку оплаты за газ. Эта 10-дневная задолженность не превышала 200 рублей. Виновником задолженности являлся Сбербанк (его местное отделение, не осуществившее вовремя автоплатёж). Естественно, Кстовский платёж провел в отделении банка лично.

Проникновение в наш мир враждебных, потусторонних сил происходит именно так. Это мелочи, которые со временем становятся непреодолимым препятствием. И мы слышим стоны из зазеркалья, звуки биения перепончатых крыл и ощущаем пронзительный запах тлена.

Конечно, спустя несколько месяцев, после обращения Юрия Станиславовича в прокуратуру и двузначное число других инстанций кто-то был наказан, но идеологи, те, кто собственно продумывал и создавал преступные схемы, остались в тени. Да и мелкие офисные кровососущие, оставшись на своих местах, перестали вытягивать жилы посетителям по этому поводу и начали высасывать им мозг на иных законных основаниях.

Удовлетворив НижегородЭнергоГазРасчёт, числящийся у нас под псевдонимом Газнавозсбыта, Юрист и неотступная Мира стали атако-

вать «Газпуск», районное отделение ПАО Газпромгазраспределение Нижний Новгород. Местнюки тоже оказались «орешками из базальта». Вот только описание ситуации «сказки про белого бычка».

– Газнавозсбыт снимет «ящик Пандоры» завтра. Когда вы сможете подключить газ?

– Послезавтра с девяти до одиннадцати, – прозвенел в трубке голос диспетчерши.

– Мы не можем послезавтра. Мы работаем.

– Ну, пусть откроют собственники, – проконючила диспетчерша.

– Они не могут. Это престарелые инвалиды.

– Мы должны подключить газ не позднее следующих суток со дня снятия блокировки.

– Мы не можем послезавтра. Мы работаем.

– А мы должны подключить газ не позднее следующих суток со дня снятия блокировки. Вы должны выпустить в дом и оплатить 600 рублей за включение.

– Мы не можем послезавтра. Мы работаем.

– Тогда газ вам подключён не будет.

Разговор зашёл в тупик.

– А можем мы вызвать мастера по включению в понедельник?

После препирательств ещё в течение часа, консенсус был достигнут.

Но и тут дело шло ни шатко ни валко, своим чередом.

А пока многое нужно было делать просто руками. Автоматику, отключающую газ в случае форс-мажора, чинить было нужно.

Мастера для замены автоматики на «АВИТО» они искали довольно долго. Никто не хотел связываться со старым оборудованием. Но наконец нашлись и такие люди.

Специалиста ждали недолго. Неутомимая Мира развила бурную деятельность в заросшем палисаднике перед домом. Она решила побаловать пожилых отшельников и высадить несколько десятков отдельных цветов и кустиков духоподъёмного характера. Юрист подносил патроны в виде вёдер воды. Битва была в разгаре, когда к дому подкатил белоснежный автомобиль. Из него вышел грязновато одетый, криво улыбающийся босяк с потрепанной сумкой. Походкой бродячей дворняги он подошёл к садоводам.

– Мастера вызывали?

Мастер по ремонту газового оборудования был худым молодым человеком с лицом профессионального комика и правильно поставленной речью, имитирующей нотки рафинированного интеллигента. Он даже напоминал чем-то великого Юрия Никулина в молодости. Не очень складные движения рук и ног содержали в себе некий рисунок. С невозмутимостью истинного джентльмена он прошёл по захламлённым комнатам. «И не такое видали!», – говорил его бывалый взгляд. Перед бачком АГВ он сделал стойку археолога, раскопавшего Тутанхамона.

– Да! Раритетный ПЕПЕЛАЦ! – констатировал исследователь.

– Работает безотказно, но на проверяющих производит отталкивающее впечатление отсутствием автоматики, – констатировал Юрий Станиславович.

– Вообще-то полгорода так живёт, верёвочкой подвязанные, – повторил фразу предыдущих специалистов новоявленный пророк. – Но в договоре есть пункт о недопустимости отсутствия автоматики и ненадлежащего состояния дымоходов. Как будто есть подлежащее состояние! Вот и пользуются этим «проверяльщики». Ну, давайте посмотрим, что можно сделать.

Копался Мастер с редким именем Иван довольно долго, выяснил, что накрылись термопара и электромагнит, открывающий газ.

– Ну, что... Я попробую найти детали и замену их. А, если не найду, сделаем «колхоз».

– Что значит «колхоз»? – заинтересовался Юрист.

– Это означает, что я из доступных деталей сделаю то же самое, и работать будет ничуть не хуже. Ну что, «колхоз» делать будем?

– Будем! – решительно заявил Юрист.

За приезд мастер взял всего 500 рублей.

На следующий день он явился вовремя, и победоносно продемонстрировал «родные детали». Они вместе покопались в агрегате: Юрист то держал ключи и детали, то разворачивал заржавевшие, намертво спаявшиеся гайки, не поддававшиеся Мастеру. Это, кстати, говорило о том, что добрейший Юрист был человеком, наделённым медвежьей хваткой.

В процессе ремонта была сорвана резьба с ещё одной деталюшки, которую нужно было заменить, и ремонт перенёсся на утро дня, в который должны были прийти специалисты из горгаза и, наконец, подключить газ.

На следующее утро Кстовский нервничал, но Мастер опять пришёл вовремя, но на этот раз не один. Вслед за ним порог переступил пятилетний мальчик, представившийся как Захар Иванович.

– Да-а-а-а! На веранде у вас зава-а-ал! – начал он.

– А на кухне? – поинтересовалась Мира

– И здесь завал.

Отец чинил автоматику и каждое своё действие обсуждал с сыном. Шутил. Походя, устроил опрос по математике.

– Он со мной уже по многим адресам ходил. В газовом оборудовании разбирается, – гордо улыбнулся Иван.

Юрий Станиславович подумал, что это – идеальное воспитание ребёнка. Он не будет думать, что родители, уходя на работу, бросают его. Он не станет на них злиться за невнимание. Он научится делать работу руками. Не будет считать, что деньги растут у родителей в кошельках и истерично клянчить смартфон, самокат, компьютер и другие гаджеты. Это не отобранное у ребёнка детство, это проявление уважения и равноправия.

Зайдя в туалет, мальчик совершенно по-взрослому обнял ладонью свою голову.

– Как вы живёте?

Через некоторое время он спросил у отца.

– А ты всё тут будешь ремонтировать?

– Не хотелось бы. У нас самих ремонт не закончен, – отозвался Иван.

Когда Юрист отлучился на минуту в другую комнату, оставив на хозяйстве Миру, Захар устался на неё.

– Ну, ты – красивая, а «Этот» куда пошёл?

– По делам. Хочешь к нему?

– Да.

И Мира повела его на экскурсию по дому, наполненному не только всякой рухлядью, но и многими интересными стариннейшими вещами. Мальчик экскурсию оценил. Выяснил, чем занимается Юрист. Получил в подарок несколько маленьких игрушек и занялся ими.

Тем временем ремонт подходил к концу, и пора бы уже было появиться узкому специалисту по включению газа и свершить это столь ожидаемое священнодействие. Кстовский набрал номер диспетчерской.

– Так к нам придут специалисты?

– Все специалисты с восьми на вызовах. Свободных нет, – ответил уже знакомый женский голос.

– Но Вы же говорили, что оставили заявку?

– Так к вам же уже приходили, и вы отказались платить.

– Мы не отказывались платить, мы просто были заняты, а престарелые люди сами не могли открыть.

– У меня числится, что вы отказались платить!

– Мы не отказывались. Мы перенесли визит на понедельник.

– Все на вызовах.

– Так что же делать?

- У вас стоит красная корбочка?
- Нет. Её сняла другая организация.
- Ну, так газ у вас уже есть. Включайте его сами, и всё.
- А как же платить?
- За вами будет числиться, что вы отказались платить.
- И что нам за это будет?
- Ничего!!!

Юрист опешил. Значит, квитанция об оплате была «филькиной грамотой», документом абсолютно не законным и нигде не числившимся. Ещё одна схема массового облапошивания.

- Тогда включите газ вы, – попросил он Ивана.
- Нет проблем, – ответил современный Левша, включил газ и с помощью мыла проверил герметичность всех соединений.

Юрий Станиславович рассчитался.

– Очень щедро с вашей стороны, – покачал головой Иван.

Они с сыном стали собираться.

– А мне тут игрушки подарили, – похвастался мальчик.

– Ну, ты – жох! – рассмеялся Иван, и они с Захаром пошли в свою машину.

МЕТОД ЮРИСТА

Диавол не знает того, что у нас в мыслях, потому что исключительно принадлежит это единой силе Божией, наедине сотворившей сердца наши; но по телесным движениям уловляет он душевные думы. Увидит ли, например, что иной пылливо смотрит и насыщает глаза чужими красотами? Воспользовавшись его устремлением, тотчас возбуждает такого человека или к прелюбодеянию, или к блуду. Увидит ли гневливого и раздражительного? Тотчас изоощряет меч и устремляет на убийства. Увидит ли корыстолюбивого? Поощряет к разбою и несправедному приобретению. Увидит ли одолеваемого кревоугодием? Тотчас живо представляет ему страсти, порождаемые кревоугодием, и доставляет служащее к приведению намерения своего в действие. Ибо почему не всех вовлекает в одни и те же страсти? Потому что каждый сам избирает, один то, а другой иное, и одному нравится то, а другому иное. Итак, по телесным движениям диавол угадывает душевные слабости и таким образом сплетает сети.

Исидор Пелусиот

Каждый великий сыщик имеет свой метод. Величайший прародитель криминалистики и сыскаго дела Шерлок Холмс предпочитал метод дедукции. Он отметал все возможные версии, и оставалась одна, которая, какой бы она не казалась парадоксальной, и являлась истинной. Кроме того, он был знатоком мелочей: окурков, шрифтов и образцов грунта.

Эркюль Пуаро работал «серыми клеточками», подмечая мелкие несоответствия в поведении и действиях подозреваемых, и потом наводил справки, искал тёмные места в биографии преступников.

Мисс Марпл в своей богатой памяти находила аналогии характеров людей, участвовавших в преступлении, и потом делала выводы об их поступках.

Юрий Станиславович Кстовский пользовался тем, чем старые, классические сыщики пользоваться не могли. Нет, к сожалению, я говорю не о технических достижениях общества, а о его физической, нравствен-

ной, духовной и просто умственной деградации. Я говорю об отсутствии приличий, манер и последнего стыда.

Современные люди неряшливы, примитивны и наглы. Они не умеют контролировать эмоции, их этому никто не учит, они находятся на самой низшей степени владения собой по сравнению со всей предыдущей историей. Появиться с таким неопрятным выражением лица на людях, в обществе на век, два, тысячелетие раньше, означало бы появиться голым с неподтёртым задом.

Скорость, с которой человечество скатилось в каменный век за последнее столетие, поражает.

Люди абсолютно перестали следить за своим лицом, эмоциями и поведением.

Вспомните портреты вельмож екатерининской эпохи. У всех у них небольшие ротки с пухлыми, чуть улыбающимися губами на холёных розовых лицах. Выражать на лице неудовольствие, скорбь, печаль, гнев, считалось дурным тоном. Да, что там, – гнев и уныние церковь считала грехами.

Распущенный, несжатый, несформированный рот выдавал простолюдина, простофилю, болвана, раба. Этот человек не мог быть допущен в приличное общество, – на нём была поставлена печать слуги и быдла. Именно к этой категории относятся крепостные, сожравшие своих хозяев и занявшие верхние места, которые эти обезьяны именуют непостижимым для них названием «бомонд».

О том, как нужно девушке держать свои губы повествует известный царского времени анекдот.

Молоденькая барышня готовится встретить кавалера. У неё большой для того времени недостаток – распущенные губы. Это недопустимо. Домочадцы наперебой говорят ей: «Подбери губы! Повторяй постоянно слово «урюк», «урюк!»». Девушка увидела кавалера, он ей понравился, и в восторге она проговорила, распуская рот: «Куря-я-яга-а-а!»

Теперь вспомните накаченные губы современных «бомондных» див и представьте, на какой ступеньке социальной лестницы оказались бы они в дореволюционном дворянском обществе. Выше грязных уличных проституток, которых гоняли дворники, им было бы не подняться.

В поведении и в контроле за эмоциями мы достигли уровня Хама Эректуса (гомо эректуса). На что эрекция, туда и бежим.

На лицах этих взрослых детей всё читается как в открытой книге. Я не имею в виду физиономистику или психологию. Эти науки примитивны так же как искусствоведение, пытающееся разложить по полочкам и объяснить необъяснимое. Подвергнуть гений сухому анализу. «Поверить алгеброй гармонию». Привязанные к предрассудкам классификаций психологи городят всякую чушь, не замечая очевидного.

Юрий Станиславович описывал человека интуитивно художественным языком и почти никогда не ошибался.

Юрист часто замечал, что терапевтическая и хирургическая патология большого соотносится не только чертам его характера, но и порокам, которыми страдает данный пациент. Карьере врача Кстовский предпочёл стезю учёного, борющегося не с недугами отдельного человека, а с людьми-паразитами, высасывающими силы и натуральную кровь у общества. Это давало ему в руки козыри прекрасного диагноста, как заболеваний, так и пороков.

Юрий Станиславович почти точно знал, видел сразу, каков представлявший перед ним человек, и на что он способен, и дальше уже подыскивал для него место в преступной схеме. А после уже шла нудная и долгая работа с документацией, аналитические выводы и подтверждение или опровержение возникшей гипотезы. Работу с документами мы, естественно, опускаем, иначе наш роман превратился бы в уголовное дело в 98 томах. А вот те психологические наблюдения за людьми, выраженные в художественной форме, и дотошно характеризующие, индивиду-

ализирующие героев и антигероев, которые аккуратно записывал для себя Юрист, мы читателю предоставим.

Учитывая то, что социальные типы очень часто широко растиражированы, наш терпеливый читатель узнает в них множество знакомых и сделает соответствующие выводы. Будет весьма забавно.

ВОСПОМИНАНИЯ КСТОВСКОГО

Когда-то Кстовский работал в одном медицинском институте, занимавшемся как обучением курсантов, так и научными разработками. Сам труд в учреждении Юриста вполне устраивал, – он любил заниматься узкой тематикой. Но годы шли, люди в коллективе менялись. Чтобы психологически приучить себя не тратить нервы на приспособление к окружающей действительности, Юрий Станиславович написал рассказ, слив в него всё раздражение от перемен к худшему, тем самым освободившись от накопившегося негатива. В то время Юрист считал себя уже сложившимся учёным и не предполагал, что вскоре жизнь его изменится самым коренным образом. Он считал себя старым и неповоротливым, не подозревая, что жизнь после сорока может измениться к лучшему и юность вернётся. Поэтому в рассказе «Повесть об уникальном человеке» называл себя старым профессором.

Повесть об уникальном человеке

У старого профессора были очень тяжёлые свинцовые чётки. Их подарил один монах, когда профессор в отпуске работал трудником в Высоковском Успенском монастыре. «Тебе они обязательно пригодятся!» – сказал древний монах. И в один «прекрасный день», исчерпав все иные аргументы, профессор просто опустил чётки на голову заведующего кафедрой.

Старого учёного накрыли воспоминания. Это была удивительная кафедра – одновременно военных, учёных и шалопаев. Они лечили больных, проводили эксперименты, выдвигали смелые гипотезы, защищали диссертации и весело проводили праздники. Руководил всеми человек талантливый, глубоко порядочный и весёлый. Но однажды его продвинули на повышение, и кафедра осиротела.

Вот тут-то и раскрылась уникальность Сёра Аналовича Кудрявицева. Человек по определению анекдотичный, Сёр при фамилии Кудрявицев был абсолютно лыс. Стриг почти под ноль он только венчик на затылке и висках, но и на них периодически возникали кружки лишая, а на маленькой детской мордочке появлялись обильные угри. Выглядело всё это неопрятненько.

Сначала Сёр профессору даже понравился. Скромный, какой-то забитый, услужливый, улыбочивый. Когда он пришёл в институт, они даже вместе прогуливались по территории, беседовали. Профессор вообще был склонен поддерживать сырых и убогих. Хотя и тогда, видимо, было понятно, что это не уважение к старшему, а просто Сёр чтит табель о рангах. И вскоре, попав в учёные секретари, он прошёл школу запретельного холуйства. Вернулся он на кафедру уже при больших погонах и при маленьком полузаконном бизнесе. Затем, незаметно оттерев более талантливых коллег, возглавил кафедру, стал Куд-саном.

Один из тех многих, кого Сёр самозабвенно «сожрал», был доцент Жучок, который так говорил, расставаясь с друзьями: «Меня многие ругали. И Шобан ругал, и до него. Но этот же никогда не останавливается. Он начинает, – и по кругу. Начинает, – и снова по кругу!!!». Маленький, похожий на клоуна, человек рыдал. Жучок, несмотря на свой ум, доброту и несомненные заслуги перед наукой, привык к тому, что его унижают. Ну, потому – что – маленький... потому – что – смешной с детства... потому, что – жена с характером диктатора... Но целенаправленного геноцида он вынести не мог.

«Вот личность!!!» – повторял Жучок про Сёра. Но собственно личности-то как раз и не было! Личность, даже если она дурно пахнет, это нечто оформленное, как стул, иногда даже кичащееся своей прямоотой, – крепостью и несгибаемостью: «Вот какое я оно!!!». Иногда даже окаменевшее, как экскременты тираннозавра. А тут была жижица. Человека просто не было! Разговаривать было не с кем. Он был из тех, кто принимает форму сосуда, – человек «КАКСОСУТ». Когда сосут кровь у него, то это – человек мягкий, нежный, податливый, плаксивый, с тонкой кожей, поруганный, несчастный, трясующийся, вызывающий сочувствие, правдолюб; когда сосёт кровь он, – человек становится привередливым, придирчивым, наглым, злобным, напористым, несгибаемым садистом. Перед начальством он сгибался и расслаблял ягодички, а с подчиненными был безжалостен и ни на секунду не прекращал издевательства.

Часто в такие минуты профессор всматривался в лицо Куд-сана. Кого же он ему напоминал? И в какой-то момент он понял. Это детское личико, нос пуговкой, мелкие, напряжённые черты, поросычьи искренние глазки, от прилива пьянящей власти становившиеся злыми, – это же болезнь Дауна. Только даунята – народ добрый, а это даун-мутант!

«Вытянутый карлик!» – сказала как-то Раневская о своём режиссёре. Сёр был даунёнком-лысаком, даунёнком, купившим себе затылок.

Как-то предусмотрительно опоздав на собрание кафедры, старый профессор застал донельзя знакомую диспозицию. По-ленински оседлав бровничок стола, Лысак пел песню глухаря.

Коллектив кафедры, склонив седеющие головы, с полными безысходности глазами хронических двоечников, внимал волшебным звукам годами не меняющейся песни. Тут же родилось нетленное стихотворение, повторяемое, как мантра, в последующие годы.

*А ОН на белом скакуне
Вещает что-то, как во сне,
Пророчит сквозь огонь и дым,
И вьются ангелы над ним.
«В бюджете у страны дыра, –
Сожрали всё профессора.
И, презирая честный труд,
Доценты деньги жрут и жрут!
Один лишь честен среди крыс,
Блестяще ОН умён!». Но, – лыс!*

Стихи рождались и раньше. Многие из них стали гимном кафедры.

*Дождливый вечером, вечером, вечером,
Когда нам дома, прямо скажем, делать нечего,
Мы приземлимся за столом,
Поговорим о том, о сём –
И нашу песенку любимую споём:
Пора в путь дорогу
На кафедральное, дральное, дральное идём!
Потерпим немного! Зато Кудрявого НЕ ПОДВЕДЁМ!
Пусть судьба забросит нас далёко!
Пусть!
Ты только телефон из рук не выпускай!
Следить будет строго... ему же видно всё! Ты так и знай!
Мы парни бравые, бравые, бравые,
Но чтоб не сглазили начальники кудрявые,
Мы выпьем раз, мы выпьем два за наши славные дела,
Да только так, чтоб не болела голова!
Пора в путь дорогу
На кафедральное, дральное, дральное идём!*

*Потерпим немного! Зато Кудрявого НЕ ПОДВЕДЕМ!
Мы парни бравые, бравые, бравые,
Но чтоб не сглазили начальники кудрявые,
Мы перед вылетом ещё
Их поцелуем горячо
И трижды плюнем через левое плечо!*

Как-то, во время кафедрального заседания, зазвонил телефон. Хорошающимся петухом завкаф поднял трубку:

– Командир надцатой кафедры!

– Это из научного отдела. Вот тут вы подали научную статью «Роль караси-факторов в формировании серингомиелии».

Лысак опешил:

– Я не подавал.

– Ваши соавторы Трибун, Горбун и Будун.

– А-а-а-а! Трибун включил-таки. Ну, спасибо ему.

– Так как на счёт консультации по существу вопроса?

Лысак съёжился. Если бы он был ёжиком, втянутые иголки болезненно воткнулись бы в его лысый череп.

– Я осуществляю только общее руководство, – проблеял он. – Вот выйдет из отпуска Трибун, он ответит на вопросы...

– Ну, понятно, – послышалось в трубке.

Коллектив кафедры внимательно, с пониманием следил за кувырками лысого клоуна.

Вообще лысый лидер «сожрал» примерно три четверти состава кафедры. При этом никто из новых учёных к нему идти не хотел и постепенно ту же самую учебную нагрузку вытягивало всё меньшее число преподавателей.

Будучи феноменально глупым, на одном из отчётов он выставил старую фотографию кафедральных сотрудников. На ней на первом плане восседали Жучок и ещё шесть человек уволившихся. Даже начальство замечало, что считать это успехом руководства коллективом странно.

Одним из единомышленников старого профессора на бесконечных кафедральных заседаниях был профессор Кацубей. Сам старый полковник, Кацубей разбирался в тонкостях службы и объяснял: «Вы понимаете, он пришёл армию по призыву и там стал прапорщиком. Ничего страшнее нет. Это выбившийся из солдатской среды маленький начальник. Он точно знает, кого топтать, кому лизать, и выучил устав. Он останется прапорщиком навечно, на всю жизнь. Хамство – его религия!». Уходя, Кацубей горько предупредил старого профессора: «Оставаться тут крайне опасно. Пройдёт еще год-два, и вы станете на него похожими. Это произойдёт незаметно».

Но уходить старый профессор не хотел. Во-первых, ему нравилось преподавать, и он считал своё дело нужным. Во-вторых, он искренне не понимал, почему уйти должен именно он, а не патентованный мерзавец. И, наконец, Лысак его развлекал. Наблюдение за ним стало своеобразным научным трудом по природоведению.

«Многоуважаемый» Аналыч невольно был автором множества афоризмов. Профессор записывал их в книжечку, это был золотой запас: «Бережливого, Бог бережёт!», «Вот, если вы настоящий педагог, то вы поймаете слушателя в коридоре и начнёте его воспитывать. Я так всегда делаю!».

Однажды он выдал профессору настоящий шедевр: «Вам, профессор, придётся в отпуске поработать на государство, оправдать, так сказать, ваше содержание. Вам необходимо будет переработать весь комплекс методических документов по профпатологии, токсикологии, радиологии, медицинской защите от средств массового поражения, пульмонологии, кардиологии и гастроэнтерологии. Государству это нужно. А потом

можете заслуженно отдохнуть в своё удовольствие. Заметьте, тут мне придётся полностью положиться на вашу порядочность. Я не смогу вас проконтролировать. Ведь я буду в отпуске!»

У профессора был ученик. Попав под надзор к Сёру, ученик разочаровался и в работе, и в науке, и в людях. Кое-как собрав клинический и экспериментальный материал, он пришёл к профессору, вывалил всё это ему и сказал коротко:

– Вот, что насобирал, то насобирал.

– А интерпретация результатов? – робко поинтересовался профессор.

– А вот это делайте сами, как хотите.

Как ни странно, профессору удалось найти в этой куче интересные закономерности и, промучившись все зимние каникулы, написать основную диссертацию для ученика. Доложил об этом на кафедре.

Сёр был раздражён:

– А вы не должны писать за него диссертацию. Пусть он садится за компьютер, вы – диктуйте, а он – пусть набирает.

Кстати, защищаться ученик так и не стал, при первой возможности бежал с кафедры, пусть в более суровые условия, но зато к честным людям.

О другом случае, произошедшем на кафедре, профессор узнал со слов коллег, получивших от репризы Аналыча величайшее наслаждение. В момент, когда у Сёра возникла необходимость в профессоре, тот был в отпуске, и, памятуя предыдущие случаи отъезда его из домов отдыха, телефон отключил.

Как всегда собранная «под ружьё» кафедра в полном составе тихо сидела и наблюдала за действиями своего Бонапарта. Не желая напрягаться, Сёр решил воздействовать через матушку профессора.

– Сейчас мы его через мамашу достанем! Сейчас мы разведём старушку! – горделиво блеснул интеллектом Аналыч и для показательности своей властной сообразительности включил на мобильнике громкую связь.

Публика, улыбаясь, молча подбадривала его. Дело в том, что мама профессора была не только талантливой ученицей лучших советских ведомств, но и выдающимся учёным с гениальной интуицией. Многие кафедральные сотрудники когда-то у неё учились. Один из сотрудников говорил про неё так: «Если вы хотите, чтобы из вас за 15 минут, направив в глаза лампу, вытащили всю информацию о вас, ваших детях и родителях, о том привлекались ли вы, состояли или участвовали, о том были ли ваши родственники за границей и на оккупированных территориях, – позвоните матушке профессора...».

Но наивный Лысак об этом не знал. Итак, он набрал номер.

– Здравствуйте! Позовите профессора!

– Здравствуйте! Благоволите представиться, пожалуйста!

– Я – заведующий кафедрой, заслуженный Карабас Барабас, старший Бармалей, Ефрейтор, Поцполковник Сёр Аналович Кудрявицев.

– Очень приятно. Графиня Анна Николаевна Шувалова. И давно вам дали звание поцполковника?

– В 2017 году.

– Пётр Фёдорович похлопотал?

– Так точно.

– Вольно, поцполковник. Так, говорите, где вы воспитывались?

– В Узбекистане.

– Это многое объясняет. А кто у вас родители? – Она внимательно выслушала ответ. – Это тоже говорит о многом.

В следующие 10 минут из Сёра была вытащена вся его подноготная.

– И что же вы хотели бы от моего мальчишка?

– Нужно подготовить программу обучения по «Профессиональным болезням».

– Вы имеете в виду пневмокониозы, вибрационную болезнь, поражение тяжёлыми металлами, фенолами, техническими жидкостями, воз-

действия УВЧ и СВЧ облучениями, лазером, хроническую лучевую болезнь и так далее?

– Да.

– А сколько это должно занять страниц?

– Где-то около семидесяти.

– Поля по 2 сантиметра, а отступы 1,25 см?

– Да.

– Я поняла.

– Могу я услышать вашего сына?

– Нет.

– А позже я мог бы его застать?

– Нет.

– А вы могли бы сказать ему, что бы он перезвонил?

– Нет.

– А вы могли бы с ним связаться?

– Нет.

– А я как-то мог бы с ним связаться?

– Нет.

– А где он?

– Он в Москве, в Переделкино, в Доме творчества русских писателей.

Я с ним связаться не могу. Если он захочет, то может быть позвонит мне, и я с удовольствием передам ему ваши пожелания. Возможно.

– Спасибо, – прохрипел Сёр внезапно осипшим голосом.

Весь коллектив кафедры смотрел на него с сочувствием. Только наиболее молодые и непочтительные сдержанно прыскали со смеху, но их лица тут же принимали скорбный вид. «Сенсей обесчещен, мы – в трауре» – говорили их влажные глаза...

На одном из юбилеев Сёра старый профессор вместе со всеми кафедральными пропел панегирик. Несмотря на очевидность сатиры, гимн был принят юбиляром за чистую монету.

Поздравим мы Сергея!

Прекрасный юбилей!

Трудясь и не боля,

Живи и не старей!

Вы созданы богами

Для века перемен!

В груди бушует пламя,

Отличнейший спортсмен!

Предотвратит теракты,

Врага расплющит в блин.

Нордический характер!

Отличный семьянин!

Умом – боярин думный,

Проворен и речист.

И Штирлиц многоумный

Похуже был чекист.

Для Вас – овеций бури,

Для Вас – трибуна трон.

Молчит и нервно курит

Притихший Цицерон.

Как ювелир, бриллианты

Шлифуете Вы слог,

Но главный из талантов –

Какой Вы педагог!

Расходовали время,

В тиши, за часом час,

Сверля и лоб, и темя

Воспитывали нас.

*Пастойчив, как Белинский,
Порой, впадая в раж,
Вы просто Сухомлинский,
Макаренко, Вы наши!*

*А дар еще бесценный, –
И Цезарь не умел
Начать одновременно
До сотни важных дел.*

*Блистательный ученый,
Талантливее всех,
Фортуной обреченный
На славу и успех!*

*Умом Вы – академик!
Мудрее всех Капиц!
Участник всех полемик,
Гонитель всех тупиц!*

*Придет, я верю, время,
В честь Вашу назовём
Открытый нами всеми
Какой-нибудь синдром!*

*Для Вас – науки лавры,
И, прозревая мрак,
Вы – современный Павлов
Для нас, простых собак.*

*Жизнь мудреца-атлета
Продлится на века!
Дай Бог Вам много лета
И денег три мешка!*

Когда до Сёра дошло, что быть заведующим кафедрой и при этом 15 лет не иметь ни одной научной печатной работы, – две вещи несовместные, он принялся вымогать у своих подчинённых соавторство.

– Вот, небось, на других кафедрах заведующих в статьи включают, а Сёр Анальч добрый, его можно не включать, – вопил он.

– Ну, так на других кафедрах заведующие наукой занимаются, более того, они ей руководят. А вы нам сами говорили, наука – не ваше дело. Ваше дело – администрирование и воспитание нас, отсталых, – возражали глупые сотрудники.

Не избежал участи насильственного соавторства и старый профессор.

– Не уважаете!!! – фальцетом верещал лысый Кудрявец.

– Упс-с-с! Догадался! – подумал профессор.

На третьем визге того же содержания профессор понял, что Лысака заклинило. Перевести разговор на другую тему оказалось невозможным. Тогда профессор принял позу нетвердо держащегося на ногах гражданина и заплетающимся языком громко сказал:

– Я вас уважаю, я горжусь вами!

У лысака глаза выкатились на лоб. «Вон из кабинета!», – по-змеиному прошипел он.

В статье Лысака включить всем все-таки пришлось. Так он стал выдающимся кардиологом, эндокринологом и токсикологом.

Как-то летом на кафедре должно было остаться всего два сотрудника: Лысак и Преподаватель. На вопрос, кто проведет парочку занятий, «ум, честь и совесть нашей эпохи», товарищ Кудрявицев ответил эпически. Его слова навечно врезались в память притихших сотрудников:

– Пусть на моей кафедре останется только один Преподаватель. Я перестану себя уважать, если буду работать! – пафосно продекламировал он, встав в позу великого Наполеона Первого. Знаменитая императорская шляпа возникла над его лысиной, как нимб. Таким вот простым и величественным он и остался в памяти коллектива.

Институт работал, кто-то рисковал здоровьем и жизнью, а абсолютно стерильный мозг Лысака, сумевший получить звездные погоны, не пролил ни капли ни своей, ни вражеской крови за Родину, и только сосавший кровь из подчиненных ведрами, изыскивал возможности, как бы ничем не рискнуть, ничего не делать и побольше времени отдать собственному бизнесу, микрогешевту (которым он, кстати, как сотрудник института, не имел права заниматься).

В этой юмористической повестушке, кстати, нет ничего смешного. Постепенная гибель грозит тому учреждению, фирме, институту, в котором заведется хотя бы один такой ядовитый клоп. Яд у него нервно-паралитический, он парализует работу сразу нескольких подразделений. Измышляя с целью утверждения своей значимости совершенно ненужные и абсурдные задания и занятия, инструкции и формуляры, этот клоп не дает заниматься непосредственным делом очень многим, – на непрерывных заседаниях, пропитанных голыми лозунгами, невыполнимыми задачами и постоянными унижениями, киснет мозг.

Чувствуя свою неполноценность, некомпетентность и ничтожество, такой лидер начинает измышляться над теми, кто ниже его по положению. Такие люди находят и поддерживают друг друга. Учреждение тяжело больно, если в нем угнездился даже один такой паразит. Если же их двое, учреждение обречено.

О, как бы этот Лысак развернулся в 37-м году! Каким нужным, политически подкованным двумя тоненькими красными брошюрами, которые бы он вызубрил наизусть, стал бы этот палач! Как яростно он мог бы выступать на собраниях, громя генетиков и кибернетиков! Сколько было бы написано им килограммов доносов! Скольких благородных людей сожрало бы это насекомое! А как бы он пригодился Малютке Скуратову! Этот тип наследил в истории нисколько не меньше, чем гении и пророки. Он возрождается из пепла, как птица феникс.

Однажды старый профессор вошел в кабинет к заведующему и с порога понял, что тут происходит. Прижатые к стене визгом альфа-самца пожилые преподаватели опустили глаза в пол и не смели шелохнуться. Напоминало это расстрел белогвардейцев в 1918 году. С каким наслаждением бы Лысак расстрелял их всех из пулемета «Максим». Но бодливой корове – Бог рогов не дает. Кудрявец мог теперь в наши дни только сосать кровь и подрывать здоровье своих сотрудников.

«Садитесь! – обратился он к профессору. – Вам это тоже полезно послушать! – продолжился ор Аналыча. – Вы обманываете государство! Оно дало вам всё, а вы норовите отлынивать от поставленных задач. Необходимо повысить дисциплину! Оптимизировать то, что необходимо! Где-то ужаться! Что-то расширить! Выделить главное! Отказаться от второстепенного! Поступиться, в конце концов, своими интересами! А то, взяли моду! И побольше конкретики! Сел, задумался и написал статью! Мне этим заниматься некогда! У меня организационные обязанности! У меня за всех за вас голова болит! Мне не до науки! Я должен вас воспитывать! И буду воспитывать! Я имею на это право! Я буду вас ежедневно воспитывать!»

Пожилые преподаватели поёжились.

– Вот я сегодня с утра прочитал и буду вас всех спрашивать. Знаете, что я сегодня с утра прочитал?

– Нет, – виновато ответили доценты и профессора.

– А надо знать! – патетически возвысил и так сверлящий голос Лысак. – Я прочитал..., – тут последовала пауза, великий мыслитель забыл, что же он сегодня прочитал.

Повисла гробовая тишина. Под лысиной напряглась бицепсом одинокая сиротка-извилина. Появилось несколько капелек пота, но вдохновения не пришло. Прочитанное с утра испарилось, взмыло в высшие слои атмосферы. Мускул извилины дрябло опал. Однако злоба от этого только сильнее сверкнула в маленьких поросячьих глазках.

– Ну, не важно... Вы-то должны знать! А также касательно приказов! Приказы надо знать назубок! Приказы надо знать как Устав! Помните: «Спозаранку и устав, каждый день читай Устав!»! Ещё Есенин сказал! А вам не знать этого непозволительно! Я вам зарплату плачу! И не малую! Не хотите работать – идите дворниками! Вы обманываете государство!

И тут, зациклившись, текст повторился ещё шесть раз. Собственно, повторялся он таким макаром каждое собрание, – три-четыре раза в неделю по пять часов, на протяжении уже доброго десятка лет. Ох, недобрый это был десяток лет...

Во время собрания по кабинету с наглым жужжанием летала огромная муха. По какой-то скрытой причине она садилась отдыхать только на Сёра Аналыча. Вот она уселась на его лысину. Кудрявицева в очередной раз перекосило!

– Муха проклятая навозная! ДИСКРЕДИТИРУЕТ! – и он гордо посмотрел на сотрудников, – новое слово выучил! Он любил выучивать новые слова для него слова и хвастаться ими перед подчинёнными. Однако тут он превзошёл сам себя.

Профессор очнулся от нахлынувших воспоминаний. Он стоял над бездыханным телом Сёра и внимательно смотрел на лысый, пробитый четками череп начальника. Вздохнул и нанёс последний удар. Череп раскололся, часть его рассыпалась, как бывает со старым орехом, прогнившим изнутри. Доктор заглянул в зияющее широкое отверстие. Там не было ничего. Ошарашенно доктор вгляделся в пустоту. Он ожидал увидеть там не то что мозг, но хотя бы сухое чёрненькое образование размером с высохшую крысиную какашку. Однако череп был стерилен. Видимо остатки мозга рассыпались в труху и всосались в кровь, отравляя её трупным ядом крысиной подлости.

НОЖ

Юрий Станиславович был стойким. Ему было достаточно безразлично, что есть, во что одеваться, где жить и на чём ездить. То есть он умел получать наслаждение из всех этих источников. Деликатесы, строгий костюм, старинный замок, мягкий ход кадиллака – всё это могло его очаровать, но основным источником эндорфинов для него было то дело, та идея над которыми он в данный момент увлечённо трудился. Ради них он забывал всё и на неудобства типа риска погибнуть не обращал внимания. Он попросту не видел никаких неудобств.

Однако нет правил без исключений. Иногда, чтобы успокоить нервы и выстроить мысли, Юрист любил приготовить что-нибудь посложнее яичницы.

Хотя его «Рагу Викингов» было для многих слишком колорийным, жаркое со свиной и грибочками – банально, а салат с яйцами быка – экзотичным.

На его кухне был большой, острый, удобный нож. Но сей, считающийся неодошвенным предмет, обладал собственным, зловредным и неумолимым характером. Однажды Нож попробовал крови Кстовского, и с тех пор никак не мог остановиться. Нож подкарауливал Юрия Станиславовича и внезапно впивался в него, как дикая кошка. Мечтой Ножа было отчекрыжить Юристу фалангу. И преследуя свою заветную мечту, Нож был терпелив, последователен и яростен.

Ни один другой нож Кстовского не резал ни на кухне, ни во время тренировок и драк. Боевые, бывалые ножи с опытом, которые Юрист повидал во множестве, относились к нему с уважением и ранить опасались. А этот домашний, свой в разделочную доску подкарауливал, щерился и кусал изподтишка.

И всё же Кстовский Нож не выбрасывал и не ломал. Отчасти потому, что не хотел показать, что его боится. Бояться какого-то кухонного

Ножа, ещё чего не хватало! Отчасти потому, что нож был хороший из большого, знатного набора с подставкой и ножеточкой. Отчасти потому, что в готовке Нож был удобен. И все эти «ОТЧАСТИ» были отговорками. Юрист чувствовал за простым предметом сущность подлую и коварную, чью-то когтистую руку, душу примитивного злобного демона.

И ещё Кстовскому казалось, что когда-нибудь демоническая сущность ножа предупредит его о чем-то гораздо более серьезном, чем срезанные миллиметры кожи.

На самом деле в добром сказочнике Андерсоне нас привлекает не его инфантилизм, не его сентиментальность, не его морализаторство, а те бездны неучтённого нами демонического сознания, духа, которые таятся в окружающих нас обыденных предметах. Пепельницы, манящие нас онкологической бездной, письменные столы, привлекающие паранойей и безумием, мягкие рабочие кресла – гнездилище геморроя, венерические диваны, нейрогенные, «цейтнотные часы». И это только медицинские, отчасти «ятрогенные» демоны.

«Что лечу, тем и болею», «Что облеглаю, тому и способствую».

На этот раз Кстовский сделал греческий салат, запёк в духовке завёрнутый в фольгу кусок буженины и предоставил Мире поджарить начищенную им картошку. Чем они с удовольствием и угостились.

ЮРИСТ И КВАРТИРНАЯ МАФИЯ

Сколько мириад злых бесов, и сколь бесчисленны виды козней их! Они и после того как увидели, что мы, пришедши в познание своих страстей и своего стыда, стараемся уже избегать злых дел, на которые они нас наводят, и уха своего не склоняем к злым советам, которые они нам внушают, — не отстали, но приступили к делу с отчаянным усилием, зная, что участь их уже окончательно решена и что наследие их есть ад, за их крайнюю злобу и отвращение от Бога. Да откроет Господь глаза сердец ваших, чтоб вы видели, сколь многочисленны козни демонов и как много зла причиняют они нам каждый день, — и да дарует вам сердце бодрое и дух рассуждения, чтоб вы могли принести самих себя Богу в жертву живую и непорочную, остерегаясь зависти демонов во всякое время и их злых советов, их скрытых козней и прикровенной злобы, их обманчивой лжи и помышлений хульных, их тонких внушений, которые влагают они каждый день в сердце, гнева и клеветы, на которые подстрекают они нас, чтоб мы друг на друга клеветали, себя самих только оправдывая, других же осуждая, чтоб злословили друг друга или, сладким говоря языком, скрывали в сердцах наших горечь, чтоб осуждали внешность ближнего, внутри самих себя имея хищника, чтоб спорили между собою и шли наперекор друг другу в желании поставить на своем и показаться честнейшими. Всякий человек, который услаждается греховными помыслами, падает произвольно, когда рад бывает тому, что в него влагаемо бывает от врагов, и когда думает оправдать себя только видимо совершаемыми делами, будучи внутри жилищем злого духа, который научает его всякому злу. Тело такого наполнится позором, — ибо кто таков, тем овладевают страсти демонские, которых он не отгоняет от себя. Демоны не есть видимые тела; но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные, ибо, приняв эти помышления, мы принимаем самих демонов и явными их делаем в теле.

Антоний Великий

Опасная трасса к селу с эпическим названием Малиновка кишела длинномерами. Монументальные фургоны глядели друг на друга агрессивными иностранными мордами. В каждом радиаторе и бампере угадывалась либо волевая англосаксонская челюсть, либо лоб «белокурой бестии». Скорость они развивали приличную, и даже внедорожники сжимались при их виде, как диплодоки при мегалодонах.

Ехать пришлось довольно долго. Свернув, по совету навигатора, на грунтовку, Юрист и Мира сначала поехали по полю. Затем в промежутке между колеями обозначилось русло дождевого ручейка, русло всё более расширялось, становясь глубокой промоиной, и, наконец, Сусанин-навигатор объявил, что «приплыли», – дороги больше нет.

Созвонились с хозяевами расхваленной квартиры. Оказалось, что нужный поворот они прозевали. С трудом, боясь рухнуть в ямины, проделали обратный путь, по обочине шоссе вернулись назад, и вот он – «красавец-дом» в Малиновке.

«Перестроечное цунами» не пощадило его. Часть окон двухэтажного белого кирпича советского многоквартирного дома забиты фанерой. Ближе к шоссе новенький особнячок как будто маскировал это убожество от взглядов проезжающих.

Встретила их пожилая пара приветливая, заглядывающая в глаза полная женщина и внешне прямолинейный глуховатый старикан. Переговоры вела хозяйка.

– Тишина-то здесь какая, благодать. Квартира большая, тёплая. Кухня, как целая комната, – квохтала она.

– Да, да! – вторил старикан. – Сколько денег в неё вложено, полы переделаны, ровные, стены – гипсокартон, на него уже – обои, потолки натяжные. Даже если продадим за цену, которую просим, никогда вложенного не окупим. Ведь большую часть своими руками делал! Сколько трудов!

– И участок с квартирой продаём. Там тихо, – смородина, малина, земляника, огурчики, помидоры. А тыквы какие! Мы ведь летом-то всё время у земли проводим, – стол там стоит, навесик, сарайчик. И внуки там играют. На воздухе выросли.

– А грибов, ягод вокруг, рыбалка какая! Рыбак? – осклабился на Юриста старичок.

– Не интересуюсь, – сухо ответил Юрист.

Квартира действительно оказалась большой, переделанной из трёхкомнатной в «двушку», – расширили кухню. Стенки, диваны, шкафы, столики загромождали просторные комнаты. Детские игрушки и сувенирные фигурки мамонтов, медведей, лошадок теснились на полках, всё пыльное, было довольно много книг с обтрёпанными корешками. Ремонт хороший. Впечатление многолетней, обеспеченной, счастливой жизни. Но висел в жилище удушливым маревом какой-то неживой, сладковатый запах. Всюду были расставлены самодельные обогревательные электрические приборы. Мира молча, указала на гору флаконов из-под дихлофоса в кладовке. На кухне аромата приготовленной еды не наблюдалось уже давно.

– Батареи-то работают? – спросила Мира.

– Работают.

– А газ где?

– Рядом. Только к дому не подведён.

– Чем же батареи греются?

– Электричеством. Сейчас батареи слиты, вот электрокамины включили.

– Клопы, тараканчики есть? – улыбнулась Мира.

– Нет! Что вы! Никогда! – оскорбилась хозяйка.

– Так зачем столько дихлофоса?

– Мух травили.

– Откуда же столько мух?

– Лето!

– Ну, пойдёмте, посмотрим дом снаружи, да и участок ваш.

Вышли в подъезд.

– Кто в этой квартире живёт? – поинтересовался Юрист

– Никого. Старушка жила – преставилась.

– А в этой?

– Двое мужичков – отец и сын. Тихие такие.

– Пьют?

– Когда деньги есть, пьют. А когда денег нет – не на что. Отец пенсионер, сын иногда убирается в кафе напротив, при трассе, чуть подальше. Наверное, видели.

– Видели.

– Их еще Николай таскать нанимает, ну, чей особнячок рядом. Он лесопилку тут устроил, досками да брусом торгует. Добрейший человек, всем помогает. Мы в случае чего – к нему!

Сошли на первый этаж.

– На этой площадке кто живёт?

– Никого. Тихо! В этой квартире пенсионеры были – померли. В этой – молодой человек жил, попивал. Пропал куда-то. У него в квартире даже полы разобраны. Видите, замок не заперт. В этой старичок хозяин. У него дом в деревне – сюда почти не ходит. А эта квартира у нас общественная – в ней участок для голосования, – и хозяйка гордо улыбнулась.

Вышли во двор. Собственно, двором-то это назвать было нельзя. С одной стороны – дом, с другой стороны – пустырь, густо поросший сорняками. Темновато. Сквозь сорняки по узкой дорожке прошли метров сто. Заглохшие, заросшие бурьяном прямоугольники небольших участков с переплетением кривых тонких стволов. Как будто ряды колючей проволоки перед позициями в войну тысяча девятьсот четырнадцатого года. Среди участков – один ухоженный.

– Тишина-то здесь какая, благодать. Мы ведь летом-то всё время у земли проводим, видите, стол стоит, навесик, сарайчик, парник. Тихо, смородина, малина, земляника, огурчики, помидоры. А тыквы какие! – вновь начала причитать хозяйка. – За домом ещё сарайчик с погребом есть. Хранить соленья, варенья, – бросила она последний козырь.

Пошли вокруг дома.

– В этом подъезда кто живёт? – занудно интересовался Юрист.

– Всё, слава Богу, тихо! Остались только вдовица одна с детьми да старушка «божий одуванчик». Все остальные – кто помер (старенькие были), кто пропал куда-то.

К ним пристроился старикан.

– Ты зачем их туда ведёшь, – тихо зашипел он.

– А мы входить не будем, – запела хозяйка. – Только покажу, где...

Перед группой сгнивших до состояния сита сараюшек обнаружилась новая техника лесопилки.

Вот и сарайчик. Не то что войти, подойти к нему было страшно.

Техника была хорошая: тракторы, подъёмники, разнообразные пилы. В работающем состоянии они должны были давать приличное количество децибелов. При таком вое, что бы ни творилось в доме, никто не услышит, даже его жильцы.

Вернулись к дверям.

Мимо них в подъезд тихо проскользнули две тёмные гнилозубые хари.

– Папаша с юношей, – широко улыбаясь, прокомментировала хозяйка. – Ну что, нравится?

– Мы подумаем, – замороженно ответил Юрист, провожая взглядом отчелюбивого сыночка.

– До города-то нас подкинете? – очаровательно улыбаясь, прожурчала хозяйка.

– Переодевайтесь.

Сели в машину.

– Сколько денег в неё вложено, полы переделаны, ровные, стены – гипсокартон, на него уже обои, потолки натяжные. Даже если продадим за цену, которую просим, никогда вложенного не окупим. И ведь большую часть своими руками делал! Сколько трудов! А грибов, ягод вокруг, рыбалка какая! – всю дорогу одно и то же заученно бубнил старикан.

Парочка прекрасно понимала, что продаёт смерть, но упорно стояла на своём.

А Юрист и Мира продолжили своё расследование, прикидываясь наивными покупателями дачной идиллии.

Одна из поездок привела их в живописное село за Богородском. Напрягала дорога. Избитая, изорванная воронками, как будто от бомбёжки, она постоянно петляла, делая виртуозные па, как при фигурном катании на коньках. Подвеска испуганно вздрагивала, словно машина боялась подвергнуться насилию. Подъехали к селу.

Смесь советского с престольно-праздничным. Везде качающиеся фигуры в ватниках.

Два двухэтажных двухподъездных дома из силикатного кирпича.

У подъезда встретила пышнотелая, обтянутая чёрным трикотажем, подчеркивающим все жиринки, самоуверенная женщина. Она гордо стояла рядом со своей машиной.

Раскланялись. Провела на адрес.

Чистенькая однокомнатная квартира с клопами и тараканами. Окна смотрят на большую, красивую полуразрушенную церковь с громадной колокольней. Эта краснокирпичная колокольня забирала себе основную часть беденького пейзажа. Почти нет мебели, но в маленькой комнате примечательный монументальный тёмного дерева шкаф. Видно, что тяжеленный, из дубового по виду массива. Было впечатление, что в нём, как в готическом соборе, кто-то заключён. Какая-то сущность стучала изнутри в его крепкие стены. Так погребённый заживо стучится в крышку гроба, за которой кубометры тяжёлой, мокрой, глинистой земли. На передней панели – вырезанный из разноцветной фанеры и мастерски склеенный лик Христа.

– Кто это сделал? – поинтересовался Юрист.

– Хозяин, старик. Он всё за грибами ходил, ему здесь очень нравилось. Всё один. Как уйдёт в лес – только его и видели. Дети сюда определили. Простор, воздух, красота! А от безделья искусством занимался. Вон дверцу шкафа фанеровал.

С передней дверки шкафа-собора на них смотрел искривлённый лик Христа, искажённый такой мукой, что мурашки засуетились под свитерами. Бог свыкся с этой вечной пыткой, но не смирился с ней.

Видимо, днями, неделями сидевший в этой клопиной келье старик смотрел на погибший могучий храм и пытался поверить в Бога. Препуспел ли он в этом, в конце концов, или нет, мы так никогда и не узнаем.

На следующий адрес выехали они в довольно солнечный день, в совершенно позитивном настроении. Посёлок назывался «Ромашкино», и в нём была железнодорожная станция, обеспечивающая его «столичность» и постоянную связь с городом. Кроме того, в поколении Юрия Станиславовича не было детей, не смотревших удивительный мультфильм «Паровозик из Ромашково». Паровозик, нюхающий цветы и любующийся на солнышко, улыбающийся детской наивной улыбкой, покорила советскую детвору, да и в перестроечное время освещал унылые будни. Так что предвкушение сказки не покидало любопытствующих путешественников. Что может быть лучше: на игрушечной коротенькой электричке, пересекая золотистые от солнца поля, перелетая по ажурным мостикам голубые речушки, попасть в ромашковый рай с озёрами, хвойными перелесками, стайками прозрачных берёзок и кукольными ухоженными домиками на балансе непотопляемой железной дороги.

Но поездка не задалась сразу. Навигатор повёл их, по видимому, наиболее короткой, но довольно путаной, петляющей дорогой. Юрий Ста-

наслаивчик привык к тому, что русские пейзажи расслабляют его и дают покой и умиротворение. Однако тут, в лабиринте просёлков, плетущихся через поля, поросшие бурьяном, на них с Мирой наплывала средневековая темень. Их подхватила и понесла по ухабам нескончаемая промзона, в которой полянами были свалки, рощами – ловушки из ржавой арматуры и обесточенных электрических опор, а вместо деревенок и ферм зубчатыми донжонами возвышались развалины бесконечных складов. Невозможно было сказать какие склады ещё действовали, какие висели на балансе, а какие запустели и достались бомжам, бродячим собакам и приведениям «невинно убиенных».

Одно становилось ясно – тут воруют. Десятки, сотни квадратных километров обезумевшего воровства. Так нельзя использовать прекрасную русскую землю! Но эта язва со зловонными горами мусора и волчьими ямами бездонных подвалов, с колями кривой арматуры на дне, жила, дышала смрадом и разрасталась.

Путешественников сдавила энергия разложения. Становилось действительно страшно. Юрий Станиславович и Мира вжались в кресла и медленно преодолевали крутые повороты ухабистого серпантина. Кое-где копошились обитатели этих зарослей – пугливые существа в ватниках и резиновых сапогах. В их взглядах читалась дилемма: убежать или напасть на одинокую машинку и, разобрав её на детали, разорвав на куски, смешать с окружающей грязью, выпив жалкие копейки жизни.

Ещё более поразительным было другое. Среди убожества и тлена периодически попадались посёлки и отдельные дома абсолютно процветающего вида. Двух- и трёхэтажные особняки за крепкими четырёхметровыми заборами, то железными, то бетонными. Яркие, с причудливой архитектурой, полной эклектики. В них сочетались средневековые остроконечные рыцарские башни, глухие или, наоборот, полностью застеклённые стены североамериканских ранчо и веранды южноамериканских плантаторов. В некоторых были заметны мотивы восточных дворцов. Все они были выкрашены в ядовитые, кричащие, пластиковые цвета туалетных мыльниц. Их чужеродность поражала воображение. Лишь приглядевшись, зритель понимал их тайное родство с окружающим пейзажем. Они были плоть от плоти всех тёмных развалин и катакомб. Это они выпили кровь из складов, железнодорожных веток и линий электропередач, как разноцветные ядовитые насекомые. Они были причиной гибели всего вокруг – пауки с отталкивающей слепящей глаза окраской. Жирные пиявки, торжествующие победу.

Выбравшись из такого весёлого посёлочка, Юрист и Мира покатались вниз и обнаружили маслянистую речку с мостиком, переезжать который не хотелось. Про себя Юрист назвал его «Калин мост». Деревянный, гнилой, распадающийся в щепу, он был дорогой в зазеркалье, путём через Стикс. Мнилось, он приглашал на тот свет. Безмолвно посоветовавшись, путники всё-таки направили машину на него. Когда проезжали над темной речкой мост предательски заскрипел и, казалось, просел, но обошлось.

Далее последовала грунтовая дорога. Она пересекла железнодорожные рельсы. И вот, наконец, станция. Несколько тёмных деревянных двухэтажных домов вдоль рельсовой линии отделены от неё чахлыми деревцами. Зато сзади высоченной стеной переплетённых могучих ветвей, как будто вывернутых в пытке могучих рук, плотный вековой непроницаемый дубовый лес.

Они нашли «дом мечты».

С виду напоминающий барак, дом, по-видимому, был ещё дореволюционным (имеется в виду революция 1917 года). Гнилые чёрные доски облицовки, идущие ступенчатыми контурами сверху вниз, выстраивались в готический рисунок органа.

Рядом с домом их ждала немолодая женщина. Её мужиковатое лицо одновременно носило печать неприветливой доступности. Фигура, тоже

мужская, неуловимо навевала мысли о тюремном прошлом. А может быть, её окружение оставило на ней такие явные знаки? Она показательно оптимистично улыбалась.

– Приехали! Как здесь хорошо летом, просто рай! Это осенью немножко неуютно.

– Мы ещё не говорили, что нам неуютно.

– Ну, вот и славно. Вон в той квартире на втором этаже многодетная семья живёт. Видите, игрушки раскиданы. С вами на площадке молодой человек за сорок. Люди хорошие, простые, подружитесь!

– Мостик тут опасный.

– А! Вы тоже заметили! Ха! Я сама каждый раз боюсь с машиной вниз загреметь! – всё так же оптимистично захохотала она.

Когда они приблизились к лесу, тот, словно живой, стал тянуть к ним узловатые, хватистые лапы искалеченных ветвей. Там внутри что-то жило, звало, рассматривало и роняло струйки едкой слюны.

– А в лес вы ходили? – глядя в глаза риелторше, спросил Юрий Станиславович.

«Зечку» передёрнуло.

– Не-е-е-ет! – воскликнула она, и в этом «нет» явственно, как будто произнесённое вслух, послышалось: «Что я дуррра, что ли!».

– Ну, пойдёмте квартирку посмотрим, – залебезила она.

– Ну, давайте пройдем и через это, – с сомнением отозвался Юрий Станиславович.

Они подошли к полуразвалившемуся входу в дом.

Навстречу им из беззубой пасти подъезда, выдыхающей запах мочи и перегара, выскочил необыкновенно крепкий, энергичный мужчина неопределённого возраста с резкими чертами крупного лица. Одежда его была заношена и грязна, но казалось, что он относился к ней небрежно, как миллионер к шелковой пижаме. Мужчина широко улыбался. В нём кипела, бурлила чёрная энергия. Эта непреодолимая сила поднимала его над всеми. Он был тут на своём месте, он был тут хозяином. С подобной целеустремлённостью алкоголики бегут за водкой. Он же бежал за чьей-то кровью, мечтал насытиться мукой очередной жертвы.

– Вурдалак! – прошептала Мира.

– Вампир..., какой типаж! – эхом отозвался Юрист.

Пролетая мимо них, он кивнул, как король при встрече с новыми подданными, и оценивающе смерил их ядовитым взглядом маленьких глазок.

Заглянув за угол выдающегося вперёд крытого крыльца, Юрий Станиславович увидел золотоволосую, прекрасную, как ангелочек, на вид тринадцатилетнюю девочку. Вжавшись в угол, девочка сидела на корточках, по-тюремному, и быстро курила. Она подняла на него голубые глаза, полные страха и неугасимой, невыразимой ненависти. Она была юна и прекрасна, но Юрий Станиславович увидел в ней взрослую сложившуюся ведьму.

Складывалось впечатление, что местный главный упырь только что привидно затащил к себе и изнасиловал девочку, она вышла покурить, прячась от родителей, а он, приведя себя в порядок, побежал дальше по делам.

От рассуждений «вообще» они переходили к конкретным судьбам, и это было в десятки раз страшнее.

Всё было грязно той столетней пластилиновой жирной грязью, которая помнила ещё праздник трёхсотлетия дома Романовых и речи по этому поводу Государя Императора Николая Второго. Почему-то, чтобы попасть в квартиру, нужно было спуститься на пару ступенек и войти в арку. Вот тут-то и ждала заляпанная, тяжёлая, оббитая дерматином дверь со следами взломов.

Первое помещение, в которое они попали, видимо, было кухней. Однако прямо напротив двери сиротливо, стесняясь, как голый на автобусной остановке, стоял плохо отмытый унитаз.

– Как-то уж слишком демократично расположена сантехника? – заметил Юрист.

– Загородку поставить не успели, – стеснительно ответила мужеподобная баба, – тут ещё и душ поставить можно.

– А куда всё стекает?

– Коллектор за домом, только прочистить надо.

По виду унитаза не был подключён ни к чему.

Сооружение из ржавых труб и бочков им представили как АГВ. Доверия оно не внушало.

– Сейчас всё отключено, конечно. Вода слита.

Вторая комната – проходная с пожухшими обоями – отличалась подвижностью неровных полов и желтизной линолеума. Третья – угловая.

– Промерзает, – указала Мира на угол.

– Ну, что вы! Нет, конечно! Чуть обои отстали.

Юрий Станиславович выглянул в окно средней комнаты. Через мутноватое стекло, вставленное в ветхие жиденькие рамы, на него внимательно смотрел чёрный лес. Трава оказалась почти вровень с полом. Выйти из квартиры можно просто перешагнув подоконник. Так же и войти.

Ему показалось, что что-то мелькнуло там, между деревьями.

– Детки играют, – пугливо предположила риелторша, но было заметно, что её бил озноб.

– А собака Баскервилей там у вас не пасётся?

– Чур Вас! – кисло улыбнулась «зечка» (всё-таки, наверное, да). Её опять передёрнуло.

Юрий Станиславович снова посмотрел на дубовый лес. Он представил себе, как долгими вечерами сидит тут за столом и смотрит в окно. Всё занесено снегом. Скрипят стволы дубов. Они всё приближаются, переступая мощными кривыми корнями, придвигаются вплотную. И, наконец, раздаётся звон разбитого стекла, острые деревянные когти вместе со стеклянными осколками хватают его, как кошка запускает наточенные кинжалы в мягкое тёпленькое тело мыши, и всё застывает во льду навечно.

– Чья квартирка-то была? – нежно улыбнулась очаровательная Мира.

– Дочка своей маме купила, а та жить почему-то не стала.

– То есть вообще жить? – уточнил Юрист.

– Нет, – подобострастно расхохоталась риелторша, – здесь жить!

Распрощались они с повышенной любезностью. Обещали подумать.

Решили поискать другую дорогу. И отправились дальше вдоль «Ромашкино». Домики уменьшались. Потрясающе жирная мамаша в лохмотьях неотступно следила за ними полными ненависти пороссячьими глазками. Её толстый грязный сынок в обносках раскрыл рот, да так и замер. Они ещё проехали монументальный каменный царской постройки вокзал, и тут дорога закончилась. Это был тупик. На переезде пришлось остановиться. Путь надолго преградил проходящий многокилометровый поезд, состоящий из пустых цистерн и платформ для перевозки леса. Последние своими железными штангами, направленными к небу, напоминали остовы лежащих на спине ящеров с распахнутыми в чёрную бесконечность рёбрами... В этот день они ещё и заблудились, перепутали в темноте повороты и прокатились по трассе в сторону Владимира, не имея возможности свернуть несколько десятков километров. Чертовщина продолжалась...

К Прокошеву они приближались по великолепной дороге, блуждающей среди холмов и долин. Гладкие ухоженные поля сменялись пушистыми лесами и перелесками. Перспектива была огромной. Открытое небо заполняло три четверти пейзажа. Дома на всхолмии белым кирпичом напоминали приморские скалы. Их было около пятидесяти. Очаровательное озеро раскинулось в низине. Довольно близко зеленел роскошный лес.

Дома двух- и трёхэтажные не теснились друг к другу, но и не производили впечатление выселок. Широкая светлая площадь с магазинами, кафе, почтой, домом местного правительства по кругу и клумбами и памятником павшим – в середине. Ряд взметнувшихся в небо флагштоков, лавочки, асфальтовые дорожки.

Развитой социализм, плавно переходящий в коммунизм.

Дом, в который они приехали, смотрел окнами на поле, за которым дышал свежестью лесок. Во дворе играли дети.

Встретил их в дверях квартиры молодой человек, немного округлённый, крепенький, внимательный.

– Бабушка квартиру продаёт, в город переехать хочет. Да и мне тут работы нет. Всего три магазина, все продавцы уже наняты.

Внучок был тих и слащаво вежлив.

На кухне, заваленной невымытой посудой и мусором, сидела за огромным блюдом с пельменями старушка и сосредоточенно жевала, тарелка напротив неё так же была полна пельменями, уже перемешанными с кетчупом. Видимо обедали с внуком. Весь дом был захлапан и замусорен до половины стен. В комнате старушки вместо книг на книжных полках обнаружались бесконечные завязанные бумагой баночки с чем-то сыпучим: мукой, крупными, сахаром, чаем, кофе. По фотографиям становилось ясно, что в молодости хозяйка была миловидной. На стене как-то уж совсем неожиданно оказались несколько хороших картин советского времени.

– Дедушка рисовал. Он художником был, – невразумительно объяснил внук.

Справившись с пельменями, бабушка заметила посетителей. Она вышла в коридор и запела:

– Пришли! Я раньше в городе в Горьком жила недалеко от главпочтамта.

Развить свои откровения ей не удалось. Внучок вытеснил её на кухню.

– Не обижай меня! Не гони! – плаксиво проняла старая женщина.

На её руке Юрист увидел приметный перстень. Ноготь пальца был расколот.

Внук проследил взгляд Кстовского.

– Врос перстень, – неприязненно произнёс он. – А так – редкий.

Внучок был в майке. Весь в наколках. Какие только шедевры изобразительного искусства не радовали глаз на его обнажённых руках. Портреты, пейзажи и натюрморты состязались в первенстве. Рафаэль, Гойя и Пикассо встали бы в очередь, чтобы поставить подпись под этим нетленным произведением. Тут были и многочисленные перстни, и разнообразные церковные купола, и ощерившиеся черепа, и ядовитые змеи, и острые кинжалы. Казалось, стоит только моргнуть или на секунду отвернуться, и они начнут ползать по коже молодого человека, грызться друг с другом и совокупляться.

В каком возрасте внучок сел? Какое жуткое преступление он совершил, чтобы прямо с горшка отряд ОМОНа перевёз его напрямик во Владимирский централ?

Мира выразительно глянула на Юрия Станиславовича и кивнула головой, указывая в угол комнаты.

Личная жизнь у внучека, по-видимому, была бурной. На смятой, застывшей колом кровати живописно разбросаны лифчики и трусы всех фасонов. Под кроватью громоздились сланцы и туфли на каблучке всех размеров.

– Что у вас на балконе?

– Нет, нет! Сюда нельзя! Я этот балкон год не открывал.

Забеспокоился он, чуть не грудью заслоняя подход к балкону.

– Ну, хоть посмотреть из окна можно?

Парень нехотя отодвинулся. В крошечное отверстие между раздёрнутых занавесок был виден недалёкий лес. Что он хранил на балконе?

Распрошались, обещали подумать и пошли по другому адресу.

Созвонились с риелторами, работающими по следующей квартире. Ее должна была показать соседка. Нашли нужный дом и подъезд. Рядом играли дети. В сообразительности детишки из рабочих или просто бедных районов очень отличались от благополучных богатейчиков (рабочие синоним бедные, богатые люди не работают, работающие никогда не разбогатеют). Мальчишки, как правило, ничего и никого не знали. А девчонки знали всех и про всех всё. Они охотно служили «сталкерами», проводниками по трущобам. Тут тоже первой заговорила тёмноволосая шустрая девчушка лет девяти:

– А вы кого ждёте? Ну, вы к кому?

– А мы жить у вас будем. Возьмёте в квартиранты? – приняла игру Мира.

Ответ девочку смутил. Она с полминуты молчала.

– А кого вы ждёте?

– Катерину, знаешь такую?

– Это баба Катя из первого подъезда?

– Наверное.

– А-а-а! Вы квартиру смотреть пришли?

– Да.

– А у нас тут много свободных квартир! – все фразы у девчушки начинались с «а».

– Расскажи нам о них, – доверительно улыбаясь глазами, словно предлагая конфетку, проговорила Мира.

Девочке рассказать что-нибудь кому-нибудь очень хотелось.

– А вот, напротив синий бакон застеклённый. Женщина умерла, там теперь никто не живёт. И вон угловая квартира, тоже пустая.

За такой оживлённой беседой их и застала миловидная пожилая женщина, вышедшая из соседнего подъезда.

– А-а! Баба Катя! – закричала девочка и вежливо распахнула перед ними дверь.

Женщина, мило улыбаясь, поздоровалась. Они прошли в квартиру.

– Анна Михайловна тут жила. Когда-то заслуженной дояркой была. Совхоз ей за это квартиру и выделил. В другой комнате ещё одна старушка жила, на зиму из деревни в тепло с удобствами переезжала. Когда она умерла, Анна Михайловна сумела на себя всю квартиру переписать. Теперь и она преставилась, квартиру дочка продаёт.

Комнаты требовали ремонта, но, в общем, были чистенькими. Настояживало одно. Окна находились слишком невысоко от земли.

– Как у вас тут с преступностью? Освободившихся из тюрьмы много? – поинтересовался Юрист.

– Да много. Пошаливают, – покачала головой баба Катя. – Напротив семья цыган живёт, их тут много.

– Кто соседи? Попивают?

– Напротив семья многодетная. Пашенька, с которой вы разговаривали, из неё. Живая девочка, сметливая, над ребятиней верховодит.

Аудиенция закончилась. Ребятишки во главе с Пашенькой шумно проводили Миру и Юрия Станиславовича до машины.

В одно из путешествий по делам квартирной мафии, объезжая многочисленные пробки, они оказались на примечательной дороге. Навигатор вдруг стал утверждать, что кратчайшим путём между двумя точками является прямая, обнаружил такую короткую дорогу, абсолютно свободную от машин. Это было аналогично «кротовой норе». О существовании таких путей, сминающих пространство, говорят физики-теоретики. На прямой дороге они оказались одни, но что это была за дорога! Ямы полуметровой и метровой глубины испещрили старый советский асфальт как оспа. Передвижение замедлилось и напоминало слалом во сне. По карте дорога занимала от силы полтора километра, но петлять между промоинами становилось всё мучительней. Прозрачные или украденные вчистую забо-

ры не скрывали, то заводские, то складские постройки, заброшенные лет двадцать назад, – вокруг не было не души. Ощущение провала во времени усугублял лёгкий ветерок, слегка раскачивающий ожившие сорняки: лебеду, крапиву, репейник. Они проросли сквозь заасфальтированные площадки и напоминали очертаниями забытых во времени подвыпивших лохматых советских граждан, бездельничающих на работе.

Дорога, хотя и значилась на карте как прямая, по русской традиции петляла, как речка Пьяна. Неожиданно за одним из поворотов им открылся потрясающий вид. На высоту, достающую небеса, взлетала ракетой узкая башня. Это был знаменитый Кстовский факел, пылающий днём и ночью и видный даже из Нижнего Новгорода. На самой высоте, угрожая небу, ревел столп огня величиной с девятиэтажный дом. Он огаушительно рычал и гудел жерлом вулкана. Казалось, это и был тот реактивный двигатель, благодаря которому земля с дикой скоростью несётся в пространстве. И в тоже время это был вход в Ад. Те самые врата в Царство Аида, которые преодолевали, сперва сладкоголосый Орфей, а потом – Геракл. Те самые врата, только обезображенные современностью. Урбанистический пейзаж и никого. Холодило спину ощущение нависшей над всем неумолимой смерти. Они ехали от факела, а он преследовал их, гнался за ними с воплем всех невинно убиенных. Миллионы мертвецов звали их. Все те щепки, которые летели, мучительно сгорая, на тот свет при рубке сначала коммунистического, а потом социалистического леса. От леса остались одни гнилые пеньки и вечный огонь страданий, потерь, расставаний, расстрельных списков, Колымы, затопленных барж со священниками.

На трассу они вынырнули неожиданно, так же как попали в советское зазеркалье. В небольшой деревеньке стоял величественный собор с громадным куполом, способным украсить любую столицу. Белые и голубые его стены вели повествование уже о другом времени, о времени патриархальной Руси с неторопливым имперским бытом довольства и благоравия. Как менялся облик Родины, сколько претерпела эта красивейшая земля! Самая богоугодная. Казалось, именно в этом месте Бог поцеловал землю в детское русое темечко.

Посёлок Волжский гордился своим техническим колледжем. Приехали они в него уже в сумерках. Несмотря на русское обилие простора, дома стояли тут тесно. Улочки были узкими. Заехали во двор, напоминающий помойку. Посреди его возвышалась громадная краснокирпичная водонапорная башня. От и без того небольшой площади двора отгорожены высокими заборами из сетки рабицы участки с грядками и сараюшками. В один из таких сарайчиков юркнул шустрый старичок и вернулся уже с трёхлитровой банкой солений. Дальше громоздились самодельные гаражи.

– Вы ко мне? – высунувшись из окна первого этажа чуть ли не по поясу, прокричала полная женщина.

Они вошли в подъезд чумазый, как чистильщик сапог. Несколько ступенек вверх – и они в квартире. Просторное, но запущенное помещение пахло детьми и влажной гнилью. Хозяйка удивительно оптимистична.

– Живём здесь хорошо, места много. Никогда бы не продала, да детишки болеют. Ревматизм. В город надо перебираться, поближе к врачам. В Кстово их свозить – шестьсот рублей. Посёлок у нас, как город. Вон из окон колледж виден.

Действительно, из окон был виден задний двор большого здания.

– Конечно, вот и кран нужно заменить. Купила уж давно. Только мастера к одиноким не идут. Вон у соседки мужик, так в три дня заменили, а к одиноким не идут.

Она как-то просительно посмотрела на Юрия Stanisлавовича. Было впечатление, что её большущий бюст колыхнулся навстречу ему.

– Деньги-то есть. Едим, что хотим, и картошку, и лук, и капусту. Вот лук в подпол картошку там храним.

– Так холод откуда идет, наверное.

– Что вы! Какой холод вот и картошка только до половины зимы лежит, зеленеет, прорастает. Так мы её уж и подъедаем тогда. Дети-то растут, только болеют, вот, лечить надо. В город надо.

– Так если деньги-то есть, машину купите.

– Да я бы купила, купила. Одно плохо. Я ведь слепая почти. Мне прав не дадут, – оптимистично улыбнулась женщина.

Теперь стало понятно, почему по её лицу бродит светлая извиняющаяся улыбка, – так смотрят полуслепые люди, полностью полагаясь на хорошее отношение к ним окружающих. Так кутёнок всё время падает на спину и подставляет мягкое брюшко, отдаваясь во власть сильного. И ещё одно стало ясно, женщина была «не в себе». Так ведут себя пациенты с болезнью Дауна. Хотя в данном случае такой диагноз поставить было нельзя.

– Я воду лью, сколько хочу. Да и то ведь, стирать на детишек всё время приходится. Вон они у меня всё в большой комнате в приставки всякие играют. Сейчас-то в клубе. А придут, вечерничать будем, вон я картошки наварила.

Разнообразием меню не отличалось.

– Ну как, покупаете? – заискивающе улыбнулась она на прощанье.

– Мы позвоним.

Юрий Станиславович, наконец, понял, чем так пахнет во всех этих бесконечных квартирах. Это был ЗАПАХ ГОРЯ.

Добрались до села Слободское, где древняя каменная церковь была любовно восстановлена, её голубенькие стены и островерхая колокольня навевали мысли о стабильности и патриархальности. Перед каждым старинным деревянным домом отдельно стояла каменная кладовая из мощного красного кирпича с кованной массивной дверью, запертой на несколько амбарных замков. Кирпичные заводы в селе когда-то были свои. А после знаменитого страшного пожара позаботиться о сохранности имущества успели все. Чуть повыше старого села, расположенного на склоне, встали в каре восемь белых двухэтажных многоквартирных домов. Склон далеко внизу заканчивался речкой Шавкой, впадающей в огромное озеро.

Вот у этих-то домов, встретивших наших путешественников, как дорогих гостей, и поджидал бородатый крупный полный молодой человек. Довеском к нему служил староватый, не отступающий от него ни на шаг, жульнического вида пропитой мужичок, получивший у нашей парочки исследователей кличку Кирзовый сапог или Хитрован. Вступив в неопрятный подъезд, они поднялись на второй этаж. Разбитая однокомнатная квартира представляла из себя ночлежку со множеством матрасов, со следами всемирного потопа через все этажи. Мордастый бородач объяснял, что строит большой дом и деньги нужны срочно, оттого он и просит минимальную цену. Он уже продал машину «Вольво» и стремится как можно скорее закончить стройку. Сам он приехал на «Киа Соренто». Сейчас квартира сдаётся рабочим, чтобы окупить квартплату. Сморщенный, как старый сапог, Хитрован подтверждал, что, конечно, квартира требует ремонта, но найти строителей не проблема. Его опойное, в глубоких морщинах лицо с прищуренными, бегающими глазками внушало полную уверенность в том, что всё сказанное, до последней запятой, – ложь. Видимо бородач проигрался, и за ним внимательно следят, чтобы он вернул долг вовремя и ни копейки не прикарманил. Они с облегчением вышли из квартиры.

– О, и магазинчик напротив! Зайдём? – мило улыбнулась Мира.

В магазинчике было всё.

– Смотри! Твои любимые мочёные яблочки!

Юрий Станиславович яблоки с удовольствием купил.

– Заходите! У меня ещё яблочки есть! – сладко и загадочно прожурчала продавщица.

Следующая квартира в Слободском одной из своих стен примыкала как раз к тому удивительно универсальному магазину, где охотно торговали всем. Считалось, что это первый этаж, но со стороны склона до окон было метра четыре. Жители её – уверенная в себе старуха, старик, разбитый параличом и их пожилая изможденная дочь – так же мечтали переехать в город.

– У нас вроде бы квартира угловая, но это стена магазина, и поэтому она тёплая, – вещала старуха.

Старик лежал в большой комнате, уставившись в телевизор.

Квартира, хоть и считалась однушкой, имела такую большую кухню, что в последней умещались широкий диван, объёмный шкаф и монументальный стол, по другую сторону от двери была плита, раковина и маленький столик у окна. Вроде бы даже уютно, но аура несчастья и тут присутствовала, придавливала, придушивала.

– Ведь под квартирой у нас огромный подвал, мы прямо из квартиры можем включить там свет, – доверительно сообщила дочь.

Спустились в подвал. Вход в общий сектор не запирался вообще. Однако старичку, пока он был в силе, удалось отгородить просторное пространство под всей квартирой, и там на железных столах лежали тыквы, мешки с картошкой, морковкой и свеклой, висели связки лука. Юрий Станиславович ещё подумал, что в таком помещении мог бы разместиться маленький театр.

В своих «квартирных» скитаниях Юрий Станиславович и Мира встречали примечательную парочку.

Девушка на инвалидной коляске с ребёнком на руках, передвигалась, въезжала в подъезд, с большим трудом. Её ноги неестественно выворачивались, становились на ребро, руки сжимались повышенным тонусом мышц и совершали неопределённые, нередко хаотические, движения. Тем не менее она светло улыбалась и заботилась только о том, чтобы муж следил за маленьким ребёнком. Она была улыбчивой и хорошей. Черты лица правильные, глаза большие блестящие, губы пухлые и яркие, на щёчках ямочки. Ребёнок, девочка лет трёх, выглядела абсолютно нормально: миленькая и подвижная. Мужчина двигался замедленно, но правильно. И главное, в его поведении была видна любовь и преданность своим девочкам. Наша юридическая парочка разговорилась с молодой семьёй. Выяснилось, что молодые люди – выпускники специализированного детдома, инвалиды детства. Они встретились и полюбили друг друга. Пенсий и приработков хватало на простую жизнь. Родился ребёнок. Перебивавшиеся раньше на разных съёмных квартирах, они наконец-то получили хоть и маленькую, однокомнатную квартирку, но свою. Счастью их не было предела.

Вот уж, действительно, каждый видит в этом бескрайнем мире то, к чему стремится!

СЛОБОДСКОЕ . КЛОУНЫ

Для фирмы «Кстовский и Ко», взявшей за дело о квартирной мафии, в качестве выездной конторы в итоге была приобретена квартира в Слободском. Это было место СИЛЫ.

Толпы белобрысых курносых аборигенов жили вольно, как на острове Чунга-Чанга. Вместо набедренных повязок «лава-лава» на всех были шорты. Шорты и загорелое голое пузо составляли дресс-код. Семьи полные и неполные состояли из разновозрастных детей. Плодились жители со страшной силой. Милые, румяные, откормленные ребятишки всех возрастов, круглоголовые, с выгоревшими на солнце до белизны волосами, – все напоминали ангелочков. Тут же плодились кошки. Эти дети и многочисленные кошки с котятками толпились на площадке с лавочками, песочницами, качелями, турниками и каруселями из

колес грузовика, окружённой каре двух- и трёхэтажных домов белого кирпича.

Но на этом всё не заканчивалось. В километре от села располагалось охотничье хозяйство, предназначенное для воспроизводства зайцев. Короче, все жили как кролики.

Дни рождения справлялись многолюдно и с размахом.

В середине каре домов находился магазин, который торговал абсолютно всем. Водка была в свободном доступе. Из любого дома до магазина пятьдесят-сто метров. Сказать, что местные жители попивали, значит, ничего не сказать.

Квартиру Кстовский с Мирой выбрали чистенькую. Она уже несколько лет пустовала. Старички умерли, дети продажей занимались вяло. Приобретя её, неукротимая Мира, меняя нерадивых строителей, произвела полный ремонт, сменив даже полы и штукатурку. Сияя хрусталём и дорогой полировкой, жилище сделалось тайным убежищем, последним приютом. А перед окнами в любую погоду приветливо раскачивались ветви красавиц – плакучих берёз.

И вот в эту идиллию, в дом культуры села Слободское, на исходе лета приехал цирк. Село было довольно отдалённым, и иных развлечений не предвиделось.

Ещё за три часа до выступления детишки стали роиться и выклянчивать по двести пятьдесят рублей на посещение цирка у родителей, дядюшек, тётушек, бабушек и дедушек, своих и чужих.

Юрист и благочестивая Мира не преминули посетить очаг местной культуры и его неожиданных, столь редких гостей. Двухэтажное здание клуба и библиотеки находилось в пятидесяти метрах от их подъезда. Его полностью заслоняли разросшиеся берёзы. Перед входом в клуб стояло такси «Ситимобил».

Вместе со стайкой детишек Юрист и любопытная Мира прошли по качающимся половикам в зал с провинциальными геранью и алоэ на грязных окнах. Зал заставили старыми разноцветными, облезлыми скамьями и ободранными, разномастными стульями.

Немолодая женщина ходила по залу, привечала детишек и их родителей. Всё было так по-семейному. Женщина предложила всем купить билеты, а также попкорн и сладкую вату, которые изготавливались тут же выдавшими виды аппаратами, напоминавшими о труде алхимиков.

На сцене заплясали яркие разноцветные блики. Это было пресловутое лазерное шоу.

Клоун отвечал всем представлениям молодых сельчан о прекрасном. Он худ, морщинист и невзрачен, как заслуженный алкоголик; голос его был хриплым и тонким, как у почётного курильщика, движения развязными, как у фартового сидельца. Одет клоун в мундир с орденом-крестом, на голове капитанская фуражка. Завязки жёлтого в горошек банта на его шее спустились до колен.

– Мы долго совещались, – начал клоун, – кому вести концерт. Может быть, – самому опытному, может быть, самому толстому или самому лысому? И решили, что вести концерт буду Я!

И тут клоун снял капитанскую фуражку и показал свою лысину.

Он читал правильные стихи, хрипло-визгливым голосом, шагал по сцене, высоко поднимая тощие ноги в огромных башмаках, жонглировал фуражкой, ставил её себе на нос и одним движением надевал её на лысину. Затем попросил накидывать её ему на голову и смеялся над мальчиками и девочками, которые сильно промахивались. Наконец, он выбрал совсем маленького мальчика и попросил кинуть «капитанку» на голую блестящую лысину. Клоун стал отходить, мальчик пошёл за ним. Клоун вернулся на прежнее место. Так продолжалось, пока, наконец, мальчик понял и остался на месте. Старый актёр отбежал на другой конец зала и приказал бросать, но прежде чем малютка швырнул шапку, комик завизжал: «Стой!» и приблизился на два шага. Только малыш со-

брался бросать, клоун снова заверещал и придвинулся ещё. Так продолжалось несколько раз, пока старый затейник не придвинулся вплотную. После этого малыш просто надел на лицедея шапку. Все были в восторге. Далее клоун стал надевать фуражку на головы зрителей и, благодаря пружинке, она начала прыгать с их голов прямо в его руки. Вовлечены в представление оказались почти все. Клоун в меру насмеялся над публикой и в меру ей льстил.

Вышла, переодевшись в яркие золотистые одежды и держа в руках кота, его жена, – женщина, встречавшая всех при входе в клуб. Циркачей было всего двое.

Уверенный в себе, крупный кот, не обращая внимания на орущую мелюзгу, прыгал на руки своей хозяйки, ходил по жёрдочке вдоль зала и вверх-вниз, очаровывал и восхищал.

Потом молодой, всего трёхмесячный, белый котик стал ходить по той же перекладине. Котик спотыкался, падал, но и он снискал не меньший восторг и аплодисменты публики, которую простые трюки восхищали не менее сложных.

Дрессура котов – дело настолько сложное, что становился ясен высочайший уровень пожилых циркачей.

Далее очаровательный кобелёк, одетый в тельняшку, ходил на задних лапках, стоял столбиком на руке хозяина. Клоун выбрал из зала девочку и заставил кобелька перепрыгивать с её спины на свою. Маленькую девочку качало от веса маленькой собачки.

После лицедей вызвал из зала десяток детишек, построил их по росту, приказал нагнуться, и Филимон (так звали кобелька) бегал туда-сюда по их спинам.

Ход был гениальным. Так ставятся якорьки на всю жизнь, тактильная память. Прикосновения когтистых ножек Филимона запомнятся детям навсегда.

Потом были фокусы.

– Вот он – мир детского счастья! Много ли им для радости надо! – подумал Юрист.

– Ну и как тебе цирк? – спросил Юрий Станиславович у более старшей из детей девочки.

Прекрасная, розовощёкая, как лесная феечка, с активно формирующимися женскими формочками, она всё выступление смеялась, аплодировала и снимала всё на дорогой сотовый телефон.

– Цирк-то? Полный отстой! – и девочка, опытно, по-тюремному, сплюнула сквозь зубы.

Вот тебе, читатель, и детский мир...

РОМАШКИНСКИЙ ЛАБИРИНТ

Диавол как дух невестественный со времени Адамова преступления заповеди Божией возымел некую власть и дерзость действовать на естество человеческое и сделался очень опытным в воевании против людей, ибо люди, им боримые, умирая, преходят род за родом, а он все живет и живет один и тот же вот уже шесть тысяч шестьсот и более лет. Он всегда есть скрытный враг людей, всегда злокознствует и борьбу воздвигает против них и особенно против тех из них, которые теперь рождаются, потому что теперешние не только не имеют никакой опытности в борьбе с диаволом, но совсем и понятия не имеют о борьбе диавольской и об искусности в ней диавола. Почему и когда явно он бьет их, они того не видят, и когда скрытно в них стреляет, не чувствуют; он является ангелом света, а покрывает их тьмою. Так сделался он... очень искусным в борьбе с человеком. Конец же

и цель, для которой ведет он эту борьбу с человеком, велика и страшна. Вначале отделив и отдалив род человеческого от Бога, он теперь всячески напрягается и хлопочет о том, чтоб не допустить его опять возвратиться к Богу, но всегда удерживать в отдалении от Него. И если случится кому возванному быть Иисусом Христом и возвратиться к Богу, он, искусный и многоопытный в делании зла, всячески старается опять отдалить его от Бога. По этой-то причине диавол сделался многоискусен в воевании с людьми и воюет с ними пятью кознями: эллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и <неразумными> подвигами добрых деланий. Эллинством прельщает людей, любящих так называемую внешнюю мудрость; иудейством прельщает евреев, убеждая их думать, будто они хорошо веруют, так как чтут Единого Бога, чем прельщает он также и агарян; ересями прельщает суемудрых боготцецов, удаляя их от православия; православных удаляет от Бога худыми делами и жизнью противною православию, именно: сребролюбием, сластолюбием, славолубием, опять и подвигами добрых дел и самоохотными лишениями самоумерщвления ввергает он подвижников в гордость, которая есть корень всякого зла, равно как в пристрастие к славе и чести людской. Этою прелестью гордыни, которая есть всех добродетелей истребительница, превращает он и в пропасть низвергает души бедных подвижников, живущих в преподобии и правде, и некоторых из них уговаривает показывать ревность Божию не по разуму и строгость жизни нерассудительную. Через это он делает их тиранами самих себя, и они мучат себя всякими лишениями и злостраданиями да славимы будут от человек, что достойно крайних слез, потому что они лишаются за то и настоящих и будущих благ. Пагубность, которой подвергаются все другие люди, о которых мы сказали, ничто в сравнении с потерями, какие несут эти люди. Вот как велика и несравненна наша бедственность! Потому надлежит нам всячески изыскивать, каким бы способом могли мы избежать наветов диавола. Но никаким способом не можем мы избавиться от него, кроме как если прибежем к Богочеловеку Иисусу Христу со всем смирением души и крайним сокрушением сердца. Тогда Христос сам будет воевать за нас через нас, и мы успокоимся: ибо противостояние и преодоление этого врага нашего никаким другим способом не бывает, как только единым Христом Господом.

Симеон Новый Богослов

Одной из особенностей методики Юриста было обнаружение наиболее чёрного, наиболее опасного, злобного, волевого характера, способного стать идейным центром преступной группировки и организация слежки за ним. Из всех недобрых людей, встреченных Юрием Станиславовичем в «квартирном деле», особенно выделялся ромашкинский Вурдалак. Заинтересовавшись этим типом личности, Юрист тайно вернулся в Ромашкино и стал наблюдать за ним.

Вурдалак всегда был в приподнятом настроении; без всяких наркотиков, без допингов и просмотров футбольных матчей он носился по области, как взведённая пружина. В самом затрапезном виде железно-дорожного рабочего входил в любые двери. Он не признавал дресс-код, презирал его. Одежда должна быть только удобной и крепкой. Ездил, обыкновенно, на грязной машине с рекламой, гласящей: «ЗАКАЗНЫЕ УБИЙСТВА. Не пощадим тараканов, клопов, муравьёв и блох. Тотальная дезинсекция»

Такой автомобиль мог также появиться в любом месте, не вызывая ни настоящего интереса, ни желания близко познакомиться с водителем.

Как-то, преследуя его, Юрий Станиславович обнаружил, что тот проявляет интерес к кварталу полузаброшенных хозяйственных построек, облупленные стены которых напоминали одновременно склады и казармы. Возведённые ещё при Николае II в годы Войны с Германией (1914-1917 годы), они честно служили советской власти в качестве казарм местного горнизона и в качестве пересыльного пункта для особо отличившихся «врагов народа». И всё равно, держать такой большой гарнизон в такой «тмутаракани» не имело никакого смысла. Юрист порылся в архивах, всё было темно. Оставалось только влезть на склады самому.

Высокое искусство «домушника» Кстовский освоил ещё, когда в бытность свою адвокатом защищал с чистой совестью «экспроприаторов Экспроприаторов». Редкие из них, конечно, были истинными Робин Гудами, но угрызений оной совести наш герой не испытывал. В этом перераспределении был смысл. Ну, что плохого случиться, если профессиональный вор, рискованный парень, украдёт у трусливого чинуши или бизнюка малую часть награбленного им у беззащитных старушек богатства. В этом есть даже какое-то бритёрство и высшая справедливость. Домушник никогда не полезет к бедным (ещё и деньги оставляли, встречая по ошибке среднестатистическую нищету), а чинуша и бизнюк, прячась, почти по закону, выдавливают, высасывают, вымучивают у голодного большинства последнее.

Настоящий голод выражается не в том, чтобы усохнуть без корки хлеба, – бедные весьма упитаны, некоторые, компенсируя недостаток, даже толстеют. Их нищета выражается в качестве продуктов, говоря проще, едят они всякое ГЕ (знаете такого художника?). Набить живот кашей с комбиджиром можно дёшево. Но хронический авитаминоз, работа по 12 часов, торчание перед телеком от усталости вместо прогулок, нарастающее безразличие и, самое опасное, прослушивание постоянно стучащих, рвущихся в уши попевцов делают человека сначала скотом, а потом – атеросклеротичным трупом, с хрустящими под ножом патанатома артериями.

В общем, открыть амбарные замки и избежать ловушек, поставленных довольно профессиональной воровской рукой (Юрист оценил квалификацию квартиросъёмщиков как бы бесхозных помещений), Юрий Станиславович смог бы без перенапряжения. Но тут возникла особая проблема, – коптёрок, залов и чуланчиков здесь было такое множество, что исследование помещений могло затянуться на много лет. По незначительным следам на пожухшей пыли, на разбросанных фанерках, досках с гвоздями, устилающих бетонный пол, Юрист читал книгу передвижений по складам, как кобель отметины своих соперников на столбах. Он моментально понял, что ходить по этой пыли надо как по свежему снегу, след в след.

Интересно, что Вампир следовал за своей цели по этим катакомбам всегда новым маршрутом. Таким образом, следов было довольно много, но, приглядевшись, можно было определить, что штиблеты тут топтались одни и те же. Пришлось наклеить на ботинки аналогичный рисунок подошв. Юрист даже обнаружил «тайную» отмазку Вурдалака-Вампирёныша.

В одной из маленьких заброшенных комнат, с подведённым откуда-то электричеством и водой, стоял внушающий уважение медный самогонный аппарат. Один змеевик у него на рынке цветных металлов составил бы состояние умыкнувшему его воришке.

Пузатые четверти дореволюционного времени с брагой и первачом украшали многочисленные полки. Но самогоноварение велось, судя по запаху, вяло. Да и самого Вурдалака-Вампира пьяным никто не видел. В помещениях пахло пылью и кучками очень старых чёрных фекалий, своим стойким сухим амбре ароматизировавшими закутки и величественные холлы с опадающей штукатуркой долгие годы.

Не рискуя красться за хозяином, всё время ставящим ловушки и ходившим кругами, Юрист разгадывал иероглифы его передвижений по еле заметным следам и пакостным сюрпризам. Наступив на гнилую фанерку, тут можно было уронить на себя многотонную балку; в узком месте, шваркнув по напылению стены, оставить автограф посетителя; вступив на кафель, уложенный на жиденькую сеточку, провалиться в бездонную яму с острыми пиками ржавой арматуры на дне.

В темноте, передвигаясь по рельсине над разверстой пастью подвала (пол тут якобы случайно обвалился), Юрист понял, к счастью довольно рано, что рельса аккуратно смазана маслом. Поскользнувшись, он упал и зацепился подмышкой за ещё не намазанный участок. Удар о рёбра и внутреннюю часть плеча был чрезвычайно болезненным. Повисев некоторое время, молча и отдышавшись, Юрист снова влез на рельс и ретировался по тому же маршруту незаметно. Пару дней пришлось отлёживаться.

В другой раз доска в трёхдюймовых гвоздях от его прикосновения встала и восхотела пробить ему лоб и глаз. В следующем помещении на такие гвоздатые доски, установленные в неглубоких провалах, был положен толстый, но хрупкий от времени картон. Так что путь впереди себя Юрист простукивал и прощупывал, как минёр, приваренным к посоху заточенным шомполом. В случае потасовки посох послужил бы неплохим штыком или укороченной шпагой и палкой. А в сложенном виде выглядел как франтоватая, чуть более длинная, чем привычно, трость. Именно ей Юрий Станиславович отбил атаку доски с гвоздями.

Раз за разом Кстовский всё глубже продвигался в череде ловушек по заброшенным складам, и настал день, когда он понял, в какой комнате сходятся все маршруты, по которым продвигался Вампир. Это было просторное помещение с тремя дверями, ведущими в три разных коридора. Однако никаких признаков дополнительных дверей, а уж тем более окон в ней не наблюдалось. Освещение в комнате было искусственное. Кстовский протучал все стены, пол и потолок – разницы в звуке не наблюдалось. Ломать стены не имело никакого смысла, Вампир заметил бы на них даже царапины.

Пришлось Кстовскому проявить неслыханную наглость и проворство. Многие часы он прождал Вурдалака в комнате. Вдруг послышались лёгкие крадущиеся шаги последнего. На мягких ногах, на цыпочках Юрист миновал в коридор с противоположной стороны комнаты, неслышно пробежал коридор и скрылся за углом. И вовремя, – Вампир сунул нос во все коридоры.

Лишь только за ним закрылась дверь, Кстовский поделал кросс заново и прильнул к щёлке двери. Вурдалак ходил по помещению, прислушивался и шумно принюхивался, как собака. Подозрительности его не было предела. Не рискуя показать свой блестящий глаз, юрист наблюдал только за его тенью. Внезапно тень уменьшилась и исчезла.

Притихший Юрий Станиславович наблюдал ещё полчаса. Наконец он отвалился заглянуть внутрь. Комната была пуста.

Потрясённый Юрист принялся бродить по загадочной шкатулке с секретом исчезновения, – вскоре, он сообразил; входы были расположены так, чтобы место, на котором останавливался Вампир, не было видно в щёлки приоткрытых дверей. Чтобы увидеть этот квадрат, нужно было распахнуть двери полностью.

Юрист изучил заколдованное местечко с лупой. Не было никаких зацепок. Пришлось пойти на беспрецедентный риск и повторить наблюдение. Эффект оказался тем же: тень Вампира уменьшилась, и через мгновение комната сделалась пустой. Невероятным казалось, что тень уменьшалась как в длину, так и в ширину, – просто Алиса в стране чудес.

На третью попытку Кстовский не пошёл. Он взял таймаут и неделю анализировал полученные данные.

Наконец, с готовым решением он зашёл в «ящик фокусника». Так же как Вампир, он походил по комнате, встал на «чёртовом месте» и погрузился в пол. Механизм работал чётко и бесшумно. Включался он только когда человек три раза с определёнными интервалами проходил по «чёртовому месту».

Щелей в полу между плитами не наблюдалось, подогнано всё было с точностью часового механизма. Лампы были расположены так, чтобы тень не только опускалась, но и сужалась. Юрист очутился в череде чистых жёлтых комнат с потрескавшейся штукатуркой. Впечатление создавалось такое, что из них только недавно вынесли мебель. Отсутствие пыли объяснялось их герметичностью. Где-то далеко работала вентиляция для комнат, то складывающихся в анфилады, то ветвящихся как дерево, то тупиковых. Залы для заседаний со множеством дверей чередовались с гулкими коридорами и тупиковыми «сейфами» с толстыми дверями на замках, подобных рулевым колёсам.

Штабать вверх-вниз не имело смысла, и изучение этого сегмента загадки Вампира потребовало переселения Юриста с запасами в «подземное царство» на несколько дней.

Нарисовав примерный план помещений, Юрист нашёл выход в более глубокие слои и из них. И тут он попал в пещеру Алладдина. Это были армейские склады с обмундированием, стрелковым и холодным оружием сначала царского времени, времён войны 1914 года, а потом и Красной Армии времён начала Великой Отечественной войны. Только золотоустовских казачих шашек тут было несколько тысяч. Это запас на тот случай, если рубеж обороны откатится до Нижегородской губернии (а в советское время до Горьковской области). То, что линии обороны построены, знали все краеведы. По этим местам современные сталкеры даже водили экскурсии. Тут же налицо заготовлено всё материальное обеспечение для такого сопротивления.

Залы и залы трёхлинеек, «максимов», гранат, трёхдьюмовок с запасом снарядов. Худо-бедно армию можно и одеть, и вооружить, и прокормить.

Как в недрах сверхсекретных архивов могли затеряться документы на всё это добро, останется тайной навсегда. Но люди, которые представили Вампира за этим наблюдать, были из мастеров высочайшего посвящения.

Не останавливаясь на достигнутом, Юрий Станиславович обнаружил щели в складах, ведущие в естественные пещеры неопикуемой древности. Изучать их он отправился уже в профессиональном снаряжении спелеолога. Вернулся Кстовский через неделю, с чёрным мрачным лицом, и об этом своём вояже не рассказал даже Мире.

А пока исследования заслуживали дела земные, мирские, а именно квартирная мафия. Юрист проследил за наземными путешествиями Вампира. К своему удивлению, он тёмным вечером обнаружил его входящим в вонючую рыгаловку, расположенную напротив Среднего рынка. Рядом возвышалась телебашня, а тут, в одноэтажной грязно-жёлтой дореволюционной постройке, низеньком сооружении с толстыми стенами, существовал грязный маленький кабак.

Наглая шинкарка наливала палёную водку, разбавленное водянистое пиво и продавала высохшие чёрные бутерброды с селёдкой с душиком и вялым жёлтым луком. Прогорклая селёдка под закисшей «побитой молью» шубой была верхом гурманства. Изменивший свою внешность Юрист, с удивлением, обнаружил, что за столиком там сидел Кирзовый Сапог из убитой квартиры в Слободском, к которому и подсел Вурдалак.

Через некоторое время Вурдалак ушёл, но буквально через полчаса нарисовались гнилозубые отец и сын из Малиновки. Группа товарищей начала вырисовываться. Кстовский знал по опыту: следить нужно за главным злом, которое встретишь на пути, его можно почувствовать кожей, вот оно то, что выведет на других участников схемы.

Появление отцелюбивого отрока вместе с почтенным папашей в пивнушке возле Среднего рынка навело Юриста на мысль, что компания действует в квартирном деле сообща. И мысль подглядеть в Малиновке тайные стороны их богоугодной жизни пришла в голову как-то сама собой. Запарковав машину в поле, Юрист пробрался к одинокому «дому мечты» кустами. Наблюдал он довольно долго, ничего особенного не происходило. Но внезапно сзади его послышался пришепётывающий тихий голосок.

– Наблюдаете жизнь аборигенов?

Юрист судорожно оглянулся. За его спиной стоял очень примечательный тип. Сказать, что он был худ, это означало не сказать ни слова правды. Это был практически скелет старика. Одет в такие живописные лохмотья, каких не сыскать в пределах городской черты и за большие деньги. Следить за своим гардеробом привидение перестало ещё при развитии социализме, а галифе можно было оторвать на рынке в Шепетовке в революцию 1917 года, но только 1917-го. Офицерский советский китель с аксельбантами дополнял живописнейший образ. Старик был бос.

– И вам не страшно? – спросило привидение.

– Страшновато, – не сумел соврать Юрист. – А ты кто?

– Алёшенька, – прошептало явление.

Внезапно завывала на все лады лесопилка, и их разговор с шёпотной речи перешёл на ор.

– А-а-а-а-а! – схватился за голову юродивый. Он явно был не в себе.

– Чего ты заорал? – пытаюсь перекричать пилы, завопил Юрист.

– Ожил! Ожил! Дьявол ожил! – заблажил Алёшенька.

– Како-о-о-й? – тужился перекричать пилы Кстовский.

– Ночью понесут! Ночью понесут! Ночью! – не унимался скелет. – Вот! Вот оно! Сэкрефайт! Сэкрефайт!

Кстовскому показалось, что в невыносимый вой пил влился и отменил из звон неимоверной мукой ещё какой-то нечеловеческий звук. Из его глаз, как из лужи в ливень сами брызнули крупные слёзы. Он оглянулся. Алёшенька уже бежал, смешно задирая свои крупные чёрные костистые стопы. Он бежал по полю и выл.

Пилы стихли не скоро. Дополнительный звук повторялся несколько раз. Юрий Станиславович остался в кустах до ночи. Уже к утру из дома выползли две согбенные фигуры и потащили к трассе тяжёлый мешок. Они несли его в придорожное кафе. Юрист носовым платком стёр с асфальта жидкость, стекавшую из мешка. Потом, при проведении криминалистического анализа, она оказалась человеческой кровью.

Кстовский побывал в этом кафе. Меню на удивление разнообразное, блюда недорогие, порции большие. Проезжающие водилы кафе любили. Там подавались, в числе другого, крупные рубленые котлетки, полностью мясные, до сладковатым, но из-за богатства специй, острым вкусом. Другим деликатесом был согнанный из медного аппарата крепчайший самогон.

Чрезвычайно рискуя, Юрий Станиславович побродил вокруг кафе и нашёл человеческий старческий палец, с исковерканным расщеплённым надвое ногтем. Палец сужался к срезанному месту, как будто тут недавно намертво сидело вросшее кольцо.

Скрылся кто-то, не поделился! И осталась улика. Всем уликам улика. Нет, не для прокурора, а для людей, ищущих настоящее дело, дело, которое сотворит их карьере, укрепит в криминальном и юридическом мире их репутацию. Людей, ищущих жареного, громкого, медийного, убийственного материала, не связанного напрямую с властными структурами, с основами государства, с монстрами производства и энергетики, с которыми не пободаешься, под которыми только хрустнешь. Вдохновенных, фанатичных карьеристов! И таких людей Юрист знал...

Если диавол видит, что ты не выносишь потери денег и из-за них отрекаешься от Бога своего, то опять даст их тебе, чтобы иметь повод опять обольстить тебя и отвлечь от Бога.

Иоанн Златоуст

В Нижнем Новгороде существовало много настоящих, истинно великих научных школ. Город может гордиться тем, что именно в его центре умер от голода выгнанный из университета великий генетик профессор Четвериков, примиривший когда-то дарвинистов и генетиков. Томился в довольстве предатель собственных идей об уничтожении Америки с помощью водородной бомбы академик Сахаров. Жили и творили великие физики и химики. К такой известной химической школе академика Разуваева принадлежал и профессор университета Данила Александрович Ермолаев. «Могучий Ермолай» – звали его студенты. Росточком «Могучий» был метр сорок, косопузый, с узенькими плечиками и вечно улыбающимся темненьким личиком, он, тем не менее, входил в сотню величайших учёных столетия по кембриджскому списку. Нрава профессор был кроткого, прослыл в коллективе «заслуженным святым», ходил на концерты в филармонию и консерваторию, был узнаваем в театрах, ездил по Европе с лекциями по своему направлению в химии.

Спокойно и непрерывно продвигаясь вперёд, отличаясь завидной занудностью и работоспособностью, он занимался со студентами наукой, делал с ними курсовые и дипломные работы и затем сложил из них сначала кандидатскую, а потом и докторскую. Трудолюбие его вошло в университетский фольклор. Данила всегда ходил на работу пешком и с огромным портфелем. Вес у портфеля был внушительнейший. Однажды его коллеги втиснули в портфель между бумагами ещё и силикатный кирпич. Все тайком наблюдали за Данилой. Он подошёл в конце рабочего дня к стулу с портфелем поднял его и как ни в чём не бывало отправился домой. Только дома, разбирая бумаги, он обнаружил кирпич.

Областью интересов Данилы, в частности, были полимеры, причём такие, что становились твёрже многих сортов стали. Они применялись на космических станциях.

Второй страстью Александрыча являлась археология. Собственно, из-за этих работ он и ездил в Италию.

Только что извлечённые из земли артефакты или, наоборот, долго стоявшие в городе с активной кислотной атмосферой здания нуждались в химической обработке, закреплении. Но химическая задачка осложнялась тем, что состав не мог оставаться в дереве, мраморе или на металле бесконечно долго. Пришедшие на смену старых новые поколения химиков должны иметь возможность изобрести и применить новые, еще более эффективные средства консервации. Для этого нужно иметь состав, извлекающий предыдущий консервант из артефакта полностью. Составом Данилы был покрыт разрушающийся от выхлопных газов Парфенон.

В Италии профессора встречали с особым триумфом. Форум Рима нуждался в его услугах. Его ждал гигант Колизей.

Вернувшись из Италии, Данила гордо показывал многочисленным гостям альбомы на мелованной бумаге с каталогами древностей и культурных ценностей.

– Да! – почти горестно сообщал он со скрытой гордыней очередному слушателю, – я привёз из-за границы только книги. Это единственная истинная ценность!

– Как?! Вы не купили современные гаджеты, технику, телефон? – удивлялись гости.

– Что вы! – Он мне даже тряпачки не привёз! Весь в своих книгах! Он – СВЯТОЙ! – горделиво подвывала жирная жена на удивительно тоненьких иксобразных ножках, на которых, казалось, висели гигантские мужские стопы. Она была выше его на две головы и в четыре раза толще.

Но мало кто знал другую сторону данилиной жизни. Он был фантастически жаден и скуп. Зная, что это плохо, никогда не афишировал, а как раз тщательно скрывал это своё качество. В глубоком детстве за чернявость, лилипутскость и некоторую ядовитость его стали звать «клоп-татарин».

– Кто ты? – спрашивали малыша.

– Коптятяин!!! – улыбчиво отзывался карапуз.

С раннего возраста он в многодетной семье тащил именно себе ценные книги, статуэтки и драгоценности. Настаивал, чтобы книжки, которые ему дарились, подписывались. Выклянчил коллекцию иностранных и древних монет своего прадеда. Всё это складывалось отдельно, и это в коммунарском семейном коллективе интеллигентных родственников проповедовавших нестяжательство.

Отделившись и женившись, он стал очень груб со своей больной матерью. Всё это творилось с такой естественностью, с таким пафосом, уверенностью в собственной правоте, что не замечалось окружающими.

Шли годы, и его собирательская жилка проявлялась всё безобразнее.

Как только в окрестностях его дома умирала в старинном районе Нижнего какая-нибудь одинокая бабушка, в ту же ночь Данила со чады и домочадцы крался по тёмным улицам до её жилища и пересматривал весь оставшийся антиквариат. Кражей он это искренне не считал. Таким образом он СПАСАЛ произведения искусства. Таким же образом он «спас» через разбитое окно и немало древнейших книг из городского архива, который располагался в монастыре и никем не охранялся в лихие годы. Может быть, именно за эту верёвочку его и прихватили, а может быть сам «Химик», как его стали звать в преступном мире, захотел остренького.

Он стал изготавливать яды. Опробовал на соседских питомцах – кошечках, собачках. Затем пришёл черед ближайшей родственницы – тёти Кати, от которой Данила, вернее его сын, унаследовал квартиру. Сдавая квартиру, клан Ермолаевых вошёл во вкус.

Тут-то некто и схватил Данилу за колокольчики. Неизвестный ввел его с его ядами в схему знаменитой фирмы «Заботка», бравшей на себя обязательства за отписанную им квартиру содержать одиноких больных пенсионеров до самой смерти. Как я полагаю, уже догадался наш прозорливый читатель, смерть не заставляла себя долго ждать.

Юрист проследил, как Кирзовый Сапог забирает яды у Данилы, даже не зная, что это такое, и передаёт их затем Вампиру, который оные с удовольствием и применял. Вурдалак сначала обрабатывал предметы и распылял яд в воздухе, а затем обрабатывал трупы другим раствором и извлекал из них яд. Для особых случаев существовали особые методы. Как оказалось, в деле мучительства и убийства Вурдалак был художником. Он наслаждался властью над жизнью человека. Только что жизнь билась под его рукой, только что существовал целый мир, – и его, только его, именно его волею этот мир прекратился, угас, трепещущая жилка уснула навсегда.

Например, он мог устранить человека не просто в людном месте, но в толпе, не просто на виду, а привлекая к себе всеобщее внимание, не просто голыми руками, а протягивая руку помощи.

В толпе жёстким ботинком он бил клиенту точно по выступающим косточкам голеностопа, то есть всего пять-семь сантиметров от земли. Никто из окружающих заметить такого удара не мог, а у клиента он вызывает резкую боль.

Затем с криком: «Вам плохо?!» – падающего от боли и неожиданности клиента Вурдалак преобнимал руками, так же надавливая на болевые

точки, валил на землю. Тычком, как бы измеряя пульс, грубо воздействовал на синокаротидную зону, одновременно на пузырную зону (зону желчного пузыря и солнечное сплетение). У клиента замедлялся пульс, дыхание становилось прерывистым. При этом, якобы оказывающий помощь Вурдалак, непрерывно кричал: «Человеку плохо, помогите! Разойдись! Скорую! Не волнуйтесь, я врач, я помогу!» Далее ошарашенному клиенту во время дыхания рот в рот ломался перстневидный хрящ трахеи, во время непрямого массажа сердца ломались рёбра и останавливалось сердце. У клиента начиналась агония, а доброхот-Вурдалак убежал с криком: «Я за скорой! Я за лекарствами!»

Представление закончено.

Убить человека так же просто, как выпить стакан воды. Если нет достаточного опыта и силы в руках, можно проткнуть любой орган спицей от велосипедного колеса, спрятанной в рукаве. Главное, громко орать «помогите!»

Вурдалака гнала вперёд нестерпимая жажда крови и людских мучений. Кровь он любил как в переносном, так и в прямом смысле слова. Окуная в неё, в тёплую и дымящуюся, напряжённые руки, слизывая её, он начинал дрожать, и по его телу пробегали нестерпимые судороги такого сладострастия, такого сластолюбия, что переживания юной девушки, впервые познавшей любовь, меркли и осыпались иглами с новогодней ёлки.

Имея на руках все доказательства преступной деятельности, добытые и представленные Юристом, компетентным органам не составило большого труда совершить правосудие над квартирной мафией и фирмой «Заботка».

К сожалению, большая семья непосредственных владельцев этих предприятий была частично расстреляна неизвестными лицами, частично исчезла ещё до начала судебного процесса, а доказать причастность к криминальным делам профессора Ермолаева и Вурдалака-Вампира не удалось.

* * *

В Нижнем Новгороде на скрещении улиц Большой Покровской и Пискунова, прямо перед фасадом старинного, построенного ещё купцами миллионщиками Драматического театра, расположилась небольшая, уютная Театральная площадь. Часто на ней собираются молодёжные компании, смеются, подкалывают друг друга, катаются на скейтбордах, устраивают эквилибр на велосипедах. Поют уличные музыканты.

Юрий Станиславович с Мирой после посещения театра или без него любили посидеть тут в кафе «Трактир на Улице».

В этот раз поводом послужило успешно законченное дело.

День жаркий, вечер душный, но в кафе комфортно. Комфорт начинался с усталой ковром лестницы, ведущей на второй этаж. У входа стояли в козлах алебарды. Мебель из массивного морёного дуба, старинные картины, полки с дореволюционным фарфором.

Вместе с меню каждому посетителю авансом подносилась маленькая рюмочка водки. Усевшись за солидный тяжёлый стол, Юрий Станиславович заказал Мире ледяное шампанское брют. В заказ также вошёл салат, созданный из жареных королевских креветок, овощей в карамелизованном яблочном соусе, кабачки с корочкой в нём радостно хрустели на зубах, порванные руками листья салата прекрасно сочетались с авокадо.

Тут же были рулетики баклажанные с сыром, орешками, творожным сыром и мягко порубленной пряной зеленью. Из каждого рулетика торчала шпажка, за которую этот изящный продукт брали двумя пальчиками и отправляли в рот.

Официантка постоянно подходила и освежала шампанское в бокалах.

Горячее – печёная утка в вишнёвом соусе с пюре из сельдерея. Подавалось пюре в маленькой керамической плошечке, в которой оно и запекалось, и поэтому было покрыто корочкой. Яблоко с клубневым сельдереем и сливочным творожным сыром составляли его основу. Маленькая плошечка устанавливалась на большое блюдо, на котором сердечком лежал готовый растаять во рту кусок утки.

А поскольку в тот вечер они были в кафе одни, то в качестве комплимента от шеф-повара получили тарелочку с небольшими шоколадными пирожными, по вкусу напоминавшими свежайшие трюфели. Дополнял всё это роскошество прохладный брусничный морс.

За этой прекрасной трапезой и за разговорами незаметно пролетели четыре часа. Юрий Станиславович рассказывал схему, по которой работала квартирная мафия.

Сначала в квартиры распыляли яды Данилы так, чтобы её жители начинали болеть, причём болеть самыми разнообразными заболеваниями, по принципу «где тонко, там и рвётся». Потом предлагали переезд в город. Схема невыполнимая, но крайне соблазнительная. Стариков, предложив им переселение в город, на самом деле отправляли в Малиновку. Там они некоторое время перебивались с хлеба на квас в ожидании новой квартиры. Затем сладкая парочка – тихие отец с сыном – убивали их под вой и шум лесопилки, мясо жарили и продавали в придорожном кафе.

Квартиры перепродавали уже риелторы, правдами и неправдами втюхивая их наивным дачникам, через некоторое время пропадали и дачники, как это было налажено в Ромашкино. Мясо отправлялось в то же кафе. Кости, как в бездонный оссеарий, сваливались под водонапорную башню.

В завершение они заказали карамельное мороженое с грецкими орехами и кофе. Мира – капучино с корицей, а Юрий Станиславович маленькую чашечку крепкого эспрессо.

ТАЙНЫ РОМАШКИНО

*Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием.
Исихий Иерусалимский*

После разгрома местной квартирной мафии и исчезновения владельцев фирмы «Заботка», Юрий Станиславович решил вплотную заняться тайнами Ромашкино.

Когда он в прошлый раз обследовал пещеры, все иллюзии о необитаемости подземного мира у него были рассеяны. Он слышал жуткие, душевраздирающие крики, встречались пещеры, полностью залитые свежей, недавно свернувшейся кровью.

Снарядил серьёзную спелеологическую многодневную экспедицию.

Обнаружились и человеческие поселения. Не смея приближаться к ним, Юрист установил подслушивающее устройство в относительной близости от блокпоста такого подземного посёлка. Слушая записи разговоров за несколько суток, Юрист пришёл к убеждению, что найденные им люди уникальны.

Вот пример разговоров тех, кто стоял на посту в эти дни.

– Товарищ комиссар, а правда, товарищ Максим – храбрый?! Один среди миллионов врагов! Вот человек! А?!

– Храбрый, Федотов! Храбрый!

– Товарищ комиссар, а мы фашистов победим?

– Победим, Федотов! Победим! Дай срок!

– А – контру?

– И контру победим!

- А хорошо, что баб нам немых дают, без фашистской идеологии!
- И это правильно.

Из таких разговоров Кстовский понял, что подземную коммуноу созда- ла «забытая» охрана складов – в основном из НКВД. В какой-то момент им сообщили, что на поверхности земли победили фашисты. С тех пор охранники ушли ещё глубже под землю, захватив львиную долю обмун- дирования, продуктов и вооружения. Там у них было обширное посе- ление, – имелся даже клуб и кинотеатр с внушительным (на дивизию) запасом довоенных киноплёнок. Но постепенно источник всего иссяк, захваченные с собой бабы нарожали наследников (в основном мальчи- шек) и почилы в бозе. Коммунары стали вырождаться и погибли бы, так и не высунувшись наружу, однако кто-то нашёл их, продолжил снабже- ние и привел сверху молодых крепких «женщин-фашисток» с вырезан- ными языками. Это дало коммуноу новые силы и новый задор. А когда на видеомагнитофоне, а потом на современном цифровом видео они поу- чили те же довоенные фильмы, их мир гармонизировался окончательно.

Наш знакомец Вампир, которого они звали Максимом, был «связным» с внешним миром.

Одним из незримых подвигов, которые коммунары совершали еже- дневно, была защита наземных жителей (их здесь звали «верхние») от тех безымянных подземных тварей, что таились в пещерах, приспособлен- ных под тайные склады. Тут были полудеревья-полумухоловки, гигант- ские насекомые, слепые рыбы, амфибии и рептилии небывалых разме- ров и ещё тысячи переходных видов, пищей для которых были мелкие пожиратели простейших, питающиеся хемосинтезом. Чаще всего их убивали здесь, прямо под землёй, но иногда они выбирались на поверх- ность, где коммунарам приходилось их добывать ночами в рукопашной.

Дубовый лес, тот, что подходил прямо к дому Вампира в Ромашки- но, был плоть от плоти выползком из подземного царства. Генетически твари, живущие в нём, были ближайшими родственниками пещерной подземной флоры и фауны. Кто бродил по его тропинкам? Об этом не хотелось даже думать.

Кстовский был поражён тем искренним патриотизмом, фанатичной преданностью идеалам коммунизма, детской верой в победу справедли- вости и революционным подъёмом, который царил в коммуноу.

Однако коммунистические идеалы были тут единственной ценностью. Информации с гулькин нос. Так что постовые менялись, а содержание бе- сед оставалось классическим, и Кстовскому скоро приелось это слушать.

– Товарищ комиссар, а правда, товарищи Максим – храбрый?! Один среди миллионов врагов! Вот человек! А?!

– Храбрый, Федотов! Храбрый!

– Товарищ комиссар, а мы фашистов победим?

– Победим, Федотов! Победим! Дай срок!

– А контру?

– И контру победим!

– А хорошо, что баб нам немых дают, без фашистской идеологии!

– И это правильно.

– А Серова из фильма «Сердца четырёх» – красивая!

– Да-а-а-а!

СУМАРОКОВ–БАРЯТИНСКИЙ

Молясь, восплачем от глубины сердца, чтобы прогнать вра- га нашего в глубину пещи геенской. Ведь когда ты стенаешь, он подвергается ударам; когда ты ударяешь себя в грудь, он получает раны; когда ты принимаешь удары, он подверга- ется казни.

Иоанн Златоуст

Сидящий в оборудованном им схроне, Кстовский, анализирувавший аудиозаписи коммунарлов, неожиданно был очень интеллигентно потревожен.

– Позвольте, милостивый государь, оторвать вас от изучения столь любопытных для вас артефактов. Не извольте беспокоиться. Опасности для вас ровно никакой нет.

Перед Кстовским стоял на удивление опрятный человек в форме царского образца. Его седые волосы «гривой» были зачёсаны назад. Аккуратно подстриженные усики украшали благородное, чуть вытянутое лицо с правильными гармоничными чертами.

– С кем имею честь? – оторопело отозвался Юрий Станиславович.

– Разрешите отрекомендовать себя. Полковник лейбгвардии Ахтырского полка Павел Николаевич Сумароков-Брятинский. Мне поручено командованием наладить связь со столь пытливым исследователем нашего, с позволения сказать, захолустья.

– Доктор медицинских и юридических наук, Юрий Станиславович Кстовский.

– Вам, человеку науки, поначалу трудно будет разобраться во всех нюансах нашей провинциальной действительности. Так что благоволите прогуляться со мной в более уютный уголок, – там никто не помешает нашей долгой и доверительной беседе. И не беспокойтесь об освещении. Просто возьмите меня за руку. Я прекрасно вижу и в сумерках, которые, верно, кажутся вам непроглядной темнотою.

Чувствуя себя всё равно полностью в руках этого ненавязчивого гостя, Юрист ответил согласием.

Путь был долог и невероятно сложен.

Они попали в место, которое мы опишем позже, так как главным было содержание их бесед.

– Видите ли, – с большой теплотой вещал полковник, – отказаться от вашей ликвидации было, так сказать, моей личной инициативой. Физиогномика, представьте себе, чистая физиогномика. Иначе ваше устранение не представило бы для нас никакой сложности. А я, представьте, ходатайствовал перед начальством и гарантировал со своей стороны полную конфиденциальность. То есть знать вы будете только меня. Получите сведения только ограниченные и станете нам полезным. Помимо нашего с вами душевного благорасположения, конечно же.

– И давно вы здесь, с позволения сказать, обитаете? – осторожно начал Кстовский.

– С 1917-го года.

– И много вас?

– Информация абсолютно лишняя, к вам, уж простите меня за бестактность, не имеющая никакого отношения.

– Насколько вы осведомлены об изменениях в большом мире?

– Мой дорогой, тут живут образованные, интеллигентные люди. Об окружающем мы знаем гораздо больше вас. Ведь на нас не распространяется вся та пропаганда, которая начала поднимать голову еще до бунта 1917-го года, достигла апогея в 1941-м и нарастает теперь. По сравнению с нами вы можете мыслить едва одной третью, одной четвертью мозга, остальное забито рекламой и международными обозревателями, действующими в интересах разных партий и стран.

– Были ли вы связаны с зарубежной иммиграцией?

– Да, но далеко не со всей.

– Однако большинство иммигрантов оказались в Париже, Берлине и Риме.

– Что вы, батенька! Право же, это всё заблуждения. Переселение дворянства через Стамбул в Париж – это иллюзия, созданная советской властью. Булгаков, в частности, прекрасно об этом знал. Его «Белая гвардия» и «Бег» написаны по заданию Вождя Народов. Иначе как бы такая белогвардейская литература вышла в свет в Совдепии. Да и сам автор

прожил бы в застенках НКВД от силы месяц. Нет! ГЛАВНАЯ ИММИГРАЦИЯ БЫЛА ПОД ЗЕМЛЮ!

Кстовский подумал о том, сколь многозначной была эта последняя фраза.

– Так почему же, когда советская власть закончилась, самоликвидировалась, вы не вернулись из своих подвалов в прекрасный солнечный мир?

– Помилуйте, милостивый государь, что же нам делать в этом вашем верхнем вертепе. Ведь это же каменный век какой-то. Европейская культура не придумала ничего лучшего, как перенять негритянскую. Лук и стрелы вам в руки и идите в джунгли, убивать какую-нибудь змею. Принцип покупать всё за стеклянный бусы, то есть за кремний, остался тем же. Сейчас из кремния делаются микросхемы, и уже из них – гаджеты. Универсальные чесалки пяток для олигофренов. Кстати, в верхнем мире ценятся только они, – истинные ценности не стоят ломаного гроша. А язык! Язык, батенька, носитель информации и культуры. Аз, буки, веди, глаголь, добро – буквально: я буквы знаю, говорю только добро. Настоящие слова слипаются в стихи и музыку, открытия и идейные формулы сами. Для обслуживания гаджетов же вы постоянно учите изобретённые примитивами новые языки, не несущие в глубине себя никакой информации. Это в прямом смысле промывание мозгов, причём дистиллированной водой. До состояния чистого листа, которым потом, пардон, подтираются.

– Так и возвращайтесь в наш мир вместе со своей древней истинной культурой. Иначе это раскольничество какое-то, – не унимался Кстовский. Ему мучительно хотелось вернуть дореволюционную, мягкую, предупредительную, благородную русскую культуру, – к современной у него была врождённая идиосинкразия.

– Да, именно этого многие и опасаются. Больше того, до кровавого холодного смертного пота боятся, дрожат. В этом их гибель. И они никогда не допустят нашего возвращения. Обнаружив, они, непременно, уничтожат нас и наш мир. Они мыслят иначе.

«И, действительно», – подумал Юрист, вспомнив теорию информационного потока. Подобные мысли приходили и ему в голову.

Сколько раз ему казалось, что современному человеку мыслить мешают не просто так. Как осуществляется гибридная война против России, то есть включаются экономические рычаги, кастрируется культурология, изничтожается история, катастрофически беднеет язык, аллергизируется и снабжается массой хронических неинфекционных и инфекционных заболеваний население, идет генетический геноцид, последовательно уничтожаются спорт, школьное и высшее образование, школы искусств, библиотеки, медицина, – так же происходит и с отдельным человеком. Кроме всего перечисленного, для каждого индивидуума уготовлено нескончаемое сидение за компьютером, обусловленное составлением неимоверного числа отчётов о каждом шаге, получение справок по любому поводу, составление невыполнимых и невыполняемых различных планов. После ковида мир совершенно изменится, благодаря огромному числу компьютеров каждый шаг каждого человека будет неумолимо фиксироваться якобы для его же пользы. Генетическая полиция станет отлавливать «неполноценных» в плане иммунитета разносчиков новых инфекций. Люди всё меньше будут выходить из домов, работая круглые сутки на удалёнке. Идеальные рабы, рассованные по своим ячейкам, станут хорошо приготовленным мясом для невиданной эксплуатации, ни о какой защите прав не будет и речи. И наоборот, сбой компьютерной сети (случайный или срежиссированный) станет вселенской кровавейшей катастрофой.

Они с Павлом Николаевичем сидели на веранде, освещённой бледным, но приятным светом подземных цветов. На круглом столе ещё клокотал горячий самовар, в вазончиках варенье и печенье, чашки гар-

днеровского и кузнецовского фарфора, не утратившие своей яркости и нежности, были полны ароматным чаем. Беседа длилась, казалось, бесконечно. Словно братья, которые не виделись 100 лет, и, обнявшись, не могут наговориться.

На диване Кстовский заметил старинную гитару с необычайно тонкой «талией».

– Не попеть ли нам романсы? – ностальгически простонал Кстовский.

– С превеликим удовольствием, – отозвался Павел Николаевич.

И они начали петь на два голоса, на два мира: «Утро туманное. Утро седое».

КАФЕ С ХАМКОЙ

Естество человеческое само по себе недостаточно к тому, чтобы изгонять бесов, а может это делать только силою Духа.

Афанасий Великий

В этот день Юристу захотелось посетить не очень презентабельное на вид кафе. Ему представилось, что там ему подадут простое, чуть пережаренное мясо с картофельным пюре и квашеной капустой. Мира возражала, предрекая пищевую токсикоинфекцию. Многие маленькие кафе в ковидный период локдауна работали на просроченных продуктах. Юрий Станиславович её не послушал, и, как всегда, зря.

Кафе находилось в подвальчике и пахло отсутствием пищи и наличием за стеной сырых пустых комнат. Из-за дальней стойки поднялась и медленно, нехотя, но солидно поплелась к ним маленькая официантка с возмущёнными глазами. Почему-то Юристу показалось, что в противоковидной маске ей было лучше. Некоторым женщинам намордники так идут...

Она встала перед ними, как ментор.

– Сначала я доведу до вас обязательные правила общения. Вы обязаны их соблюдать, если хотите быть обслуженными в нашем кафе. За столом сидят не более двух обслуживаемых.

– Прелестно, нас, как вы могли заметить, как раз двое, – пытаюсь смягчить забавную ситуацию, улыбнулся сквозь маску Юрист.

– Не перебивать! Ко мне обращаться только в маске и с расстояния более двух метров. Вести себя тихо и прилично. Песен не кричать. Чтобы не нарушить покой других посетителей.

– Но мы тут одни. Как мило выразился мой спутник: как вы могли заметить. Мы единственные посетители вашего, с позволения сказать, кафе, – не выдержала Мира.

– Всё равно. Могут прийти. Да и мне крики слушать не обязательно.

Встретив явную агрессию, Мира с готовностью приняла бой.

– А почему на столе нет антисептиков? – сделала выпад она.

– Антисептик на барной стойке, а со столов они пропадают, – презрительно отбила официантка и с подозрением (не воры ли) посмотрела нашу сладкую парочку.

– Ну, что заказывать будем? – демонстративно, не глядя на них, процедила сквозь зубы официантка.

– Мне жареную форель с цветной капустой и спаржей. Греческий салат. Хлеба не нужно, томатный и яблочно-виноградный соки, в конце кофе капучино и мороженое, – перечислила Мира, которой галантный Юрий Станиславович предоставил говорить первой.

– Форели нет. Греческого нет. Сок только яблочный. Кофе только чёрный. Мороженого не держим.

– Почему же всё это есть в меню?

– Меню общее, а не на каждый день. Какие продукты завезли, те и готовим.

– Что же у вас есть?
– Читайте меню
– Хорошо. Осётр.
– Нет.
– Белуга? Пикша?
– И в меню нет.
– Минтай в кляре?
– Схожу, спрошу у повара, – официантка развернулась на каблуках и ушла.

Не было её долго. Наконец, она вернулась, – как фашистский офицер, встала в трех метрах.

– Нет.
– Что нет?
– Минтая.
– А что из рыбы есть?
– Сосиски.
– Две.
– У нас только одна.
– Варите.
– Цезарь?
– Нет
– Какие салаты есть?
– Читайте меню.
– В нём остался только оливье.
– Есть.
– Не хочу.
– Как хотите. Так, с вами всё. Теперь, с вами.
– Жареную свинину.
– Нет.
– Говядину.
– Варёная.
– Давайте. Картофельное пюре.
– Нет.
– Что есть?
– Читайте меню.
– Квашеная капуста?
– Нет.
– Капуста тушёная?
– Нет.
– Горох?
– И в меню нет. Спрашивайте то, что есть в меню. Есть макароны.
– Не хочу.
– Как хотите, – она настолько презрительно пожала плечами, что Кстовский устыдился.
– Давайте, – согласился он.
– То да, то нет. Сами не знают, чего хотят, – в сторону прошипела правдорубка.
– Могу не брать.
– Как хотите.
– Тогда беру.
– Не делайте мне одолжений.
– Всё равно беру.
– Записано.
– И чёрный чай.
– Только зелёный.
– Хорошо, зелёный.
– Суммирую: яблочный сок, чёрный кофе, сосиска, отварная говядина с макаронами, зелёный чай, – официантка лихо развернулась на каблуках и нехотя, медленно поплелась за барную стойку, где и скрылась надолго.

Итак, вместо жареной форели с цветной капустой и спаржей, греческого салата, томатного и яблочно-виноградного сока, кофе капучино, мороженого, жареной свинины, картофельного пюре, квашеной капусты и чёрного чая они получали яблочный сок, чёрный кофе, сосиску, отварную говядину с макаронами и зелёный чай.

Не прошло и полчаса, как притадилась официантка и с риском убить метнула им на стол гнутые вилки и ножи.

Прошло ещё полчаса, и фурия со звоном бросила на стол две чайные чашки.

– Жалобную книгу! – возопила Мира.

– Не держим!

– Мы не будем ничего брать. Вы совершенно непрофессиональны, – взвилась Мира.

– И абсолютно не заинтересованы в клиентах, – добавил Кстовский.

– Пожалуйста, – счастливо улыбнулась официантка, ушла и растянулась на кресле за барной стойкой.

Бывшие советские люди трудолюбивы, жаль только врачам мешают работать больные, преподавателям – учащиеся, продавщицам – покупатели, а железнодорожникам – проклятая железная дорога.

СЕКТЫ

Не удивляйся тому, что бесы тайным образом влагают нам часто и добрые помышления, а потом противоречат им другими помыслами.

Иоанн Лествичник

На это дело Юрия Stanisлавовича Кстовского вывела мать девушки, попавшей в весьма опасную и, казалось бы, средневековую историю.

Мать жила в Нижнем Новгороде, а её дочь в поисках самостоятельности уехала учиться в Чебоксары. Бедой Чебоксар стали плодящиеся, как скорпионы, секты, основателями которых были самые неожиданные жулики-сумасшедшие. И попадали в такие тенёта, как мушки-дрозофилы, совершенно нормальные птицы, порою, – даже самого высококого полёта.

Инна, студентка пятого курса медицинского института, субтильная, хрупкая, молчаливая девушка. Она была умна и ранима. Но самое интересное, что увлекалась студентка как раз психологией, неврологией и психиатрией. Обладая блестящей памятью, она прекрасно вызубрила названия и извилин, и черепно-мозговых нервов, и альтернирующие синдромы, выделявшиеся для определения локализации поражения мозга при травмах и внутричерепных кровоизлияниях, в частности при геморрагических и ишемических инсультах. Сейчас, с внедрением компьютерной томографии и ядерно-магнитно-резонансного исследования, значение данных синдромов уменьшилось, но в глубоком понимании работы головного мозга эти знания могут помочь. Жаль, что далеко не только структура нервной системы определяет в человеке любовь и ненависть, благородство и подлость, жадность и щедрость, ум и слабоумие.

Вот и с Инной была та же история. Хорошенькая и изящная, онарядилась в широкие штаны и юбки, бесцветные и бесформенные блузы и толстовки с капюшонами и представляла собой образ типичной жертвы. Видя её вечно испуганные большие глаза, прячущиеся за роскошными ресницами, даже почтенные отцы семейства и забывшие о назначении женщин пенсионеры чувствовали себя неловко. Им казалось, что, не совершая над девушкой насилия прямо тут же, на асфальте, они обманывают ожидание общества и самой, уже подготовившей себя к этому, настроившейся жертвы.

Люди не понимают, что именно узкие, глубокие специалисты, исчерпав все «объективные» логические, вытекающие из фундаментальных знаний объяснения, начинают замечать псевдозакономерности, связанные сначала с суевериями, ритуалами, а потом – с глубокой верой.

Инна в медицине и психологии не нашла ни одного ответа на свои болезненные вопросы. И с любовью ничего не получалось. Её партнёры были или слишком робки, или грубы и торопливы. Все они ничего не могли дать ей в области объяснения правил, по которым устроен этот мир. Поверить же в то, что всё это многообразие случайно и хаотично, Инна не могла.

Колдовской мир совсем рядом. Бывает, ступил шагок, – и ты уже в нём. Взглянул не в ту сторону – и заметил сущность, тебе не предназначенную, страшную, вредную, мстительную и несущую смерть. Другое дело, что мозг тут же стирает всё, что не соответствует этой нашей серой действительности. Столкнулся лицом к лицу, ударился лбом, сломал пальцы, а через секунду раскалённый нож привычной реальности отрезал эти воспоминания и выбросил их в мусор подсознания. Однако там обожжённые и изрезанные воспоминания корчатся, накапливаются, срастаются в немыслимые химеры. Змеем Горынычем эти чудовища со свиной, вороней и крокодильей головой вылезут на свет в самое неподходящее время, оторвут кусище реальной плоти и скроются вновь.

Блуждая по улицам в состоянии вечной депрессии, Инна внезапно встретила необычно одетого, но столь агрессивно позитивного человека, что вся её жизнь покатила, казалось, по новому жёлобу.

Незнакомец подошёл к ней в кафе, с высокими столиками без стульев. Кто-то тут выпивал, кто-то перекусывал на бегу. Инна пила свой вечный кофе.

– Не подействует, – с улыбкой глубоких чёрных глаз прошептал незнакомец.

– Почему? – спросила Инна, одним этим вопросом подтверждая и его правоту, и согласие на вторжение в её жизненное пространство, и надежду несчастного человека на исцеление. Почему-то ей сразу захотелось называть его Учителем.

– Душу больную стегать нельзя. Ей можно только предложить, но что-нибудь такое большое, что и сомнения, и обиду, и боль затмит.

– Где же это взять?

– Везде! Только не видит никто. Щенок слепой в мамку тычется, а ты – в своё горе. Он-то поумнее будет. А как глазки откроются, он и весь мир узнает и полюбит.

– Кто же глазки-то откроет.

– Ты сама.

– Не получается.

– Ты Блаватскую читала?

– Пыталась.

– Всё верно говорит пророчица, но, муторно. Пока сама не попробуешь, – не узнаешь. А «Розу мира»?

– Читала.

– Вредное сочинение. А Веды?

– Аюрведу?

– Ну, хотя бы.

– Не всё.

– Тебе бы что-то поясней и покороче?

– Да!

– Ну, приходи к нам в храм. А там, может, и до Ашрама дотянешься. И Учитель дал адрес.

Так Инна попала в секту Ашрама Тумбалы.

В храме, отдельно стоящем небольшом домике, с одной просторной и несколькими крошечными комнатками, примыкающими к кухне, люди

много смеялись, кушали простую вегетарианскую пищу с пряностями, пели и танцевали. Народ подбирался несчастливый, но интеллигентный. Вместе всем было весело, истины, которые провозглашались, отличались простотой, справедливостью и лёгкостью. И главное, что за всем этим маячила надежда на чудо, которое совершится во время будущей святой жизни в Ашраме.

Долго просилась Инна в Ашрам.

– Не готова ты еще, – всё более сухо, по мере нарастания её желаний, отвечал Учитель.

Но вот, наконец-то, прием состоялся: одурманенную напитком и глубокой медитацией, из общего храма её отнесли в Ашрам.

Ашрам представлял собой самую обыкновенную двухкомнатную квартиру, к тому же суженную звукоизоляцией.

Как только она пришла в себя, её совершенно голую начали бить. Немотивированно больно ладонями по щекам, ремнём по плечам, пак-янице и ягодицам. Потом охранник грубо изнасиловал её. Это было так неожиданно, стыдно и мерзко! Ей и раньше приходилось терпеть насилие, но тут оно не кончалось, вслед за главным охранником её маленькое, худенькое, нежное тело досталось двум другим. Дальше, смазанную скользкой мазью, въедавшейся и в то же время, заставляя сладко зудеть раны и влагалище, под монотонное непонятное пение, её насиловали, сливаясь в невероятные сплетения, казалось все жители Ашрама. Это длилось, пока она не потеряла сознание, но и после этого Инна сквозь безмолвие вечности слышала пение и ощущала толчки.

Мир изменился совершенно. Тело оказалось лишённым границ. Она чувствовала содрогания тел своих мучителей, но воспринимала их как свои собственные. Звуки обрели полноту, но ощущались на кончике языка. Жар и холод зависели только от неё и не были связаны с окружающим миром, а она сама была и тут в комнате и наблюдала за собой сверху, с земного неба, и гнездилась далеко (но это было её сердце), в центре галактики, как глаз, наблюдавшей за всем миром. Все желания, страхи, тоска, муки, усталость предыдущего существования были сметены. Потрясённый падением абсолютно всех ценностей разум сделал передышку и отключился.

Когда разум вернулся, главным стали кусок твёрдой каши, ухваченной в борцовском поединке с соашрамниками, и молитва-медитация-экстаз, в который они впадали пять раз в день. Спать почти не давали, а поделки из бисера, приготовление пищи на все ашрамы и храмы механически сжерали промежутки бодрствования.

В большой комнате и в коридоре у входа постоянно находились трое охранников. Один из них день и ночь караулил входную дверь и незакрывающийся туалет-душ. Охранники в любой момент за провинность или просто так могли наказать, избить и изнасиловать любого рядового члена секты, всё равно мужчину или женщину.

А рядовых членов секты набивалось в маленькую комнату 12-13 человек.

В таком первобытном пещерном существовании прижатых друг к другу голых и полуголых тел, в духоте до головокружения, в запахах пота, нечистот, сандала, розы, ароматизированных тлеющих палочек всё сливалось в блаженное нечеловеческое существование. Но эта крайняя несвобода тела рождала свободу духа. И сравнимо это всё было только с парусом, сорванным ветром с тяжёлого полузатопленного корабля и взлетевшим высоко в грозовые небеса. Так высоко, что вместо бури видны покой и звёзды.

Только после того, как Инна прижилась в Ашраме, её, отбитую и приготовленную соответствующим образом, допустили до Учителя. Он был немногословен, добр, ласков, хотя и силен и жёсток, когда это было нужно. Каждое его слово весило, как весь храм Таж-Махал. Слово лечило, направляло, дарило откровение, влекло.

Скажет он: «Нужно стараться!»,
И сразу понятно, что делать.
Скажет: «Ты на пути!»,
И, значит, правильно развивается душа.

Демоны, раз овладевши душою, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и гибели. Сняв с нее все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой снотости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела... Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так несострадателен и безжалостен, что не захочет души, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и насилия, но оставит ее страдания без внимания?

Иоанн Златоуст

В Ашраме учили жить, радуясь простым вещам. Все время говоря, что надо быть духовными. И действительно, более простых вещей, чем просто выжить, видимо не существует.

В шесть часов утра началась этот памятный, ничем не отличающийся от других, день в Тумбаловском Ашраме.

В шесть часов утра ровно заорала музыка и началась «разминка». Приседания, качание пресса, отжимания в упоре лёжа. Затем «динамическая медитация» – изматывающие танцы. Музыка была индийская. Репертуаром создатели сверхлюдей не заморачивались. Примерно одна и та же билиберда стонала и ритмично бумкала каждый день. Все знали, разминка повторится ещё и ещё много раз за день. Изматывающее напряжение мышц оставляло голову совершенно свободной. Думать было не о чем, да и незачем. Спортивные результаты претерпевали у всех примерно одинаковые изменения. Новичок некоторое время просто подыхал от нестерпимой боли в мышцах, не мог спать и стонал по ночам, за что получал тычки от соседей и охранников. Проходило время, на мерзкой кормёжке вес снижался, связки и мышцы неминуемо укреплялись, и человек начинал ставить личные рекорды. Он даже проникался уважением к собственным успехам. Но потом, авитаминоз, нехватка пищи и кислорода делали своё дело, и человек становился дистрофиком.

Вот и сегодня немолодая садхачка по кличке Шавка от изнеможения упала во время отжиманий, разбила себе губы и выбила зубы. Она лежала в собственной крови, в собственных зубах, еле державшихся до этого из-за цинги. Авитаминоз преследовал всех.

Вошёл охранник. Увидел женщину почти без сознания.

– Ты что здесь, тварь насвинячила? А ну-ка, убирайте за ней! И разминку повторить! Два раза!

Руки и ноги подгибались у всех, болело всё тело, как будто по нему прокатился трактор.

После тройной нагрузки жители ашрама не держались на ногах.

– И не стыдно тебе, Шавка, что садхаки за тебя мучения принимают? Тварь ты такая! Лежишь тут, как куча помёта! А что, Общество, нака-зывать её Трезором?

Трезором звали чёрного кобеля – немецкую овчарку, злого сторожа, которого охранники приучили совокупляться с привязанными к спе-циальной скамейке женщинами.

И несмотря на то, что над ними самими только что издевались, жите-ли Ашрама в восторге подняли руки и закричали.

– Трезор! Трезор! Трезор! Трезор! Трезор!

Как жители древнего Рима, с восторгом они наблюдали процесс при-вязывания почти бездыханной жертвы, появление огромной собаки.

Трезор вошёл по-хозяйски, строго посмотрел на садхаков. Он пере-считывал их, как его предки пересчитывали подопечных им овец, по-лагая своим долгом следить, чтобы ни одна паршивая овца не отбилась от стада. Так идеально подошли немецкие овчарки для службы в кон-цлагерях.

Кобель тщательно обнюхал свою жертву, облизал её и, с видимым удо-вольствием, приступил к коитусу. Несмотря на истощение, жертва кри-чала громко. Трезор разорвал ей когтями всю спину.

Шавка проживёт ещё несколько дней, весь Ашрам будет издеваться над ней. Её будут носить и трепать, как куклу. Через несколько дней она тихо помрёт. Позже её выкинут из Ашрама и закопают где-то в лесу. И никто никогда не узнает, кто и зачем издевался над истощённой бом-жихой.

А примечательный день всё длился.

Охранники веселились во всю.

Выбирать кого-то и издеваться над ним, провоцируя на это весь Аш-рам, было их обязанностью.

– Всем трахаться, а мы посмотрим! И её суку не забудьте! Берите к себе на поруки, на поноги, на похрен! – охранник хохотнул.

– После собаки? – робко спросил молоденький садхак Бутер.

– Приобщайся к природе, животное, – криво ухмыльнулся охранник.

После кровавого представления, несмотря на смертельную усталость, все почувствовали прилив сил. Это был уплотнённый кокон чёрной энер-гии, проникший в каждую душу, в каждое тело. Так действуют, раз-рушающие наркотики! Чужое страдание и вина за него (ведь каждый кричал «Распни!») объединили, сплотили, подожгли, напоили зловонным ядом, пьянящим сознание, как мерзкий самогон, взвинтили весь Аш-рам. Жажда похотливого движения подмяла под себя всех.

Инна в этот раз досталась Раджу, небольшого роста хрупкому парню. В тесноте и вони Ашрама все, естественно, знали всех, но этот робкий, нет, не юноша, а уже давно мужчина, казалось, избегал её. Он всё вре-мя был в глубине себя, его глаза редко с кем встречались, и относились к нему с опаской. Подозревали, не садист ли. Периодически он куда-то исчезал, потом возвращался откормленный, гладкий. Нет, он никогда не был толст, скорее худ, но кормили его в отлучках явно лучше других. Наверное, объедками, оставшимися от Учителя! Все мечтали о таком и говорили об этом благоговейно. И сегодня Радж обнял Инну.

Когда она досталась ему, они вдруг оказались наедине. Измученные люди стали любовниками. Вокруг все сжимали до боли, кусали и про-сто драли друг друга. Они же оказались в непроницаемом коконе. Его прикосновения были нежными, как пух юного лебедя. Он, казалось, не любил, а боготворил свою избранницу, молился ей, проникая в неё, как в главную тайну вселенной. Мучительные в своей бесконечной непрестан-ности соприкосновения самых глубинных частиц тела и души закончи-лись взрывом сверхновой звезды, в котором погиб весь окружающий мир.

Очнувшись, Инна заметила злые, завистливые и жадные глаза охран-ников.

Весь Ашрам погрузился в работу, изготавливали бусы из бисера. После прикосновения Учителя они становились чудодейственными и лечебными и продавались очень дорого.

Некоторые набирали на компьютере книги и изречения Учителя и делали из них брошюры. Некоторые рисовали священные картинки из жизни Учителя.

После всех издевательств, которые назывались преодолением себя для возвышения души, Инну призвали к высшим чинам и дали задание с выходом из Ашрама.

– Разведёшь одну мышь. Ты ж медичка. Ей надо грамотно напелсти, что заболевание у неё смертельное. А то колеблется. Квартиру не хочет на Учителя переписывать и в Ашрам на высылки идти. Ей, конечно, садхачкой стать не светит. Жадная уж очень. Но послужить ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ – должна.

Садхак – это звучало гордо.

На жаргоне организации «Ашрамом на высылках» назывался тот свет, а людей, не являющихся садхаками, называли «мышь». Развести таких лохов было высокой честью.

Инну переодели, причесали, сделали макияж и маникюр. Всё по высшему разряду, ведь она должна была изображать известную врачуху, светило в своей области. Её привезли в обширную, несколько обтрёпанную квартиру. Неопрятная, некрасивая, недобрая женщина смотрела на неё критически.

Но такова уж была сила Ашрама, что он действовал через Инну. Инна стала надменной, она, пользуясь результатами анализов и исследований самой владелицы квартиры, аргументировано и жёстко, как дважды два, доказала наличие у хозяйки неизлечимого страшного заболевания (не зря училась на «отлично»). И объявила, что спасти хозяйку квартиры может только Учитель! И, – женщина сломалась, её начал бить истерический припадок ужаса. Она подписала документы на дарение квартиры, и её тут же увезли в один из ашрамов.

Олег, получивший имя Радж, был, что называется «в миру», компьютерщиком и игроманом. Все деньги, что он получал за сложную, утомительную работу, тратил на компьютерные игры, в которых прилично поднаторел. С девушками были проблемы. Влюблялся он легко, страдал часто и, чтобы прекратить эту порочную практику, перестал выходить из дома.

Работа на удалёнке для компьютерщиков – дело обыкновенное. Даже до эпохи ковида. Если работать в офисе, нужна машина, причём, строго определённого уровня. Её берут в рассрочку. Пока выплачивают, машина уже выходит из оптимального возраста. Для работы нужна одежда, причём, строго определённого уровня. А на удалёнке видеосвязь показывает одну стену и работника по пояс. Значение приобретает только продукция.

Олег погрузился в виртуальный мир игр и, как человек талантливый, увидел невозможность обуздания случая. В этой невозможности он и заметил замысел Бога.

Попал в Ашрам он быстро. Так, поскользнувшийся на дороге и разбивший себе голову, очушивается в палате травматологического отделения.

Его унижали в меру. Использовали как компьютерщика на полную катушку. Это был путь к Богу. И главное, тут было сколько угодно женского тела, которого он был лишён такое огромное количество тысячелетий, женщин разных, покорных, бессловесных. Так было до того, как он увидел Инну. Любовь – не только высшее проявление человеческих чувств и всего существования, это и высшее проявление трагедии.

Поздно вечером, невиданное дело, в Ашрам зашёл сам Учитель. Он благосклонно смотрел на мерзких заблудших учеников.

– Один я могу простить всю подлость вашей души. Цените это. Никто не поймет каждого из вас больше меня. Никто не уберёжет вас, глупых и

жадных, подлых и несчастливых, так, как я. Вам повезло попасть в самое охраняемое место во вселенной. Вас охраняют лучшие бойцы. Никто из внешнего мира не может совершить над вами насилие. Хотя вы же сами понимаете, насколько вы достойны наказания и возмездия за ваши душевные и телесные прегрешения. Вы были одни во всей этой глухой, беспощадной вселенной. Вам посчастливилось спрятаться от возмездия и от простой случайности. Тут вас охраняет пёс Трезор, который является одним из моих низших воплощений. И главное, всей своей силой, всей своей мощью, которая равна и превышает мощь этой вселенной, вас охраняю Я. Мой эгрегор царит над вами. Вы мои подданные и моё вдохновение. Вы моя часть, и значит, непобедимы и защищены. Только я прошу вам то, что не простит никакая церковь. В ментальном, духовном, энергетическом и идеальном планах – вы моя программа, вы защищены мной.

Уходя, Учитель как-то по-особому посмотрел на Инну. Она вздрогнула.

Через некоторое время пришли за Олегом. Вернулся он довольно скоро радостный и, казалось, неплохо закусивший. С ним общался сам Учитель, и после выполнения несложного задания по наладке очередной программы по обзваниванию лохов-мышей Олега накормили объедками от пищи Учителя.

Начались дни, когда Олег явно оказывал больше внимания Инне, чем другим садхачкам. С молчаливого согласия охранников Инна доставалась теперь только ему. К нему хорошо относились начальники. Она не чувствовала к нему любви, но он ей нравился, и жизнь её стала не столь мучительной.

Однажды он пришёл уже к утру и на пару часов забылся тяжёлым сном. Проснулся Радж обгадившимся и замаравшим собой часть комнаты.

Справедливому гневу охранников не было предела. Всех заставили убирать за ним, совершать разминку каждые два часа. Самого Раджа тщательно избили, причём били по половым органам и, поставив на колени, приказали просить прощения у всего Ашрама.

– Простите меня! – вибрирующим шёпотом разбитых губ стонал Радж.
– Макнём его? – грозно спросили охранники.
– Макнём! Макнём! Макнём! Макнём! – завопил Ашрам. Ашрам был единым существом, он диктовал свою волю. Кричали все вместе, и Инна кричала со всеми.

Раджа топили при всех в туалете, обмазывали всем, чем можно. Так начались его чёрные дни. Он стал презираемым, преследуемым ничем, ответственным за всё. Вызывать его на работу компьютерщиком не перестали, но говорили, что он тупой и плохо старается. Больше его не подкармливали. Каши ему доставалось всё меньше, и он очень похудел и запаршивел.

Как-то утром всех собрали и объявили.

– Радж, больше не Радж! Звать его отныне Гнойный! Все запомнили?
– Гнойный! – повторил Ашрам.

Однажды, как всегда в шесть часов утра, заиграла музыка и при включившимся свете все увидели, что прямо под головой у Инны лежит кусок твёрдой, как глина каши, украденный с кухни. Это было страшное преступление. Позвали охранников. Они злобно посмотрели на Инну. Но взяли почему-то Гнойного. Дверь плотно закрыли.

Сначала его долго и молча били ногами в живот и в голову.

– Ты налаживал последнюю программу по платёжкам?

– Я.

– Она не работает ни хрена. Ты большую свинью подложил Учителю!

– Не может быть!

– Когда все войдут, скажешь что это ты! Понял, урод? Повтори!

– Да! Это я! – прохрипел Гнойный.

– Да! Это я подложил! Нужно так говорить!

– Да! Это я подложил!

Весь Ашрам позвали в комнату охраны.

– Да! Это я подложил! – признался Гнойный, и ему тут же заклеили рот пластырем.

Ещё несколько ударов в нос, брызги крови, и его увели.

– Все поняли, какой он предатель и мразь? – спросил охранник.

– Мы поняли, – сказал Ашрам.

Вечером Инну вызвал учитель.

– Ты любила его! И ты предпочла мне это ничтожество, этого труса и ублюдка? Как ты могла?

– Нет! Учитель! – уже визжала в крысином страхе Инна. – Я не могла этого сделать, он для меня ничего не значит. Так же как другие в Ашраме!

– Ты видишь, в нём нет ни капли достоинства. Он весь в дерьме. И не сопротивляется. Он предал тебя и тащит в это же дерьмо.

Гнойного перевели в другой Ашрам. Вернули ему имя Радж. Он не кончил самоубийством. Но всю оставшуюся жизнь он знал, что он трус, дурак, и ничтожество.

Потом, когда Юрист долгими вечерами разговаривал с Инной, она всё время повторяла:

– Я сама! Я сама гадина! Я предала его! Мне нет прощенья! Я мать предала, все деньги семьи Учителю отдала. Я в Ашрам затащила уйму народа! Насильно! Запугала! Мне нет прощенья! Меня никто не простит!

Она жила в Ашраме долго. Потом сбежала домой. Потом опять её потянуло к Учителю. Она возвращалась несколько раз.

Особенно нравилось Инне дышать через чакры. Ученик представлял, что воздух как энергия входят у него через ту или иную из чакр. Энергия вливалась в голодное тело легко, как проливной дождь в жару.

Юрист объяснял ей простые истины. Одновременно он слушал её исповедь.

Учитель был на самом деле безобразен до гадливости. Маленький, козопузый, злобный до озверения. Он страдал всеми комплексами, которые только есть у человечества, и компенсировал их властью над преданными ему людьми. Он выбирал самого несчастного, глупого, некрасивого, трусливого своего ученика и начинал извращённо, с выдумкой, над ним издеваться. По принципу «бей своих, чтобы чужие боялись». Его топили в дерьме, заставляли работать без сна, причём работу делать самую ненужную и глупую. Это вызывало сплочение стаи. Во-первых, по законам полутюремного, полускотского существования, травля слабых для индивидуальности – это возможность выделиться и показать свою силу и верность вождю, для всех вместе – поганое развлечение, «драматургия», «бои гладиаторов», после которого, помимо прочего, подспудно растёт ощущение вины и собственной неполноценности. Кроме того, увеличивается взаимозависимость и страх оказаться на месте преследуемого. А для паука-Учителя – пища его это, отрицательные энергии, которые он слизывает, как крем с пирожного, чтобы потом такое облизанное пирожное бросить как награду ближайшим сподвижникам.

Вывод из таких издевательств был один: без Учителя ваша жизнь не стоит и дохлая, сухой мухи. Только подчиняясь Учителю, можно достичь просветления и, наконец, истинного счастья. Эта нехитрая формула для идиотов повторялась и в «нетленных» бездарных, безвкусных, дебильных, грубых, отвратительных и бесконечных, как поток в канализации, сочинениях Учителя.

Теоретической основы, кроме многозначительного мычания, не было никакой. Салат из шаманизма, астрологии, медитации по чакрам, телесно-ориентированные практики, обряды посвящения. Главное утверждение: «материальные ценности — это ничто, надо учиться жить, радоваться простым вещам, надо быть духовными».

То есть нужно отдать деньги и квартиру Учителю и жить его рабом, спокойно и счастливо, потому что для него-то твои деньги – ценность реальная, а ты, «мешок с костями», расходный материал.

Вот такой урод-гуру и плодил вокруг себя придурков-пригурков, трусливо прячась за них от мира.

Клубилось, клубилось над Ашрамом марево энергетического, сконцентрированного горя и мерзости. На тронах сидели сущности и нехотя, лениясь, переставляли фигурки людских душ. То один упырь из зелёного, с гнильцой, эмоционально-ментального газа завладевал фигуркой, то другой, – в сложной, одним им понятной игре выигрывал сухую костяную фигуру души. Каждый увидел бы эти сущности по-своему, но составляли они компанию из жадности, неряшливости, садизма, мазохизма, трусости и многого другого, что так хорошо известно.

Нет, это не был тот сгусток, что навис над Россией в 1917 году, тот был в миллион раз страшнее, но этот тоже был мерзок.

После объяснения Юрия Станиславовича Инна долго не могла ничего понять, но пояснения повторялись вновь и вновь. Кстовский, в конце концов, был врачом и немного занимался гипнозом. Наконец, искры понимания заблестели у неё в глазах.

– Я поняла, – взволнованно сказала она. – Он был ничтожеством и использовал всех нас. А вы, вы такой просветлённый!

– Учитель?! – полуспросила-полуответила себе на вопрос Инна, с любовью глядя на Юрия Станиславовича.

– И не думай! – подскочил Кстовский, как ошпаренный. Он понял, что теперь Инна пойдёт за ним на край света.

После снятия показаний с Инны и некоторых других жителей Ашрама Тумбалы, Кстовский ознакомил со всеми подробностями просветительской деятельности этой секты тех высокопоставленных чиновников, у которых в подобные Ашрамы попали родственники. Дело в том, что привлекать к своей деятельности детей богатых родителей Учителю было выгодно. Рос блат в высших сферах, росло проникновение во власть. Некоторых деток Ашрамы даже якобы лечили от наркомании. Сами детки, запуганные и задуренные, описывали жизнь в Ашраме как Рай. Но близость к власти при прохождении определённой критической массы завербованных, а также после разъяснений Кстовского, сыграла с Учителем злую шутку. Ашрамы прикрыли, а его посадили.

Кстовский порыл ещё и от одного припёртого к стенке охранника узнал и место погребения Шавки, и адрес тайника с видеозаписями издевательств над садхаками.

К сожалению, самому Учителю ничего предъявить было невозможно. Он якобы ничего не знал. Подчинённые перестарались, извратили учение. Только причастность к торговле квартирами удерживала его ещё в заключении, а несколько тысяч шизофреников, влюблённых в Ашрамы, уже требовали в интернете его освобождения.

И тут Кстовский вспомнил об одном своём знакомом.

БААЛАБОЛ

Есть между злыми духами бес, называемый предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас и оскверняет первые наши мысли.

Иоанн Лествичник

Юрий Станиславович не был человеком фанатично верующим, но некоторые жизненные наблюдения, о которых он не спешил распространяться, натолкнули его на мысль, что человеческий разум в мире не одинок.

Так, его «приятелем», парадоксально, вне всякой математической и логической зависимости, стал «однорогой шалопай». Чёрт как чёрт. Ну,

старый. Ну, рог в какой-то драке бесовской потерял, мало ли у них там местных разборок. Живут не культурно, как на зоне, грызутся чуть что. Улыбчивый. Правда, с двойным и тройным дном, – ну, так чёрт же.

Позже Баалобол расскажет Юристу, что рог ему обломали в том самом первом споре, когда произошло разделение на ангелов и демонов. До этого в обличии фавна Баалобол прекрасно блудил на земле со всеми движущимися объектами. Он натягивал между рогов струны, и это была прекраснейшая лира. А тут пришлось выбирать. Тащивший его в одну сторону ангел сделал резкое движение, рог сломался и остался у него в руках, а Баалобол вместе с другим рогом достался демонам. Говорят, ангел до сих пор носит рог Баалобола на поясе и иногда в него трубит.

Прекрасный собеседник Баалобол длинными зимними вечерами, под вой вьюги являлся Юрию Станиславовичу в извивах пламени камина, особенно если смотреть на огонь сквозь хрустальную рюмочку хорошего коньяка. Согласитесь, приятно иметь в компаньонах бодрого старичка, общавшегося с великими.

– За свою долгую карьеру, – вещал чёрт, – я имел приятнейшее общение с Рабле и Вольтером. Помните, эти прекрасные места в «Орлеанской деве», так это мои мысли и практически строки. С Александром Сергеевичем были просто премилые отношения, он меня и рисовал не единожды. Я уж не говорю в самом «Евгении Онегине» есть местечки, мною навеянные. А уж с Серёженькой Есениным как мы кутили! В милицию сколько раз попадали. Правда, я отделялся элементарным исчезновением прямо из камеры.

А имена у бесёнка были разные: Ваалогур, Ваалобол, Вааломут, Ваалбес, Вислоухий, Однорожец, Хромец. Некоторые происходили от бога Ваала – неприятного аналога Сатаны. Некоторые – от вызывающей внешности. Баалобол был по преимуществу худ, невелик, хром, носил эспаньолку и усы, имел высокий лоб, иногда нос крючком, иногда уточкой.

Являлся он по-разному: то на фронтоне готического здания, то в виде горгульи, иногда Юрист ловил его облик боковым зрением в виде блика. Баалобол нависал над ним в виде тени, а иногда явно, – живее всех живых чёрт стоял на широкой, заполненной народом площади и протягивал к людям жадную руку.

Похожими на него были и Троцкий, и Ленин, и Дзержинский. Та же всё понимающая лукавая полуулыбка, ленинский прищур.

Но всегда, где бы ни появлялся Баалобол, начинались неурядицы, невезение, парадоксальные случайности, вероятность возникновения которых была ничтожно мала, но, тем не менее, они перечёркивали любые конструктивные усилия. Это превратилось в примету, и примета ни разу Кстовского не подводила.

Стоило делу, которое вёл Юрий Станиславович, приобрести ясность и стройность, в облаке на небе, в тени на стене, в иероглифе чёрных осенних веток возникал профиль Балабола, – и всё летело к чёрту.

Длительные беседы являлись Юрию Станиславовичу во снах и в виде внезапных, вроде бы не имеющих к контексту никакого отношения, мыслях. Ёрнические высказывания, презабавные подозрения, анекдотичные предположения – всё это было работой Баалобола. И всё било в «яблочко».

При взгляде на хорошенькую невинную девицу из подсознания выпрыгивал вопрос: «А как она провела ночь?». И отношение к действительности резко менялось на стёб. При взгляде на святошу-чиновника Баалобол на ушко шептал: «Взяточник!». За человеком в больших погонах Балагуром закреплялась кличка: «Трусорык!». И безумные команды одного выполнять не хотелось.

Юрий Станиславович прослеживал творчество Баалобола во многих произведениях искусства. Авторы, вроде Пелевина и Толстого прямо специализировались на такой белиберде. А распоряжения, циркуляры,

кодексы и, наконец, законы написаны точно в чёртовой канцелярии. Настолько античеловечные, антинравственные, абсурдные формулировки человек придумать не может, это, мягко выражаясь, подсказка! Чего стоит фраза: «В соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях, нарушение правил пользования объектами животного мира и правил охоты влечёт для граждан наложение административного штрафа с конфискацией орудий охоты или без таковой или лишение права осуществлять охоту на срок до двух лет». Нарушение правил пользования объектами животного мира – вот кодекс живодёрни. Фантастический цинизм! Охотник подходит к утке и спрашивает: «Разрешите вами попользоваться?».

Позже Юрист с интересом перечитал произведения любимых авторов и обнаружил следы Баалобола во множестве классических произведений. Так, никто никогда не замечал, что Евгений Онегин далеко не романтическая история, а своеобразная антология цинизма того времени. Чего стоят ставшие примером энциклопедические строки А.С. Пушкина:

*Служил отлично благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.*

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.*

Вот вам восхищение поверхностностью, невнимательностью, позёрством.

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!*

Вот восхваление фарса, лицемерия, обмана, в конце концов. Всё пропитано лёгкостью, небрежностью. С первого взгляда они кажутся аристократичностью, но приглядитесь, разве есть аристократичность в предательстве и непостоянстве?

*Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис.*

Праздность возведена в ранг добродетели и ума. Презрение объявлено мудростью. Самолюбование стало признаком умиротворения. И вот вам апофеоз оправдания презрения:

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней
Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.*

Тут презрение высказано провинциальным отшельникам и предкам.
И соседи отплатили ему тем же.

*Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги, –
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.*

Но ёрничество продолжается, теперь оно направлено на всю провинцию и её неглубоких, невежественных, лживых пророков:

*Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Все да да нет; не скажет да-с
Иль нет-с». Таков был общий глас.*

А вот кто восхищает провинциальных жителей столь недостойных недалёких, лицемерных:

*Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!*

Просто невозможно жить в провинции, не презирая её, не издеваясь над ней. Постойте, но только что автор бичевал столичное времяпровождение и столичных же фанфаронов. А вот оно и обобщение:

*Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы*

*Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал, –
Но (правил нет без исключений).*

Высокий художник и поэт издевается даже над тем, чем живописует окружающий мир, над самим языком:

*Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.*

Отношение к женщине – особая статья в таком сбалансированном мировоззрении. И это достижение не одного Александра Сергеевича:

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.*

Однако и над этим следует издѣвка:

*Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.*

Вот злая характеристика самой любовной атаки, искусства обольщения. Приговор ухаживаньям и всем тем любовным танцам, которые предшествуют самой любви или любовным утехам:

*Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Все те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!*

*Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей
И дружба тяжкая мужей!*

Пресытившийся бездельник, равнодушный ленивец провозглашается мудрецом:

*В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На вист вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.*

Вот отповедь дружбе – самому святому для истинного мужчины. Тут друг почитается за врага, да ещё самого ядовитого, страшного, всемогущего:

*Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.*

*** * ***

*А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только в скобках замечая,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил стократ ошибкой;*

*А впрочем, он за вас горой:
Он вас так любит... как родной!*

А вот издевательство над родными, теми, кто окружает нас, единственной нашей поддержкой, теми, кто на нашей стороне. А кто же ещё? Родные описаны, как надоедливые мухи:

*Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно родные.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай бог им долги дни!*

Любимые, любовницы, возлюбленные так же присоединяются к презренным врагам и предателям. Им тоже отказано в верности и преданности, от них проистекает потенциальная угроза:

*Зато любовь красавиц нежных
Надежней дружбы и родства:
Над нею и средь бурь мятежных
Вы сохраняете права.
Конечно так. Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мненья светского поток...
А милый пол, как пух, легок.
К тому ж и мнения супруга
Для добродетельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Так ваша верная подруга
Бывает вмиг увлечена:
Любовью шутит сатана.*

И наконец «весёлый мудрец» находит предмет любви и поклонения, которому не жаль и не грех служить и прислуживать:

*Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.*

Но куда же девать свои вирши, плоды своих трудов, озарений, строки, не сгоревшие в пламени бессонных феерических ночей, пропитанных общением с высшим существом, подсказанных этим существом? Кому предложить эти вершины вдохновения? И на это найден неубедительный, но юмористичный ответ:

*Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь
Qu'écritez-vous sur ces tablettes,
И подпись: t. a v. Annette;
А на последнем прочитаешь:
«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня.*

*** * ***

*Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор
И что потом с улыбкой злою
Не станут важно разбирать,
Остро иль нет я мог соврать.*

*** * ***

*Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.*

«Евгения Онегина» читал каждый. К прочим я не обращаюсь за бесполезностью. На мой взгляд, за их бесполезностью для остальных людей. Кто из вас в произведении, пропитанном светом и великой красотой, выделил именно эти строки, – параллельную поэму (мы назовём

её «Чёрной поэмой»), видимую на картинках перевёртышах, как тень. Есть такие картинки, на них одни видят белую красавицу, а другие чёрную ведьму. Может быть, она, эта скрытая поэма, и была призвана своею чернотою оттенить то прекрасное, что содержит произведение целиком? Как в искусстве импрессионистов одни цвета оттеняют другие.

Какая же личность отразила себя в «Чёрной поэме»? Суммируем её черты и черты характера, которыми она восхищается.

Итак, наш неведомый герой (или антигерой), создатель «Чёрной поэмы», тот, кто надиктовал её Пушкину вдохновенными ночами, отличается следующими чертами (чёрт, и тут черты): он поверхностный, невнимательный поэт, восхваляющий фарс, лицемерие и обман, возводящий праздность в ранг добродетели и ума. Презрение объявлено им мудростью. Самолюбование стало для него признаком умиротворения. Он высказывает презрение провинциальным отшельникам и вообще предкам.

Ёрничество его направлено на всю провинцию и её неглубоких, невежественных, лживых пророков: «Мы почитаем всех нулями, а единицами – себя». Он издевается даже над тем, чем живописует окружающий мир, над самим языком:

Отношение к женщине, – особая статья в его сбалансированном мировоззрении. Женщина глупа, коварна (что является противоречием предыдущему) и не верна.

Он даёт злую характеристику самой любовной атаке. Пресытившийся бездельник, равнодушный ленивец признаётся им мудрецом, друг почитается за врага, да ещё самого ядовитого, страшного, всемогущего, он издевается над родными. Любимые, любовницы, возлюбленные так же присоединяются им к презренным врагам и предателям. Он провозглашает: **«Любовью шутит сатана!»** Он любит самого себя, наконец «весёлый мудрец» находит предмет любви и поклонения, которому не жаль и не грех служить и прислуживать! Но куда же девать свои вирши, плоды своих трудов, озарений, строки, не сторовшие в пламени бессонных феерических ночей, пропитанных общением с высшим существом, подсказанных этим существом? Если все вокруг ничтожества, то в чём смысл творчества? Тут ответ его юмористичен, но слаб.

По-моему, это портрет весьма сбалансированной, цельной личности. Этот персонаж не скрывает своего лица, он весь как на ладони. Мы прекрасно знаем, чьи это ценности. Это бес Ваал. Он же Балбес, он же Балабол, он же Баламут, он же Балагур!

Я не зря так много времени уделил самому классическому произведению самого классического поэта. Если вы не поверите ему, то кому же вы поверите? Ведь даже первые строки выдают полностью участие в них Бааламута.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука

С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Да и рисовал Пушкин чёрта не раз. Пушкин любил изображать чертей и ведьм («Адские рисунки»). С.В. Денисенко замечает по этому поводу: «В разные годы в рукописях Пушкина появляются изображения чертей и ведьм – сюжетов, традиционных для того времени. Характерным примером французской карикатуры конца XVIII-начала XIX века может служить собрание гравюр ле Пуатевена «Les diableries erotiques», всевозможные весьма популярные... В них адские силы выходят из ада, чтобы насадить в человеческом роде похоть, разврат и сладострастие... В безудержных плясках и полетах они совокупаются с женщинами, а над всем этим главенствует сатана... «Адские рисунки» Пушкина, конечно, более целомудренны, однако и они производили и производят сильное впечатление» (ДЕН, с. 214).

Отрывки из «Орлеанской девы» Вольтера так же продиктованы Балагуром:

*В шестнадцать лет при лошадях таверны
 Ей отыскали заработок верный,
 И в краткий срок о молодой красе
 В округе Вокулера знали все.
 Решительна осанка, но пристойна;
 Огромные глаза пылают знойно;
 Зубов блестящих ровно тридцать два;
 Гордится ими вправо ротик алый,
 На строгий вкус не маленький, пожалуй,
 Но выписанный кистью божества,
 Волнующий и яркий, как кораллы.
 Грудь смуглая, но тверже, чем скала,
 Попу, бойцу и книжнику мила.*

*Жива, ловка, сильна; в одежде чистой,
Рукою полною и мускулистой
Мешки таскает, в чаши льет вино
Сеньору и крестьянину равно
И мимоходом оплеухи сыплет,
Когда повес нескромная рука
Ее за грудь или за бедра щиплет.
Смеется, трудится до огонька,
Коней впрягает, водит к водопою
Иль, их сжимая стройною ногою,
Летит резвее римского стрелка.*

*Закрыв глаза, скривив зевотой рот,
Он к ложу девы оцупью бредет
И, грудь ей посыпая маком черным,
Томит ее дыханием снотворным.
Так, уверяли нас, монах Жирар,
Младую исповедуя девицу,
Сумел вдохнуть в нее любовный жар
И похотью воспламенил юницу.
Меж тем, желанья грешного полны,
Монах и конюх, слуги Сатаны,
Стащили с девственницы одеяло;
Уж кости, по ее скользя груди,
Должны решить, чье место впереди,
Кому из них принадлежит начало.
Монах взял верх: счастливы колдуны;
Его желанья распалены,
Он прыгнул на Иоанну; но неожиданно
Денис явился – и встает Иоанна.
Как слаб перед святыми грешный люд!
Соперники в смятении бегут,
И душу им трепещущую жгут
И лютый страх, и замысел злодейский.*

Над кем иронизирует писатель? Над монахом и конюхом, слугами Сатаны или над читателем, что сам возбудился от описания юной девы, столь невинной и от этого столь сексапильной? Скорее, второе. Опиши так эротично женщину и в большинстве ханжей и святош проявляется несовершенство похотливой души.

Джордж Байрон вторит своим великим братьям. Ему так же отношение к друзьям, презрение к родным и насмешки над жёнами продиктовал Баломут? Личность чёрта хорошо видна в строках, несущих ёрничество, цинизм, богохульство и надменность. Гордыня Балабола выпирает из всех фраз, взгляд это сатирический и, безусловно, личностный.

ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД

*Хоть он гостей сзывал к себе не мало
На пиршества, все ж не имел друзей
Льстецов и паразитов окружала
Его толпа; но можно ль верить ей?
Его любили женщины, как мота:
Сокровища и власть пленяют жен
(При золоте метка стрела Эрота);
Так рвутся к свету бабочки; оплота
Там ангел не найдет, где победит Мамон.*

*Коварным вздохам лживых жен
Возможно ль верить? Нет!
Измена, что для них закон,
Их слез смывает след.
Я не тужу о дне былом
И не страшуся гроз.
Больней всего, что ни о чем
Не стоит лить мне слез.*

Всё это написали три самых известных, самых изящных, прославленных в своё время автора, и всё пропитано дыханием одной личности. Эти трое слушали одного собеседника. Общались с одним мятежным мудрецом.

Сам Кстовский был абсолютно уверен в том, что это бессмертная личность Балабола-Балбеса.

ОТЕЦ НИКОДИМ

В последнем письме пишешь, что ты одну бесноватую сильно подвела к мощам, в храме вашем находящимся в частицах, и бес устами этой женщины грозил тебе за это навести скорби и досады. И после этого сама удивляешься, почему мать игуменя и сестры к тебе нехорошо относятся. Явно, что по вражьиим искушениям. Поэтому на врага и сердись, сколько тебе угодно, а не на сестер и мать игуменя, искушаемых от врага. Впредь, если хочешь нести скорби, не берись помогать одержимым бесами, а старайся жить в монастыре страннически, себе внимая и помалкивая и не входя ни в какие дела.

Амвросий Оптинский (Гренков)

Однажды Юрист познакомился со священником. Отец Никодим был в миру борцом, но слишком перспективным. Его же врач подбросил ему

в витамины допинг. Борца дисквалифицировали, он помучился, но потом понял всю суетность происходящего, и пристроился трудником в монастырь. Долго ли, коротко ли, – тудник стал священником. Он предпочёл победам телесным брань духовную.

Но Никодим стал не просто священником, он стал экзорцистом. И немудрено, при виде его фантастической фигуры Геракла могли броситься наутёк не только демоны, но и рота ОМОН.

– Одержим? – первое, что спросил отец Никодим у Кстовского.

– Бывает, – с юмором ответил Юрист.

– Могу изгнать, – без всяких шуток пробасил Никодим и придвинулся.

При виде такого корпуса авианосца у Юрия Станиславовича отпала охота притворяться, и его потянуло на откровенность.

– Видите ли, это бывает редко. И, кроме того, в моей профессии без этого трудно обойтись. Порою, даже очень полезно. Ну, вы понимаете, обстоятельства. А клиенты какие? – невразумительно забубнил он.

– Доиграетесь, – глядя куда-то вглубь эфира, констатировал отец Никодим.

Юристу, как Вере Павловне в романе Чернышевского, снились сны.

В одном из них он был молодой subtilной женщиной, за которой гнались. Убегая, она оказалась на бескрайнем заснеженном поле. Путь по нему был бесконечен, пока женщина не провалилась в квадратный люк. Люк оказался трюмом вмёрзшей в лёд обширной яхты, и внутри было тепло.

Поле давно уже перешло в океан, и толстый лёд служил пристанищем яхты.

Когда же, отсидевшись внизу, женщина попробовала вылезти наружу, вокруг неё шумел бескрайний летний лес, а внутренности яхты оказались бункером. Так, выглядывая из одного и того же люка, он-она попадали то в пустыню, то в горы.

Второй сон был об одиночестве совершенно другого рода.

Сталинские репрессии повторились, и неожиданно Юрия Станиславовича забрали. Была глубокая осень. Их держали прямо на земле, и они спали голодные на мокрой грязи прямо в том, в чём их забрали. Всё происходило в городском парке. Бежать не представлялось никакой возможности, все были помечены. Благонадёжные граждане ходили на работу через парк. Мир разделился на Грязных и Чистых.

Юрист видел, как мимо него прошёл его хороший знакомый – Владимир Григорьевич Прахов. Прахов сделал вид, что не заметил Юрия Станиславовича, а Юрист не показал никому их знакомства. Люди ходили друг сквозь друга, как герои разных фильмов, отброшенные на один экран.

Поскольку репрессированные оказались людьми примерно одного круга, они относились друг к другу с заботой, делились скудной едой, которую бросали им в грязь, грели друг друга холодными ночами. Но настал день, когда их присоединили к уголовникам и начались постоянные истязания. Это было одной из непрерывных ступеней перековки в чернозём, ступенью унижений и издевательства.

В холодных грузовых вагонах их повезли по железке. «Воспитывать» Юрия Станиславовича поручили могучему, высокому, старику-бригадирю, состоящему из сплошных шрамов. Но во сне Юрист был моложе, хоть и менее опытен, он хватал старика за руки и не давал себя бить. В конце Юристу удалось бежать, он долго шёл вдоль железки по лесу и, наконец, попал в другой лагерь – физкультурный. Оказалось, старик пожалел заключённого, к тому же тот был строптив, и бригадир продал его физкультурникам за бутылку водки. Начальство посмотрело на замену наказания сквозь пальцы.

Насколько близка от такого поворота событий была Россия?

Как-то во время напряжённого расследования Юрист и бесподобная Мира ехали по полю.

– Притормози, я фланкировкой займусь, – попросил Юрист. – Мне это, знаешь, сосредоточиться помогает, мысли очищает.

– Что?

– Фланкировка мне мысли очищает.

– А по-другому никак?

– Ну как по-другому?

– Как-нибудь не настолько экзотично.

Почувствовав в её голосе нотки иронии, Юрист упёрся. В багажнике для такого дела всегда лежал меч Каролинг. Больших высот в фланкировке им Юрист пока не достиг, но стремился.

– По-моему, должна начаться гроза, – не унималась прозорливая Мира.

– Ну, пока-то дождя нет.

– Хорошо, остановимся.

Они остановились посреди поля как корабль, бросивший якорь.

Юрист извлёк из ковра Каролинг, встал, гордо выпрямив спину. Медленно, потом всё быстрее и быстрее серебряный меч стал описывать витиеватые круги и восьмёрки. Меч сперва с жужжанием, а потом со свистом рассекал плотный воздух. Ветер вторил этой железной мельнице.

На краю поля появилась стайка деревенских ребятишек. Увидев здровенного мужика, размахивающего мечом, как электрическая мясорубка, ребята в страхе залегли. Их глазки оказались прикованными к меченосцу.

Между тем ветер усиливался, он начал гнать жухлую траву, пыль, появились маленькие вихри.

Юрий Станиславович размахивал мечом, тот уже превратился в серебряное облако, полностью окружившее рыцаря. Самум неистовствовал.

Наконец Юристу надоело. Он сложил меч в коврик и направился к машине. Как ни странно, ветер тоже стих. И тут Юрист услышал залистый хохот Мира.

– Ты представляешь, теперь эти детки станут божиться, что видели Ведьмака. В народе возникнет легенда, что он является в бурю и управляет ей. Чему уж это будет служить предзнаменованием, посмотрим. Хорошо ты хоть молнии не пускал.

Юрист уже сел в машину, а объективная Мира не унималась.

– Дункан ты наш Маклауд!

Всю оставшуюся дорогу Юрист пристыженно молчал.

* * *

Когда на деятельность «ашрамов» обратила внимание прокуратура, возник вопрос воздействия на лидеров этих самостийных образований. Формально, при свободе вероисповедания и совести бессовестные мерзавцы могли продвигать любую веру, если она не нарушала законы Российской Федерации. Воздействовать на лидеров было нечем. Оставалось только ловить их на мошенничестве и сажать к уголовникам, а доказать мошенничество было трудно, большинство послушников шли в ашрамы добровольно и даже с истерической восторженной экзальтацией.

И тут Юрий Станиславович вспомнил про отца Никодима. Если преступление относится к области, которая для современной науки не существует, более того, которую она отрицает, то и повсюду будет относиться к тому, чего вроде бы и нет.

Вы говорите, «чёрта нет», ну и идите к чёрту. Тут Кстовский процитировал своего приятеля Баалобла.

Подсказка некоторым товарищам из силовых органов показалась не лишённой юмора, и Юрий Станиславович отправился уговаривать отца Никодима.

В глухом селе, где Никодиму определили приход, вся экономика держалась на экзорцизме. Нескончаемый поток жаждущих исцелиться стекался в старинную монументальную церковь красного кирпича, с уходящей в самое небо, как сторожевая башня у средневекового донжона, колокольной. Видимо, когда-то при царе-батюшке село было проезжим и многолюдным, а теперь дорогу прямохожую, прямоезжую заколодило, замуравило, только Соловья-разбойника тут не хватало. Впрочем, при таком священнике с его ухватками нечистой силе тут ничего не светило.

При церкви была и церковно-приходская школа. Детишки, как ни странно, отца Никодима не боялись, а вели себя крайне вольно.

Увидав прибывшего Юрия Станиславовича, могучий священник заулыбался, радушно поздоровался и тут же хлопотливо стал показывать ему всё своё хозяйство.

– Пока на стол собирают, умойтесь с дороги, вот рукомойничек на берёзе, рушник держите. В церковь потом пойдём к обедне, а пока я хозяйственные постройки покажу, кузню, столярку, гончарню, двор скотный, да, главное, школу. Школу сам рубил из кругляка, слава Богу, тёплая получилась.

Постройки были на удивление ладными, удобно в круг. Особенно священнослужитель радел о кузне, это было главным его рукодельным увлечением.

– Многого не знаю, но старики учат, – горделиво выпрямился он.

Упорства в постижении ремесла ему было не занимать.

– А вот школа у нас, – священнослужитель подвёл Кстовского к просторной белой ещё избе, собранной из толстых брёвен. Юрий Станиславович представил себе, как этот гигант ворочает один длинные толстые стволы. Картинка получилась – загляденье.

Их окружила стайка белобрдых, ухоженных, галдящих детишек, кто-то просил у отца Никодима благословения, кто-то просто прижился к его огромному сильному телу в застиранной рясе.

Один маленький сорванец обнял священника, но потом отскочил с видом хорохорящегося петушка и тонким голосом запел.

– Отец Никодим

В алтарь не ходил.

Миром не кадил,

А сам крокодил.

– Ну что же ты, Ванечка, какие дурные песенки поёшь, – покачал головой Никодим. – Миром не кадят. Миро есть драгоценнейшая жидкость в церкви, его очень мало, его варят раз во много лет и хранят как величайшую святыню. Им помазывали на царство. Вот я потом расскажу вам подробно его историю. А кадят ладаном. Надо петь: «Ладаном не кадил!». Вернее, не надо так петь. Вот, псалмы пой, как я вас учил.

И дети затянули церковные песнопения.

– Вискарь залудил... – пронеслось в голове Юриста дополнение к песенке Ванечки, и Юрист в узоре подгнившей доски увидел профиль своего одноклассника Баалабола. Тот ухмылялся.

Всё это неконтролируемо пронеслось в глубине сознания Юрия Станиславовича, и не только не было произнесено вслух, но и никаким образом не отразилось на его расслабленном лице. Но стоявший к нему спиной отец Никодим развернулся и очень внимательно на него посмотрел. Такие совпадения заставляли Юриста, как от озноба, передёргивать плечами.

Никодим снова повернулся к детишкам.

– Пой псалмы Ванечка. Не болтай с девочками! Балабол! Ишь, какой баламут растёт! Балагуром вырастет!

Юриста опять передернуло, а священник, казалось, отметив это, широко ему улынулся.

Они прошли в дом и плотно откушали. К предложениям Юрия Станиславовича отец Никодим отнёсся на удивление легко. Более того, план, предложенный ему, вызвал у него восторг.

– Ох, как давно я хотел поприжать эту банду. Богохульники и воры! Ведь подлость какая, имя Божие исказить да за кровавые деньги продавать. А коли в этом преступления нет, так и изгнать из них дьявола, которого не существует, и невозможно, и неподсудно.

– А как же вы, батюшка, тишком в местах предварительного заключения сможете службу служить? – поинтересовался Кстовский.

Никодим слезал в высокий готический шкаф, достал заветную шкапулку и вынул из неё потемневшую ткань.

– Видишь антиминос? На нём служили праведники в таких глубинах ГУЛАГА, что нечистой силы там не было. Ей страшно становилось. Вообще, советская власть добилась в искоренении сатанизма гораздо большего, чем церковь. В Сатану совершенно верить перестали, он и скукожился. Правда, вся советская власть представляла собой еще тот экспонат кунсткамеры. Такого мутанта история не знала, причём он всё время менялся, как короновирол. Гибрид протестантизма в форме аскетизма с чёткими моральными устоями, в отсутствии понятия Единого Бога, с жесточайшим рабовладением, почитанием живого бога-фараона, с мракобесием собственно сатанизма и репрессивной машиной иезуитов. Её эгрегор давал такие молнии, что весь мир затихал, как от водородной бомбы. Собственно, этот эгрегор её и воплотил, вынул из небытия, из него и не такое достать можно.

Они разговорились. Сели за стол с толстобоким самоваром.

– Вы бывший доктор. Ко мне обращаются люди с разнообразными психическими и генетическими заболеваниями и просят изгнать из них и их родственников демонов. Некоторым помогает, но я опасаясь иным навредить, люди внушаемые путают демона с болезнью. В душах их демонов нет, только боль. Боль постоянная, непрекращающаяся. Она сама может до безумия довести. Вот, например, микросфероцитоз, когда ещё «башенная форма» у черепа бывает. Детишки. Синдром Минковского-Шоффара. Можно им помочь?

– Откуда вы только батюшка такие слова знаете?

– Читаю, миленький, читаю. Жизнь заставит, людям помочь захочешь, ещё не того начитаешься.

Юрист понял, что Никодим имел в виду книги по демонологии.

– Генетические болезни, батюшка, без вмешательства на генном уровне непобедимы. Тут демонам места нет.

– Тогда точно с ней буду работать, – удовлетворённо потёр руки Никодим

– Почему же так парадоксально?

– Вот детишки с болезнью Дауна. Умишко у них малюсенький, талантов мало, а ангелы у них в душах живут и родителей и всех, кто их знает, радуют. Вот и попробую я не беса из её души изгнать, а ангела призвать. Может и ей и родителям благостно жить будет. В любви. Ещё чайку?

– Давайте.

Они выпили ещё по чашке дивного чая с листьями чёрной смородины, мялиссы, цветков жасмина и мёдом.

– Ты, говорят, фланкировкой увлекаешься? – с хитрецей поглядел на него священник.

Юрист кивнул.

– Ну, пойдём на двор, – увлёк его за собой Никодим. В сарае он извлек из-за поленницы двуручный двухметровый меч.

– Два пудика, – констатировал священник.

Он раскрутил железяку до шмелиного жужжания и стал перекидывать её из руки в руку как жонглёр.

После этого Юрист никогда не говорил, что умеет неплохо фланкировать. Он всегда говорил «любительски».

– А как вы относитесь к прогрессу? – задал типовой вопрос Юрист.

– Ну вы просто, как по учебнику атеизма, – посетовал священник – Если вы имеете в виду регресс человечества, то плохо.

– Какой же регресс? У нас всё больше и больше возможностей.

– Для чего?

– Для развития.

– Во что?

– Как во что?

– Во что собрались развиваться?

– Ни во что, а в кого.

– Вы собрались развиваться в кого-то? То есть изменить свою человеческую сущность?

– Боже упаси! Зачем сущность менять? Мы просто приобретём новые великие возможности преобразовывать мир!

– Вот даже имя Божие вы все, как присказку употребляете. Это вам не слово-паразит, вроде «как-бы». А почти всемогущий джентльмен с отсутствием морали, это у нас кто? Дьявол! Докладываю голосом! Вы в него развиваться собрались?

– Ну почему же так-таки и в Дьявола? Просто власть над природой станет расти.

– Зачем вам власть над природой?

– Вы задаёте детские вопросы. Для того, чтобы сделать мир лучше, гармоничнее, счастливее.

– Вы, недоучки, хотите построить мир лучше, чем Бог? Вы думаете сделать его за десятилетия гармоничнее, сбалансированнее, чем тот, что формировался миллионы лет? Вы не догадывались, что представляете собой цивилизацию протезов? Добавив зайцу стальные ноги, вы делаете его красивее и счастливее, чем он есть? Отвёрткой микросхему чините? Топором – телевизор?

– Не любите технические устройства, гаджеты не уважаете. А смартфоном вы пользуетесь.

– Приходится разговаривать с вами на вашем языке. Иначе не услышите. Не поймёте, что счастливее за последние 100000 лет не стали. А весь прогресс пока служит воплощению в этом мире Дьявола. Скоро вы его соберёте из генов и гаджетов, и он у вас будет живым и здоровым с теми же самыми намерениями, что и в Библии, – истребить род человеческий.

– Так что же вы можете назвать прогрессом?

– Вот когда богатый сам поделится с бедным, а здоровый станет всеми силами помогать больному – это будет прогресс!

Разговор мог длиться бесконечно.

Прошло несколько недель, и план перековки руководителей сект стал воплощаться. Как удачно сказал один из сотрудников прокуратуры: «Полечим то, чего не было, тем, чего не может быть».

Юрий Станиславович пожелал присутствовать на сеансе экзорцизма сам. Он с прокурорскими наблюдал всё через одностороннее зеркальное стекло во всю стену. Звуки передавались в неё по радио совершенно полноценно и заодно записывались вместе с картинкой.

В углу комнаты спиной к наблюдавшим отец Никодим стоял на коленях и молился. Вот так, коленапреклонённый, он был человеком среднего роста. В комнату втокнули организатора «ашрамов», носившего в прибалтнённых кругах кличку Вантус.

«Великий учитель» Вантус держался надменно. Он окинул взором помещение без мебели, единственным украшением её был пенёк, на котором лежал антиминок.

Жулик-учитель прошёлся по комнате «походкой пеликана».

– О чём молишься, поп? – обратился он к отцу Никодиму.

Священник не ответил.

«Учитель» напрягся.

– Ты за себя помолись, святоша! Я в ваши половецкие пляски не верю! Я сам кого хочешь в любую веру обращу! За мной тысячи шли! Сгнило христианство ваше и смердит! Водкой торгуйте с папиросами! Я вашу Богоматерь, знаете, как видал?

Никодим встал и оказался на две головы выше жулика.

– На вот, в зубах зажди. – по деловому пробасил священник, подавая короткий кожаный жгут.

– Пошёл к чёрту!

– Как хочешь.

Священник положил руку на голову обманщика и охватил её, как вы бы охватили теннисный мяч. Другая его рука поднесла к глазам Вантуса блестящий тяжёлый древний медный крест. Снова послышался быстрый шёпот. Глаза у Вантуса вылезли из орбит, и он упал на колени, но тут же привстал враскаряку.

– Изгоняю тебя демон чёрный! Изгоняю тебя именем Бога нашего Иисуса Христа и именами... – священник снова зашептал, но воздух в комнате уплотнился так, что наблюдатели при всём желании не могли двинуть ни рукой, ни ногой, и текст оказался недоступен уму. Только чувства взорвались вулканом.

Дальше всё как в бреду умирающего.

– Не выйду! Не выйду! Не выйду! Не выйду! – басом, которого никогда не было у жулика, выло чудовище в нём.

Он напрягался, как будто поднимал двухсоткилограммовую штангу. Мышцы извивались змеями, отделяясь от костей. Его била такая крупная дрожь, что она ощущалась через стекло в комнате наблюдения.

Обманщика задёргало, руки в знакомом приветствии взмывали вверх, сжатые в кулаки притягивались к груди, мелькали в воздухе, он заорал что-то на немецком, и Юрий Станиславович узнал одну из речей Гитлера. Видимо, для управления массами обманщик штудировал труды Великого гипнотизёра и пропагандиста. И в этот момент память вытолкала наружу бесовское учение.

Из глаз «учителя» брызнула кровь. Зубы были сжаты, а голос, то переходил в режущий уши визг, то опускался в самые низы баса, бес мучительно хотел избавиться от пытки. В нём что-то клокотало, булькало, шипело. Вантус невероятно, ужасающе богохульствовал. Наконец священник придвинул вплотную и прижал ко лбу Вантуса медный крест. Послышалось шипение, как будто крест был раскалён добела. Поднялся дымок, как от шашлыка.

Внезапно Вантус вспыхнул языками пламени, но священник, издав глубокий крик, погасил огонь.

– Изыйди! – прозвучало как набат.

– Будь ты проклят! – прохрипел Вантус и безжизненно, как грязная тряпка, упал на пол.

После сеанса экзорцизма у «Великого учителя» обнаружили вколоченные переломы бедренных костей. Их в судороге сломали собственные мышцы. От зубов остались только обломки, врезавшиеся в дёсны. На некоторое время он ослеп и оглох, но зрение и слух постепенно вернулись. Зато сколько он выпил воды и сожрал жиденькой каши и мясного фарша не поддавалось никакому описанию.

Вантус выложил всё, все связи, описал все преступления. Подробно рассказал, что знал об иностранном финансировании, как раз со стороны доброй старой Англии, подбирающей и сортирующей все фекалии планеты.

– Вы ему случайно не лоботомию сделали, батюшка? – интересовался прокурорский.

– Демон его оставил, а душу успел выжечь. Да и неказистая, подлая была душонка. Хвастаться нечем. Память осталась, а как к ней отно-

ситься он не знает. Прошлое забыл, новое неросло. Что такое хорошо, а что такое плохо – не знает.

– Как мы вам благодарны, отче. Вы решили нашу проблему. Общение с этой категорией лиц было для нас утомительно и решительно не приносило плодов. Надеюсь, вы не откажете нам, пообщаетесь ещё с некоторыми руководителями сект.

– С радостью! С величайшей радостью, уважаемый! Мне бы ещё с чиновниками поработать, особенно высокого пошиба. Как они, бедные, в помощи нуждаются, в окормлении.

Сотрудник прокуратуры поперхнулся.

Уже много позже отец Никодим признавался Юрию Станиславовичу.

– Боже мой! Как мне жалко старую, царскую Россию. До чего светлыми, совестливыми, благородными были люди и отношения. Душегубство было величайшей редкостью. Полиция знала неблагонадежных, лихих людей и жуликов наперечёт. В университетах, художественных училищах таланты могли учиться, практически за государственной счёт. Сколько правдоискателей! Сколько великих писателей!

И ведь морок коммунизма прошёл, и земля у нас та же, и небеса те же, и люди те же, и жить могут по старому, да не хотят. Мотает народ из крайности в крайность. Есть, конечно, богоугодные люди, но в основном коллекция душевно больных. И путь их в Ад выстилает их же черепами Враг рода человеческого.

Прощаясь с Юрием Станиславовичем, отец Никодим по-хозяйски посмотрел на него.

– А с вами Юрий, когда мы займёмся?

Вспомнив вколоченные переломы бедренных костей и раскрошенные зубы, Юрист даже подскочил.

– Я, пожалуй, ещё повременю.

– Не затягивайте, – как заботливый доктор пробасил священник.

– Попозже, попозже, сейчас как-то недосуг.

– Не опоздайте, – уже глядя куда-то вдаль, отозвался Никодим.

Измученный поисками преступного центра, из которого распространялись схемы жульнической деятельности региона, Юрий Станиславович отправился отдохнуть душой к отцу Никодиму.

Ухоженный сад священника благоухал. Они сидели за круглым столом. Бесконечно, как купцы, медленно пили чай из блюдец с коричневым сахаром вприкуску, всеми видами крыжовенного варенья и с калачами. Птицы ангельским хором сопровождали их неспешную беседу.

– Что-то от меня ускользает, я никак не могу сделать последний шаг. Этот человек, создатель оригинальных схем множества преступлений, рядом со мной. Я уверен, что многие его знают, мы ходим по одним и тем же улицам, посещаем театры, может быть, молимся о столь разном в одной церкви. Но он не оставил мне ни одной зацепки. Видимо, лично никто из попавшихся его не знает. Зато он настолько изучил все их страсти и привычки, что управляет ими как марионетками.

– Дражайший Юрий Станиславович, не корите себя так. Понапрасну вы изводите. Один раз поймите истину, и это успокоит вас во многих терзаниях и навязчивых помыслах. Вы никогда ничего не делали и никогда ничего не сделаете. Вы можете делать – производить действия. Сделать что-то может только Бог. Если вы своими стараниями убедите его в своей искренности, и он сочтет ваше рвение нужным, он свершит любое чудо. Потому что всякое удавшееся дело – это чудо. Есть миллионы причин, по которым оно могло закончиться неудачей. Даже самый высокий мастер, делающий самую простую куклу, не может быть уверенным, что он закончит её. Может выключиться свет, может дрогнуть рука, может наступить смерть. В Помпеях множество мастеров начали свою работу, будучи уверенными, что её закончат!

Уже почти ночью Кстовский растянулся на снегом хрустящей, словно накрахмаленной, простыне. На открытом маленьком окне качалась кружевная занавеска. Запахи лугов, лесов и сада смешивались, делая воздух тягучим и ярким. Если это не было чудом, то как назвать подобную благодать?

Информационный поток:

Труд появился вместе с рабством. До появления рабства труда не было. Были еда и отдых. Вы открываете холодильник, готовите что-то, жуёте и называете это едой. Животное передвигается и щиплет траву или крадётся, ловит и ест другое животное, а потом отдыхает.

ЗНАКОМСТВО С АКТЁРОМ БРОНИСЛАВОМ

Епископ Игнатий (Брянчанинов) имел с бесами дело лично, только он об этом не говорил, как, например, и Серафим Саровский не имел обыкновения рассказывать. Вообще, епископ Игнатий не говорил про себя, что было именно с ним, а выражался иногда так: «В общежитии борются с бесами, как с голубями, а в затворе, как с тиграми».

Варсонофий Оптинский (Плиханков)

Андрей Тerasов отсутствовал. Видимо, его поили в другом месте. Каров – Художник Слова скучал.

Бронислав пристал к Кстовскому.

– Вы не поможете мне в решении одной интеллектуальной, я бы даже сказал лингвистической задачи? Вы, конечно, как интеллигентный человек, знаете простейшую медицинскую терминологию. Вот, предположим, спазмолитики, они лизируют, уничтожают спазмы. А аналитики, что они делают с анусом?

– А-налити-ки? А не налить ли нам? – Включился в тему Юрист.

– Я всеми фибрами души приветствую такое здравомыслие! – просветлел Бронислав.

Они осушили по ледяной стопочке и подцепили на вилки по куску селедочки. Недолго подумали и повторили подъём с переворотом. В блике хрустального бра краем глаза Юрист заметил знакомый однорогий профиль.

– Ещё одно катастрофическое наблюдение. Балалайка очевидно понятный инструмент. Какая-то лайка, видимо, собачка, что-то там блабла-блакает. А что и с чем делает Бааломуд?

Юрист посмотрел на актёра очень внимательно. Ещё один! Хоть Никодима зови.

– Балалайка – священный инструмент, на котором жрецы, ставшие потом с приходом христианства скоморохами, славили Ваала или ближе к русскому Баала. Был такой неприятный бог Ваал. Бааломуд – Ваал Мудрый! Баалогур Ваал гуру, Ваал-учитель. Авгуры знали о его существовании и, глядя друг на друга, хитро улыбались. В Нижнем есть такой дом. Его украшают крупные головы Авгуров. Служение этому богу сопровождал смех, смех над всем. Именно поэтому одержимых этим богом скоморохов истребили. Балагуров считали ещё слугами Мары и Морока – богов смерти и безумия. Наводивших мороку. Вот морока с ними! Скоморохи – Скоромороки – Скороморохи!

Применяя такой эрексоновский гипноз, Юрист расслабил Бронислава, ввел его в пограничное состояние и неожиданно громко спросил.

– Видишь его?

– Кого? – вскинулся Бронислав.

– Чёрта! Чёрта! Чёрта!

- Вижу!
- Какой он?
- В эспаньолке, однорогий, хромой!
- И давно он с тобой?
- Много лет!
- То-то же, – удовлетворённо выдохнул Юрий Станиславович.
- Ф-у-у-у-у-у! Что это было? – словно очнулся Бронислав.
- Не печалься. Я с ним давно знаком, – подмигнул ему Юрист.

Естественно, после таких откровений Юрий Станиславович и Бронислав познакомились поближе и начали, хоть и не часто в силу занятости, пересекаться в простеньких кафе.

Бронислав даже написал о Балагуре маленькую поэму.

Чёрт Балагур

*Вы замечали цоканье за вами
Мохнатеньких раздвоенных копыт?
Но обернуться, посудите сами,
Нет времени, всё отнимает быт.*

*Кто только что нашёптывал на ушко?
Нет, это, извините, не Амур.
Переверните мокрую подушку,
Вас посетил какой-то Балагур.*

*А эта непристойная острота,
Но к месту, как в ворота меткий гол,
И дальше уж не клеится работа.
Вас посетил какой-то Балабол.*

*Куда судьба вас только не бросала,
На ветви сада загоняли псы,
Но этот незаконный сын Ваала
Вам скрашивал безделия часы.*

*Из карлика он станет исполинским,
И этим он невыразимо горд.
Он так похож на Троцкого с Дзержинским,
Но, в общем-то, обыкновенный чёрт.*

*Он юморист, находчив неизменно,
Он заставляет вас не унывать.
И всё равно – застой иль перемены –
Находит для презрения слова.*

*Он недоволен всем, над всем хохочет.
Он волосат и непристойно гол.
Он отравляет ваши дни и ночи,
А что бы вы хотели? Балабол!*

*Улыбчив, в эспаньолке и при шпаге.
Он на неё нанизывает кур.
Он стянет вас в такие передраги!
А что бы вы хотели? Балагур!*

*Его хвоста пленительны движенья,
От этого кокотки без ума!*

*А правый рог он потерял в сраженьи,
Когда его делили свет и тьма.*

*Его тянули Ангел с Вельзевулом
Во тьму и свет за разные рога.
И битва Ангела не пошатнула,
Но победило рвение Врага!*

*Он Балабола Аду на потребу
Упёр за рог, как истинный бандит,
А правый рог уносит Ангел в небо,
И там в него настойчиво трубит.*

*Чёрт Балабол не знает поражений!
Попробуйте поймать летящий смех!
Он ждёт оригинальных предложений.
Ему всегда сопутствует успех!*

*Он друг Вольтера, Пушкина приятель,
Подхватывает сплетни на лету,
Он мот и плут, и мод законодатель,
И с ним так просто перейти черту.*

*Он вас предаст, следите за руками,
А, впрочем, в этом пользы никакой!
Вы в этом всё запутаетесь сами,
А он вослед помашет вам рукой!*

Не часто встретишь человека, с которым у тебя один на двоих знакомый чёрт.

Во время одной из таких встреч между одержимыми произошёл такой разговор. Начал его Бронислав.

– Вы знаете, меня порой просто несёт. Болтаю, как вольный колокольчик, и такие откровения внезапно вскрываются. Откуда информация – непонятно. Но, так в цвет. Действительно, кто-то во мне шепчет на ушко. А какие у него резоны, непонятно. Базар не мой, минуя мозг, слетает с языка, а после уже осознаётся. А с вами так же?

– Нет, всё-таки базар я контролирую, профессия, знаете ли, обязывает. А вот имя ваше напомнило мне другого Каурова – Ярослава Валерьевича. Я ведь когда-то был врачом. Я доктор медицинских и доктор юридических наук. Вашего почти тёзку я знал. Учился у него. Оригинальный был толстяк, – погрузился в воспоминания Кстовский.

– Дядя мой. Дальний какой-то. Батюшку-то я своего не знал. Героический полярник. Дядюшку тоже ни разу не видел, но сходство с ним у меня, говорят есть. Удивительные сходства имён, и он тоже стихами баловался. Пропал куда-то. Может, за границу съехал или чем-то секретным в науке занимается. Кстати, учился я в медицинском да бросил. Недоучка.

– Так вот у вашего родственника был любопытный труд по демонологии. Полюбопытствуйте. Кстати, бывал я на ваших выступлениях. Недурно. Стишками многие балуются, но у вас это классически как-то выходит. Однако вы больше самих себя в предложенных обстоятельствах играете, а как у вас с перевоплощением?

Бронислав, которого уже прилично натаскала Маргарита, потупил взор.

– Ну, немного и это умеем.

– А почему не используете в театре?

– Театр у нас специфичный. Идём от себя, чтобы личность передать, а не растворяться в образе.

– Понятно. Но сыграть кого-то яркого смогли бы?

– Можно.

Позднее Бронислав разродился целым циклом стихов, написанных от имени Балабола.

*О люди, вы неисправимы!
С завидной лёгкостью греша,
Так заигравшиеся мимы
Выделявают антраша!*

*Вот ростовщик зол, как собака,
Как первоклассный паразит,
Не замечает, как из мрака
Спешит к нему с ножом бандит.*

*Чиновник вымогает взятки
За драгоценную печать,
Чтоб малым пользуясь достатком
Начальству деньги передать.*

*Его старанья наблюдая,
Неуловим в ночи, как вор,
Как старая сова седая
Следит за этим прокурор.*

*Всучит тухлятину торговка,
Считая мастерством обман,
Чтобы купить себе обновку –
Канцерогенный кардиган!*

*Учитель честности научит –
Неисправимый лицемер –
С родителей подарков кучу
Содрав, как скромности пример.*

*Ну как же можно постоянно
Быть в фокусе такой возни,
И ни мгновенья без обмана,
И ни минуты без резни!*

*В восторге от закона Ома
Наука движется вперёд,
А подлость – это аксиома,
Ей дорожит любой народ!*

*** * ***

*Москва весёлая
Москва гуляющая
Девчонка голая
Но настоящая.
Налейте водочки
Налейте милье
А то на каторге
Порвал все жилы я.*

*Москва публичная
Шалава тёртая*

Тут быстро крутится
Десятка спёртая.
Судьба бедовая
Судьба кабацкая
А жизнь бредовая
А жизнь босяцкая.

Пойду к шинкарке я
Возьму бутылочку
Грибок солёненький
Приму на вилочку.
Я выпью водочки
Хрустя капустою
И хорошо себя
Уже почувствую.

Ах где бы взять мне яблочки
Мочёные печёные
А где бы взять девчоночку
Ни в чём не уличённую
И как бы к ней посвататься
На ночку да на чёрную
Жигану одинокому
Свободой увлечённому!

* * *

Люска-пчёлка
Стрижена чёлка!
Девочка гуляющая моя!
Люсенька-пчёлочка
Платьице с иголочки!
Мы поедим в дальние края!

Что за ножки!
Боже! Что за груди!
Ты же просто девочка-мечта!
Не забуду
Люську-незабудку!
Ради Люськи прыгал я с моста!

Люска-пчёлка
Стрижена чёлка!
Девочка гуляющая моя!
Люсенька-пчёлочка
Платьице с иголочки!
Мы поедим в дальние края!

По Покровке
Весело и ловко
Девочка точёная идёт!
Ей, плутовке,
Солнышко обновка
И в жизни непременно повезёт!

Басни Сороки

Однажды мудрая сорока
Решила взяться за перо

*И стать не то чтобы пророком,
Но проповедовать добро.*

*И чтобы с перьями остаться,
и чтобы всё-таки не врать,
она решила постараться
иносказательно писать.*

*Нельзя сказать, что бык – скотина,
Нельзя сказать, что волк – злодей.
Погладят батогоми спину.
Писать уж лучше про людей.*

*В одном богатом королевстве
Все выбирали короля.
Решали, споря, словно в детстве,
Кому достанется земля.*

*Сошлись кабан и сивый мерин,
Медведь-шатун, горбатый лось,
Пришёл павлин в себе уверен
И представленье началось.*

*Хоть о зверях писать забавно,
Но не такой сороки план.
Сошлись толстяк, придурок явный,
Два силача и донжуан.*

*«Пусть будет худ», – сказал жиряга.
«Пусть будет глуп», – сказал дурак.
И слаб – вопит качков ватага.
А донжуан. – «Да будет так!»*

*Ещё пусть будет безобразным
И неуверенным в себе.
Хотя мы говорим о разном,
Пусть будет всё в его судьбе.*

*Как крысы маленький детёныш,
Нашёлся юный негодяй,
На вид невзрачен, как крысёныш.
Что дальше было, угадай!*

*Он мал, а зубы-то из стали!
Он глуп, но лучше помолчи!
И перед ним затрепетали
И дураки и силачи!*

*Морали тут не скрыть момента,
Она видна во всей красе:
Так, опасаясь конкурента
Ничтожество избрали все.*

*И вот ничтожество в короне
Своё покажет естество –
Оно не зря сидит на троне,
А вы ничтожнее его!*

* * *

Ещё творение сороки,
А может быть, и не одно.
Так весело ложатся строки,
Что в ярких красках полотна!

Пришли котята и щенята,
И червячок, и барсучок,
Утята, пчёлки, поросята.
Сорока села на сучок.

Я расскажу сегодня, дети,
Всем, что такое человек.
Забавней твари нет на свете,
Вы не забудете во век.

Коварен, жаден, как гиена,
Он агрессивен, как хорёк
И изворотлив, как мурена,
И недалёк, как мотылёк!

У одного полсотни норок,
А у других нет ни одной.
У некоторых самок сорок,
А кто-то спит с чужой женой.

Пред сильным, как червяк согнётся.
Болтлив бывает, как щегол.
В какую дрянь не завернётся,
Под этим он бесстыдно гол.

Подобно марабу – зануда,
Всё портит, как термитов рать.
К тому ж предатель, как Иуда,
Вам это дети не понять!

Хоть неприятна нам беседа,
Сорока не совсем уж враль.
И я скажу вам напоследок –
Какая к чёрту тут мораль!

* * *

Опять сорока на поляне
Зверюшек в кучу собрала
И объясняет, словно няня,
Как в мире обстоят дела.

И, рассуждая о начальстве,
Суёт куда не надо нос.
Ты о начальстве не печалься,
Не по плечу подняя вопрос.

Начальник клуба, института,
Сортира, склада, гаража
Плодит быков и проституток,
И все ползут к нему, дрожа.

*Пустого места он начальник,
Повадки те же, примечай!
Кипит и пузырится чайник,
И секретарша вносит чай.*

*Быть может, он таким родится,
С ним жадность, грубость, тупость, спесь,
А кто поближе приглядится,
Рога и хвостик тоже есть.*

*Начальник, даже мелкий самый,
Идёт к победам напролом.
И вылезает он из мамы
На креслице и со столом.*

*Его не встретите на марше,
Ему работать не прикол.
Он прогибается под старших,
А с младшими свиреп и зол.*

*Сорока, видимо, имела
В виду какого-то орла,
Но песню так и не допела,
К ней стая воронов слетела,
Сороку поглотила мгла!*

*Мораль, наверно, здесь была бы,
Но слишком быстро кончен бал.
Вы обо всём болтайте бабы,
Но стачка – это криминал!*

УТРО У ФОНТАНА

Умытое поливальными машинами утро потягивалось и зевало в городе Н. в степени n, когда Бронислав вышел на площади Минина из дребезжащего троллейбуса и направился к спящему фонтану – подарку городу от именитых купцов. Ему предстояло регулярное пролонгированное удовольствие – ждать Андрея. Как правило, это действие затягивалось на неопределенный отрезок времени. Броник сел на ажурную скамью. Круг из таких скамеек замыкался в очаровательном сквере, коронуя старинный фонтан.

Перед светлы очи князя Бронислава утро разворачивалось, как свиток случайностей и закономерностей.

Подъехала команда бодрых старичков. Броник наблюдал как медленно в замедленной съёмке, команда начала нехотя чистить объект. Было впечатление, что они явились сюда постебаться и отдохнуть. Сперва они докопались до автомата с газировкой. Он олицетворял связь времен и был посланником из загадочного советского периода.

- Это сколько за двести грамм? – спросил один седоусый другого.
- Тридцать пять рублей.
- Это что раньше за копейку было, или за три с сиропом?
- Хрен его знает! Может, и за копейку. Автомат то молчит, а олигархи не дремлют.
- Черта с два, я за стакан воды тридцать пять рублей отдам!
- А Михаил что по фонтану ходит?
- Газировку ищет!

Броник наблюдал, как один бездельник кавказской наружности, вооруженный трубой, извергавшей воздух, аккуратно обошёл площадь и

обдал пылью сидящих на лавочках, сдувая окурки, билетки и конфетные фантики на зеленый газон.

Со своей стороны, старички струёй воды отодвинули мусор в центр площади. В результате весь мусор остался на месте, но коммунальные службы города полностью выполнили свое предназначение и получили полагающееся бабло. Отмывание денег было налицо, вернее, на лице.

Брониславу невольно представилось, с какой потрясающей скоростью обыкновенный советский или царский дворник смёл или начисто убрал с площади весь мусор. Один вместо десяти иностранных и местных наймитов. Но тут же мысль о том, что он сам является шершнем в улье, бездельником в рабочем коллективе, личностью полностью орнаментальной и бесполезной сковала его эго.

Когда-то в студенческие годы Бронислав сам подрабатывал дворником. Коллектив был в основном возрастным, женским и пьющим. Матери и бабушки-одиночки выглядели сурово, гордо и брутально. К студентам отношение сформировалось как к лентяям. Студент – лентяй, лентяй – студент. Другого определения не существовало.

Например, мусор было принято длинной метёлкой сгребать на грязную фанерку, нагибаясь и становясь попой кверху. Даже совок считался атрибутом неженки, подонка и где-то даже контры. Броник тут же избрёл и соорудил вместительный совок с длинной ручкой и на колёсиках. Гордый своей смекалкой, он вышел к обществу с демонстрацией.

– Ну, студент – лентяй! Ну, лентяй – студент! – изрекло общество, плюнуло, взяло грязные фанерки и разошлось.

Впрочем, у бабушек-одиночек были и свои слабости. Например, они неровно дышали, да что там, нежно любили молодого алкашика – своего коллегу. Петька был художником. Просто художником. Художником своей жизни. Его дресс-кодом являлась телогрейка на голое тело, рваные треники, доставшиеся от деда, и резиновые сапоги на босу ногу. Одевался он так в любую погоду в любое время года. Украшением гардероба служила шапка-ушанка. А вот алгоритм её ношения оказался не по зубам лучшим криптографам американской разведки, которая неотступно следила за Петькой. Он сам так утверждал. Специалистами ЮНЕСКО он был признан непревзойдённым генератором случайных чисел. Одно было ясно, надевание шапки никак не связано с погодой. Это была прихоть художника!

Запивал художник часто и надолго.

– Коды йон пьёт, дык пьёт! Но коды йон работат, дык уж работат! – установило общество.

Повторение истин обществом являлось неотъемлемой частью передачи информации. Некоторые специалисты утверждают, что это характерная черта диких племён. Примером таких языковых изысков являются слова из обихода папуасов: лава-лава (набедренная повязка), кай-кай (поедание). Некоторые считают это явление отличительной чертой одичавших островитян (бай-бай, англ.).

Другие намекают на склонность к преступности (Синг-синг, англ.). Бронислав думал, что с первого раза дураки просто не понимают.

Действительно, энтузиазм трезвого Петьки не имел границ. Участок он убирал моментально.

Венцом карьеры Петьки из того, что посчастливилось наблюдать Броннику, стала коллективная уборка кучи мусора. Мусор копился в этом углу двора всю зиму, и к середине лета рачительное городское хозяйство решило его убрать. «Могучая кучка» была размером с трёхэтажный дом. Петька взобрался на самый верх. Он просто вгрызлся в мусор, он рвал и метал, так Вельзевул расправляется с грешниками. Тётки-дворничихи ликовали.

– Коды йон пьёт, дык пьёт! Но коды йон работат, дык уж работат! – грохотало общество.

Однако где-то в середине ароматной Джомолунгмы Петька нашёл две жирные воблы. Лицо Петьки искажилось, как у kota. Он вообще со стоящими дыбом рыжими вихрами kota очень напоминал. Издав победный клич, он подскочил к Брониславу.

– Закусон! – заорал он. – Давай со мной за бутылкой!

– Ты что, с ума сошёл? – не понял Броник.

– Ну, как хошь!

И Петька умчался. Вернулся он с двумя бутылками «Агдама». На глазах у ликующих старух он проглотил воблу и запил её этим средством от клопов.

– Учись, студент! – констатировали старухи и встали попами вверх.

Бронислав из своих воспоминаний вернулся на площадь.

Симпатичные старички, как будто в сложном средневековом танце, продолжали имитацию трудового процесса. Каждый демонстрировал свою значимость и трудолюбие и одновременно каждый говорил товарищу: «Да, оставь ты! Не надрывайся! Сойдет и так!».

Работники выглядели такими ухоженными, хотя и помятыми в предыдущей пьянке. Тем не менее день разгорался, мягкое пастельное утро в духе импрессионистов переходило в пульсирующий бесполезной деятельностью день. Фонтан забил. Его серебряные струи окружили всполохи радуг. Старички собрались и уехали, а вскоре появился и Андрей. Бронислав заметил его издали. Его легкую собачью походку и фехтовальные взмахи пижонской трости невозможно было спутать ни с чем.

КАУРОВ. ТЕРАСОВ. КОРОЛЕВА МАРГО

Враг нападает на тебя тоской и другими страстями за то, что ты не хочешь покориться ему, а когда покорись, то еще хуже будет – быть рабой у него.

Иосиф Оптинский (Литовкин)

Кауров и Трмасов были слеплены из того же теста, из которого пекут всех провинциальных актеров. Они были беспечны и впечатлительны, страдали как нахальством, так и робостью, отличались вольнолюбием и застенчивостью. Имея вполне приличные профессии, они всё бросили ради театра, и жизнь вели бедную и веселую. Приглашение в богатый дом Маргариты Николаевны наполнило их души предчувствием удачи.

Слуги провели их по длинным коридорам и открыли высокие резные двери в просторную комнату. Перед камином в вольтеровском кресле восседала, как на троне, королева Марго. Её расплывшейся фигуре было мало даже этого огромного кресла. Маска презрения никогда не покидала её лица, на котором когда-то царствовал безобразный горбатый Нос, с возрастом угонувший в тяжелых щеках. Создавалось впечатление, что рыцарский замок Носа был погребен под оползнем щёк. И, тем не менее, в её облике присутствовала былая аристократическая красота и своеобразная гармония.

– Я трижды посетила ваши представления и скажу, молодые люди, что в вас есть искра таланта, – начала она низким грудным альтовым голосом.

Актеры почувствовали себя крепостными, вызванными к барыне.

– Только используете вы свой талант без размаха, – продолжала Маргарита Николаевна. – Это уже хорошо, что театр у вас не шаблонный. И пьесы вы пишете сами, но я хочу предложить вам иной Театр, тот, который проникает в жизнь. И играть в нем придется с полной отдачей. Халтура слишком дорого вам обойдется. Писать пьесы буду я. У меня накопилось множество сюжетов. Вы получите за это такие деньги, о кото-

рых и не мечтали, наслаждение от настоящего искусства. Я ставлю лишь одно условие – подчиняться мне, вашему Режиссеру, вы будете безоговорочно. Сроки постановок изменить нельзя. Заказ должен быть выполнен точно в указанный срок. Теперь идите, я должна побыть одна, прислуга накормит вас, и уверяю, что подобного стола вы ещё не видели.

Действительно, их провели в роскошную столовую, где за чудесными яствами два раздолбая провели прекрасные часы.

В следующий раз Маргарита подвергла их чрезвычайно болезненной процедуре. На лица актеров были прикреплены игольчатые электроды, действие которых было подвергнуто многочисленному фотографированию. Испытав невероятные мучения, Бронислав и Андрей были грубо вытолкнуты из пыточной в кабинет Маргариты.

– Ну как вы оценили возможности моей кухни? – медлительно и протяжно молвила Маргарита.

– Мы весьма впечатлены, – выдавил из себя Бронислав.

– Можно бы и помягче, – пискнул Андрей.

– Я хотела бы представить вам фотосессию беглых преступников, с которыми вам воленс-ноленс предстоит общаться.

На экране возникли ужасные образы диких извращенцев, объединенные только приговором пожизненного заключения.

– Какие мерзкие рожи, – выдохнул Андрей.

– Может быть, вы когда-то встречали вот этих благороднейших представителей закона?

И перед глазами наших горе-актеров предстала вереница забронзовевших ликов героев и писанных красавцев.

– Вы кого-нибудь узнали? – вновь поинтересовалась красавица Марго

– Ни в коем случае, – молвил Бронислав. – До отбросов аристократического общества нас не допускали никогда.

– Жалкие скоморохи! Все эти морды ваши! – торжествующе воскликнула Маргарита. – Напряжением лицевой мускулатуры любой человек может представить практически любого человека. Классическим примером является великий Шакуров, явивший нам облик Леонида Ильича Брежнего обыкновенным напряжением лицевых мышц.

ПРИЧУДЫ КОРОЛЕВЫ МАРГО

Лукавый сатана видел, что Бог даром расточает сокровища свои, потому и он отверз свою сокровищницу и также рассыпает губительные дары свои. Одному дает кичливость духа, другому – жестокость сердца; одного делает склонным к оскорбительным насмешкам, другого – к ругательным словам.

Ефрем Сирин

В мрачном особняке Королевы Марго пробили напольные часы, размером со среднестатистический русский деревенский сортир. Бронислава эта напыщенная обстановочка слегка веселила, впрочем, он замечал несурзаицы в самых неожиданных вещах.

Ему показалось сейчас, что старинные портреты подтянулись и с подобострастием уставились на медленно открывающиеся высоченные дубовые двери, в которые вплыла безобразная, но величественная старуха.

– Ну, хватит с вас теории, – без вступления грудным голосом молвила Королева. Китайские болванчики на камине закачали своими круглыми головами. – Я посылаю вас на рынок. Сейчас время свободного рынка, вот туда и отправляйтесь.

– За помидорами? – несмешно пошутил Бронислав. Они с Андреем стояли навтыжку у длинного резного стола красного дерева.

– Не только, – презрительно пророкотала старуха. Её жирное тело колыхалось от тяжёлого равномерного движения. – Ума авось наберется. И такта. Сначала будете просто ходить, приглядываться и прислушиваться, потом вас загримируют и вы встанете за прилавок. Сперва – русскими. Ты, Броникый клоун, будешь торговать поросятами. А ты, Андреалопулус, – железным ломом. Познакомитесь со всеми, потом вас загримируют под армян, потом – под узбеков. Знание языка – обязательно. Так что приглядывайтесь к выражению лиц и интонациям. Армянин и узбек вас уже ждут. На всю эту затею вам полтора года. Слуги вас покормят. Зарплата пятого и двадцатого, – И коронованная особа изволила удалиться.

– И пошли мы в люди... – процитировал Бронислав.

– Эта кикимора неизменно напоминает мне малютку – Скуратова, – вздохнул Андрей. Впрочем, ужинал он с завидным аппетитом.

РЫНОК

...Демоны, видя, что мы поработены воле плоти, отчуждились от благодати Святого Духа и умертвили души свои, – ибо удаление души от Бога есть смерть для нее, – видя это, для какой еще другой причины станут они и со своей стороны воздвигать борьбу против нас?

Симеон Новый Богослов

Рынок Бронислав любил. Ранним утром пустые крытые прилавки наполнялись галящими торговцами. Запах гниющих фруктов смешивался с ароматом свежей, обрызганной из пластмассовой бутылки, пряной зелени. Пахли и хлопчатобумажные трусы, носки и халаты; потом невымытых тел благоухали торговки; удушливой пылью дышали цветастые ковры; резиной и едким пластиком раздражали обоняние кеды и кроссовки. Все дешёвые скороделки и штамповки расставлялись и развешивались по своим местам в узких чуланчиках железных ковчегов. Наши герои ходили по рядам, приглядывались, принимались, запоминали, ловили обрывки фраз, имена, взгляды.

Бронислав повадился в колбасный ряд, к торговкам ветчиной, карбонатом и салом. Встречались самодельные колбасы. Сало было и местное, и белорусское, солёное, копчённое, варёное с луковой шелухой, запечёное, сырокопчёное (очень жесткое и дорогое, но, нарезанное тонюсенькими ломтиками, – просто восхитительное); прожилки мяса в сале чередовались в зависимости от места выращивания: шейка, окорок, рёбрышки; нравилась нашему актеру и дешёвая щековина, и копчёные пятачки и уши.

В своем поэтическом отношении к этому изысканному продукту Бронислав нашел себе напрестницу. Эта курносая разбитная баба и на самой себе носила килограмм шестьдесят (кроме крепких литых мышц и крупных костей) предмета их взаимного восхищения. Белоснежная кожа шла на ней гладкими чистыми складками, лоснилась, влекла шелковистостью. Звалась нимфа Лизой. Бронислав покупал у Лизы всего понемногу, но часто. Он подолгу стоял у её прилавка и консультировался по поводу вкуса того или иного продукта, пробовал прозрачные ломтики, снятые с заточенного, как бритва, старого тёмного ножа. Сталь на ноже была мягкой, но податливой к постоянной заточке, отчего лезвие уже сточилось до половины.

Попутно Бронислав расспрашивал Лизу об явном и тайном устройстве рынка: об открытой и «дополнительной» мзде, конкуренции, отношениях «бизнюков» и национальных кланов. Лиза была словоохотлива,

хитровата и смотрела на Бронислава со все большим хозяйским интересом.

Как-то вне рынка ехидный Тремасик, попивая золотистое пиво в узкой маленькой забегаловке и слушая откровения друга, похлопал Броника по плечу и многозначительно произнес: «Ты знаешь, я буду теперь называть тебя ПодЛизой».

Но шли недели и нездоровый интерес приятелей к организации рынка стал выпирать, как акне вульгарное на носу подростка. И в определенный момент к актерам подошли пятеро кавказцев и без мордобоя объяснили, что видеть их тут не хотят, а отовариваться они будут в другом месте. Пришлось менять личину, собственно для этого уже пришел срок.

Мы все воспринимаем окружающих нас людей очень поверхностно. Первый взгляд на них оказывается решающим и, даже если он оказывается абсолютно неверным, дальше мы воспринимаем своих знакомых именно такими. Горбился он в первый день знакомства – всё, мы запомним его сутулым, были у него длинные волосы – сделай хоть полубокс, в сознании он останется Ленским – «и кудри чёрные до плеч».

На рынке Гнидько никто не узнал. Бронислав соответственно «жировой» – поролоновой прослойке изменил походку. Из прямых сотворил широко расставленные х-образные ноги, изображал одышку.

Ухватистые, энергичные украинцы были для рынка не в нове, они потеснили многих. А Гнидько был из села, которое в пыль разбили обстрелы неофашистов. Народ из него растворился в эфире.

Марго создавала цельные личности с друзьями, с биографией, скупулёзно и изобретательно. Такой человек обрастал знакомыми и свидетелями. Документы после замены становились настоящими. Такой человек в будущем мог совершить всё, что угодно и пропасть бесследно, навсегда.

А то, что это были тёмные личности только усиливало их психологическое действие на окружающих.

Люди не любопытны, если информация даётся им на блюдечке с голубой каёмочкой. Сказал человек: «Я – поэт!». И столпившиеся бараны повторяют и, кивая на него головой, сообщают знакомым: «Он – поэт!». Скажи им: «Я – учёный! Я – философ!». И всё стадо будет блеять расплывающуюся чушь: «Он – учёный! Он – философ!» Вот скажет сантехник: «Я – сантехник!». И толпа повторит: «Дерьмо – он, а не сантехник!».

Но не будем отклоняться от сюжета.

Ядовитая ведьма Марго сдержала своё слово и заставила Бронислава торговать поросятами. Встал он сперва вместе с торговцами щенками и котятами, правда, поросята стоили гораздо дороже. Его подопечные визжали, какались, легко могли простудиться, их маленькие, вечно удивлённые глаза были полны обаяния, движения неуверенны, попки нежны и круглы. Короче, возни с ними было немерено. Домой Бронислав приходил выжатый, как лимон, и ночью к ним, как к малым детям, вынужден был вставать не раз. Три поросёнка сдохли, но кое-как расторгнуться, хотя бы для вида, Брониславу удалось.

Следующим шагом стало его внедрение в мясные ряды. Якобы он открыл источник свинины (сам Броник не представляя, откуда берётся это мясо) и со свойственной салоедам предприимчивостью стал индивидуальным предпринимателем. Торговал Броник с азартом, с шутками-прибаутками, придумывал на тему свинины стихи и слоганы. Мясо ему доставалось хорошее. Он всё гадал, не продукт ли это липосакции самой Королевы Марго. Но сало было молодым, а королева не худела.

«Пусть лопнет барабанная перепонка!

Купите молодого поросёнка!» – Звенело по рынку.

«Ты бы, тётка, лоб бы не чесала,

А купила сливочного сала!»,

«Не найдёте вы на рынке

Аппетитнее грудинки!»

Бронислав, а ныне Остап, вновь, но уже в другом качестве, завёл от-ношение с Лизой. Это было легко ещё и потому, что он уже знал её при-страстия, вкусы и привычки.

Молодая женщина не могла понять, почему её влечёт к этому некази-стому, разбитному с другими и робкому с ней толстому мужику. Он ей напоминал кого-то из её родственников, вот только она никак не могла вспомнить кого.

Скромность Остапа объяснялась просто, ему категорически нельзя было прижиматься к избраннице пороллоновыми прелестями, даже при прикосновении возникли бы проблемы. Лиза от женского любопытства всё больше распалялась, как кошка, которая никак не может поймать бегущую красную точку от лазерной указки.

– И шо за товар у вас, любезная Лизавета Андреевна, – ворковал Остап. – И де вы его такой только берёте, сало як пух лебяжий, окорок як ляжки поповой дочки, а грудинка-то, яка грудинка, – слгатывая слюну пел Остап, неотрывно глядя на белопенные груди Лизочки.

– Всё вам расскажи, покажи да дай попробовать! Где сами-то сви-нинку берёте?

– У кума.

– А где он живёт?

– Недалече.

– Как туда попасть?

– Завернуть за три угла,

Проскакать шешнадцать вёрст,

Подойти в печи козла

И поймать щегла за хвост!

Лизочка смеялась, а Остап продолжал.

– Да я, любезная Лизавета Андреевна, вас до луны готов на троечке с ветерком прокатить! – и он робко опускал красные глаза.

– Так откуда же свининка?

– Це комэрчэзкая тайна.

И Гнидько снова опускал глаза. Так общественная жизнь и шла.

– Чтобы горя было мало,

Россияне, ешьте сало, – зазывал Остап.

– В Белоруссии креветки

И бананы прямо с ветки,

А у нас на целом рынке

Наилучшая свининка!

А над прилавком красовался плакат: «Наши свиньи эстетичны, весе-лы, экономичны!»

Не очень было понятно, о каких свиньях идёт речь, и не на началь-ство ли это намёк, и такой поворот радовал клиентов.

В торговле главное – во что бы то не стало привлечь внимание боль-шого числа покупателей. А потом уже надо окучивать и обхаживать лич-ности индивидуально.

– Красавица, – обращался Остап к немолодой женщине, – можно вас остановить на мгновение? – Такая интеллигентная речь из уст просто-го мужика невольно удивляла. – Какое у вас элегантно платье с синей косой бейкой, оттеняющей, как бы обрисовывающей вашу прекрасную фигуру. Вы остановились в нерешительности, а потом собрались ухо-дить от моего прилавка. Учёные уже доказали, что холестерин свежего прозрачного сала с розовыми капиллярами не откладывается в атеро-склеротических бляшках, а улучшает регенерацию и способствует при-ливу сил.

И усталая интеллигентка покупала небольшой кусочек. А Остап уже останавливал другого покупателя.

– Командир! Не сомневайся! Бери! Мужик должен солить сало сам! Тут главное выбрать идеальный кусок. А далее режем его на брусочки. Когда работаешь с ним – руки радуются! Тщательно натираешь брусочек

смесью по вкусу. Советую обязательно: имбирь, смесь чёрного и красного перцев, куркуму, некоторые любят кари, всё это с солью. Сало руки любит! Времени не жалеи! Втирай с любовью! Укладываете плотно в эмалированную посуду и даёте постоять несколько дней. Кто ест хоть на следующий, кто неделю терпит. За день до употребления каждый брусок нарезаешь ломтиками от трёх миллиметров до полусантиметра, по вкусу, прорезаешь до кожи, получается такая гребёнка и в каждый прорез между ломтиками закладываешь тоненький кусочек чеснока. На следующий день умрёшь от аромата и захлебнёшься слюной. Под рюмочку на языке как на сковородке шкварчит. Вот этот шмат очень подойдёт и толстый, и розовый, и с прожилками мяса, и свежайший – только утренний.

Мужчина брал два шмата. Торговля шла бойко. Между делом Остап толкался по рынку с армянами, азербайджанцами и узбеками, считывал жесты и слушал разговоры крикливых гастарбайтеров, не знающих, что их язык Бронислав уже выучил прилично и сейчас чутко ловил мелодию, тембр и темперамент.

Учителя – узбек и армянин – времени не теряли и за год натаскали Андрея и Бронислава вполне достойно, благо с музыкальным слухом и актёрской памятью на роли у них было всё нормально. И получалось, что вместе они тонким ситом просеивали всю информацию на рынке, знали, кто кому кем приходится, семейные дразги, любовные треугольники, клановые стычки.

Южане не стеснялись при них кричать на своём языке со всей детской откровенностью, ещё и издеваясь над лохами, не знающими их языка.

– Рафшан! Этот надутый русский лох хочет какие-то непонятные навороченные джинсы. Продай ему ту дерюгу, которую ты выменял на щенка дворняги у Джамшута. Кстати, сегодня день рождения твоего уважаемого дяди. Поздравь его от всей нашей семьи. Мы желаем ему долгих и плодотворных лет и неизменной удачи в его торговле текстилем и всем остальным (о чём ты и я знаем). Мы поминаем его каждый день в своих молитвах и, если нужно, встанем плечо к плечу в схватке с проклятым Джавдетом – шакалом и сыном шакала!

Погуляешь вот так по рядам и выяснишь всю подноготную, да ещё и «прононс» свой скорректируешь. Но ничто не вечно, образ Остапа был создан, документы оформлены, сотни свидетелей подтвердили бы существование такого человека. Пора была перелезть в другую шкуру.

В последний день жизни Остапа Гнидько на рынке судьба преподнесла Брониславу подарок. Расторговавшись, рассчитавшись с долгами, перед тем как исчезнуть, Остап шёл по рынку. Внезапно краем глаза он заметил, как какой-то крепыш в наколках незаметно от бедра метнул ему под ноги кошелёк, и тут же обегая по дуге придушенно заблажил.

– Мужик! Смотри, на лопатник не наступи! Да гляди, в нём денег сколько! Пойдём вон туда в подворотню, поделим, – его открытая улыбка с железными фиксами очень к нему располагала. Он был похож на ощерившуюся ящерицу. Бронислав выхватил кошелёк и поманил рептилию в другую подворотню поближе.

– Да вот сюда пойдём, – подмигнул он бандиту и, не входя в подворотню, перекинул ему кошелёк и пропустил вперёд. – Считаи!

В следующее мгновение он поставил бандюге подножку и одновременно нанёс хук в шею под затылок. Бронислав всегда носил в кармане свинцовые килограммовые чётки с медным крестиком. Удар получился очень тяжёлым и бандюган кубарем покатился на асфальт. Бронислав был в тяжёлых армейских ботинках. Он бил бандита долго, основательно и с неизъяснимым наслаждением.

Гастролёры, видимо, были заезжими, а встретить Остапа Гнидько в ближайшие полгода-год не удалось бы никому.

*...<Демон> – ... искусный вдохновитель зла, умудренный в об-
манах, изобретательный в кознях, неистощимый во всякого
рода злых замыслах.*

Иоанн Златоуст

Но обрабатывать содержание, назначенное королевой Марго, все же регулярно приходилось. После прохождения «курса молодого бойца» на рынке, освоения нескольких личностей (украинцев, узбеков, армян, белорусов, все они якобы родились от смешанных браков, это не давало возможности продвинуться в лидеры группировок, но сглаживало несовершенство знания языка) наши актёры были брошены «в поле».

Глухой лес. Зима. На номере сидит Владимир Алексеевич. Знакомый бизнесмен, привёзший его на эту охоту, – Семён Васильевич консультирует нового друга.

– Загонщики никогда не улюлюкают. Это предубеждение, тиражированное множеством недостоверных фильмов. Идти загонщик должен тихо. Иначе волк или лиса от страха перескочат через флажки, и только их и видели. Нужно знать, куда пойдёт зверь. Обходишь перелесок или участок леса. Видишь, что входящие следы есть, а выходящих нет. Вот тут можно приволочь флажки, смочить их бензином или керосином и развесить невысоко над землёй.

Владимир Алексеевич полупьяно кивает головой. Он видел эту катушку верёвок с красными ленточками, при нём на неё лили керосин. Нести эту огромную катушку можно только вдвоём. Семён Васильевич делал это с местным кривоватым неказистым мужичком, вечно пьяным. Холодно. За каким дьяволом Владимир Алексеевич поехал на эту охоту, как его уболтал Семён, Владимиру Алексеевичу непонятно.

– Загонщик идёт тихо, но зверь ещё тише. Важно гнать с разных сторон. Я тут полсела привлёк. Вам, Владимир Алексеевич, главное пристально смотреть. Ветер должен дуть от зверя на вас. Иначе учует, услышит и точно сиганёт за флажки. Ну, глотните ещё ддя сугреву из фляжечки и затихаем, а то охоту сорвём.

Прошло довольно много времени, вглядываться в белый снег было мучительно. Глаза слезились. Тулуп давил сверху, руки мёрзли. Вдруг Семён сделал движение, указуя рукой в варежке на соседние кусты, ветки качнулись. Владимир Алексеевич, почти не целясь, нажал курок дорогого охотничьего ружья «Симпсон». Раздался выстрел, в кустах упало что-то крупное. Добежали до кустов быстро, несмотря на глубокий снег. За кустами лежал тот самый неказистый местный мужичок.

– Я же вас предостерегаю. Не стреляйте! – серым от страха голосом шипит Семён.

– Мигом отсюда. Я попытаюсь увести остальных в деревню. Скажем, что вы промахнулись. А я якобы увезу Фёдора пить в город. Он у меня уже бывал. Да-а-а. Вяпались мы. Ну, да что-нибудь придумаем.

Владимир Алексеевич, протрезвев, «рвёт когти».

– Не мог побыстрее его сбавить? Не лето! Я даже пьяный замёрз. В следующий раз я бизнесменом буду, – встаёт Фёдор-Андрей Тerasов.

– Сейчас ещё накатим, – успокаивает его Семён-Бронислав Кауров.

А через пару месяцев Семён Васильевич потчует своего друга Владимира Алексеевича в своём домике в пригороде.

– Жульенчиком закусывай Володя. Горячий жульен с белыми грибами, курочкой, уткой и клюквой под сырной корочкой – первая закуска ледяной водочки. Так что ты говоришь, эта твоя конкурентная фирма делает? – выкачивает из бизнюка всю информацию Бронислав.

В охотничьем домике побывали и чиновники, и непутёвые детки больших людей. Для Марго главным был сбор информации для размещения активов. Если вы знаете, кто из конкурентов победит в схватке,

размещая небольшие суммы во множество успешных фирм, вы можете поднять очень неплохие бабки. Так в казино всегда выигрывает крупье.

Во дворе многоэтажного дома паркуется молодая женщина. Компания из трёх алкашей празднует именины Розы Люксембург. Двое держатся на ногах третий уже никакой.

– Как же ты паркуешься, женщина. Ну, кто так паркуется? Куда же ты? О-о-о!

– Девушка, красавица! Разрешите вам помочь! А вы замужем? Нет, нет, вы меня не правильно поняли. Я только помогу! Смотрите на меня! Руль вправо! Теперь чуть влево! Назад, назад. Чуть влево! Волшебнo! Вот и припарковались! Умница! Красавица!

– А где Вася?

– Вася! Вася!

– Упс!

– Женщина. Вы на нём...

– Васечка!!!

– Мы его не знаем!

– Ой! Какой кошмар! Вмятку.

– Не кричите, девушка!

– Не плачьте. Мы его не знаем. Его тут никто не знает.

– Не войте, сейчас люди сбегутся. Мы его унесём. Мы его на трассу подбросим! Можем даже на железку.

– У поезда шин нет.

– Тогда на трассу.

– Всё, девушка, не волнуйтесь. Мы его уже понесли.

– Он капает.

– Пусть капает.

Девушка в истерике. Бронислав с Андреем уносят прекрасно изготовленный манекен. На следующий день приходит флешка с занимательным видеорядом, и девушка становится стукачкой пожизненно.

Кражу совершает известнейший артист. Его все знают как большого любителя выпить, почти профессионала. Кража совершается на глазах у множества народа. Жаль, что в отсутствие камер. Сомнения в личности актёра ни у кого не возникает. Жаль только, потом обнаруживается, что этот актер Модест Феоктистович Ефремович был в соседнем городе и друзья подтверждают это. В принципе из одного города в другой попасть можно, но это под силу только профессиональному каскадёру. Другьям не верят, а сам актёр ничего не помнит, как на грех. Следствие затягивается. В конце концов, защита выигрывает дело. Похищенное не найдено. Теразову особенно удавалась роль Модеста Фиактистовича.

СОРСУЭЛЛА НЮШИ

...Демоны не в таком созданы состоянии, из-за которого называются демонами. Ибо Бог не сотворил ничего злого. Добрыми созданы и они, но, ниспадиши от небесного мудрования и вращаясь уже около земли, эллинов прельстили привидениями, нам же христианам завидуя, все приводят в движение, в желании воспрепятствовать нашему восхождению на небеса, чтоб не взошли мы туда, откуда они ниспали.

Антоний Великий

Для следующего спектакля из цикла «Жизнь наизнанку», переместим сцену в зрительный зал, а зрителями сделаем главных героев, была выбрана сложная постановка, рассчитанная на элитных толстосумов.

В наше отпрыженное время каждое насекомое развлекается в зависимости от бюджета. Порою самые неподходящие люди оказываются в компаниях, явно для них не предназначенных. И волею Королевы Бронислав оказался вовлечён в события, более всего напоминавшие ему его любимую сорсуэлу – родную сестру оперетты и водевиля.

Богатые люди отрываются по-разному. Ходить на тупые клубные сборища, смесь пати и откровенного шабаша, с трахающимися по номерам обдолбанными малолетками, для некоторых отпрысков благородных семейств – держателей акций свалок, кладбищ и борделей оказалось скучно. А тут как раз собралась компания интеллектуалов, любителей одновременно и танцев, и истории. В основном истфаковцы (питомцы исторического факультета), они подошли к изучению нравов различных времён бережно и в то же время творчески. Изучались не только танцы, костюмы и события определённого времени, но и нравы, правила дуэлей, техника фехтования, оружие, анекдоты, эпиграммы, кухня, то, как люди мылись, ходили в туалет.

Перед постановками распространялась информация о сценарии в мельчайших подробностях, на своеобразных тренировках учились танцевать, просто ходить и останавливаться в тех позах, которые были приняты в определённое время. Помогали полотна классиков своего времени – Донателло, Рафаэля, Дюрера, Веласкеса, Гойи, Гейнсборо, Ватто, Энгра, Ренуара. На само передвижение, движения, позы людей оказывали влияние боевые искусства и танцы, всё взаимосвязано. Хороший кавалерист никогда не будет сутулиться, хороший фехтовальщик движется уверенно, быстро и плавно. Нельзя забывать, что дворяне прошлого были тренированными убийцами, они заслуживали чины в армии, участвуя в сражениях, реальных, а не компьютерных. И выживали и побеждали они за счёт тренировки тела, железных мышц, реакции, меткости, ловкости, потрясающей храбрости. Офицер не мог быть не ловок, это был бы уже мёртвый офицер. Именно из-за фантастической выносливости аристократов балы могли длиться всю ночь и заканчиваться развлечением иного рода.

Вот в такую компанию ветер жадности до экзотических впечатлений и пригнал углую лодочку под именем Ньюша. Ньюша сидела в компьютере. Именно сидела, как сидят пожизненно заключенные за серийные убийства маньяки, имея 60 пожизненных сроков и не питая никаких иллюзий освободиться. Она ничего не писала сама, и по скудоумию и по стеснительности (обратной стороне дикой, всепоглощающей гордыни). Зато Ньюша знала все сплетни обо всех без разбора: о Децеле, Тарзане, Билане, Биplane, Крысе, Борзом, Вонючке, Консьюмороне и Диком, Мнеточке и Полушке, Пугачёвой и Галкине.

Однако, как настойчиво свидетельствует классик, «пришла пора – она влюбилась». Влюбилась Ньюша не в человека, влюбилась она снова в себя, но только другую: разнuzданную, экстравагантную, манящую, беспощадную, экстраординарную. Впрочем, таких слов Ньюша не знала, но она их чувствовала, как изящно выражаются интеллектуалы американы, «задницей». Серые глазки снулой рыбы, серое личико, отсутствие принадлежностей к какому-то полу, росточек ниже среднего, кривоватенькие тонкие ножки – всё это легко компенсировалось деньгами родителей. А конкретно – папашеца. Сначала убогая кобылка нарядилась в чёрные кожаные мятые штанишки с отвислым задочком, покрасила длиннющую грязно-русую чёлку в цвет воронова крыла и примкнула к готам (кстати ей, с её чертами Пьеро, это даже шло). Замечена в группе никем не была и снова загрустила. Затем перекрасила несколько прядей в ядовитые цвета от красного до зелёного и синего и стала эмо. Тут тоже, несмотря на несколько беспорядочных половых связей, её никто не приметил.

Но именно в момент разочарования юному дарованию и повезло. Она встретила болтунов, которые с презрением отзывались о пошлых готах и

эмо, да и о других группировках, и с восхищенной завистью говорили о компании истфаковцев. Сетовали повесы только о том, что самим шить исторические костюмы сложно, а купить их у устроителей недостижимо дорого. Тут-то Нюшечке и попёрло. Карман папахена был бездонен, вмещал группу заводов, и нелепое создание с рыбьими глазками стало кормильцем предприятия. Заказывала она самые лучшие костюмы за неприлично баснословные деньги. Её упорное дебильное молчание стало восприниматься как многозначительность, а недолюбленная «бледная немочь» как аристократизм. По сценарию ей стали давать роли без слов, зато самых родовитых аристократок. У автора невольно закрадывается мысль, что именно так и складывалась биография вырождающихся отпрысков высшей аристократии во все века.

Именно в этот момент и появился на сцене наш актёр Бронислав, брошенный в бой безжалостной рукой Королевы. Подготовка к этой роли потребовала не обыкновенного грима, вернее его отсутствия. Бедному любителю сала пришлось, благодаря израильским пищевым добавкам и откровенному голоду, похудеть за два месяца на 20 килограмм. И без того прекрасная фигура актера стала лёгкой. Цвет волос сменили на золотой. Он сбрил привычные усы, а его кожу, благодаря усилиям косметологов, стал украшать прозрачный золотистый загар. Бронислав весьма неплохо пел. Именно на эту роль скальда, трувера, менестреля, барда, менезингера его и пригласили истфаковцы. Нечего и говорить, что костюмы у Бронислава были безукоризненны, а умение фехтовать удивило бы мастеров этого искусства.

Нюша обратила на него внимание ещё на репетициях. В числе других песен Броник, как его тут называли по легенде, спел полушутливый романс «Страстью безумною».

*Страстью безумною, радостью нежною
Сердце наполнится чудным томлением,
Если улыбку подарить небрежную
Иль остановишь свой взгляд на мгновение.*

*В битве кровавой отвагою пылкою
Я заслужу тебя, верь мне, любимая, –
Хочешь – дуэлью, изгнаньем и ссылкой,
Хочешь – смирения силой незримою.*

*Нет, не пылаю я страстью порочною,
Тела не надо мне, пусть совершенного.
В старой беседке порою полночную
Душ я хочу единенья блаженного.*

*Стану я счастлив, лишь если таинственной
Нитью нас свяжет зов сердца невиданный,
Если поверишь, что я – твой единственный,
Лучший на свете, тебе Богом избранный.*

Юмора Нюша не поняла, но тайной страстью, ещё не осознанной, прониклась.

Но вот наступил день бала, день феерического представления, к которому все так готовились. По сценарию дело должно было происходить на границе Испании и Франции, вблизи со страной басков. Это давало возможность желающим выбрать костюмы, наиболее близкие их сердцам. Смешанное общество на общем балу якобы праздновало заключение очередного столь хрупкого в истории двух стран мира. Представительницей древнего испанского рода была Нюша, бедным, развлекающим своими песнями публику, французским дворянином должен был стать Бронислав.

Бал начался. Чинно и медленно чертили свои сложные и точные фигуры контрданс, экосез, менуэт. До эпохи легкомысленного вальса оставались ещё столетия, а весёлый прыгучий гавот был слишком простонароден.

Некоторое смешение столетий и нравов истфаковцы всё же допускали и уставшее от скуки танцев общество позволили развлечь Брониславу с его серенадами.

*Утро, солнечное утро...
Гнется ветром легкий стебель...
Все, что ночью было смутно, –
В яркой свежести на небе.
Не спеши, мой друг, проснуться
В ливне золотого света.
Души радостные вьются,
Солнцем праздничным согреты.
Утро, солнечное утро,
Гнется ветром легкий стебель.
Замка силуэт причудлив
На весеннем ясном небе.*

*Как приятно окунуться
Душам в водопад сиянья!
Пусть слова мои вольются
Через сон в твое дыханье.*

*Золотятся солнцем скалы,
Гладки стройных замков плиты,
Стены каменных провалов
Шелком вереска укрыты.*

*Пусть душа, что светом дышит,
Для любви накопит силы.
Ты во сне меня услышишь
И полюбишь, ангел милый...*

Собственное творчество всегда интересует более, чем перепевы известных всем песен, впрочем, Нюша была не привередлива. Её бледному лицу даже шёл высокий воротник испанского темного платья со шлейфом из глубокого синего бархата, расшитого тонкими золотыми узорами. Её спутником был не менее надменный, как в жизни так и на балу, отпрыск мелкого бизнесмена – торговца секендхендом, бесплатно доставляемым в Россию. Все звали мальчика Юлиус. Все его новомодные брендовые одёжки были переделаны из этого секендхенда молчаливыми кропотливыми таджикскими девушками (незаконными эмигрантками) в тёмном душном подвале и наполняли, принадлежавший его же отцу эксклюзивный бутик.

От него не ускользнул интерес, проявляемый сушёной юной воблочкой к «Золотому менестрелю», как стали называть Броника посетители бала. Потом это прозвище или псевдоним закрепились за ним в историческом обществе навечно.

Юлиус ещё больше выпятил нижнюю губу и скрестил по-наполеоновски руки. Вот такой «ноль внимания, фунт презрения».

Бал закончился пиром. За длинными столами Бронислав сидел где-то внизу, вдалеке от помоста с избранными гостями. Было величайшей наглостью с его стороны, когда в конце пира он, обращаясь явно к Нюше, пропел ей серенаду, заставившую смолкнуть разговоры общества.

*Просыпайся, просыпайся!
У дверей стою твоих.
Звуки, словно поцелуи, –
Лишь для той, кого люблю я,
Для тебя и ночь, и стих.*

*Просыпайся, просыпайся!
Звук крадетя по лицу.
Сквозь ресницы улыбайся
Серенаде и певцу.*

*Просыпайся, просыпайся!
Под гитары тихий звон
В шелк шуришащий одевайся,
Выйди, выйди на балкон.*

*Просыпайся, просыпайся!
Звуки стонут, тишь губя...
Это сладостное пенье,
Это жаркое волнение
Пусть разбудит лишь тебя.*

Такого (тем более выходящего за пределы сценария) поведения испанский гранд стерпеть не мог. Выспренно от обратился к наглецу и, проявляя необычайную душевную щедрость, произнёс формулу вызова на немедленную дуэль. Это было чрезвычайно благородно с его стороны, ибо гранд, связываясь с простым дворянином, мог бы запятнать свою честь. Можно было просто приказать челяди выгнать его палками на улицу. Никто не знал, с какими трудностями столкнулось бы такое предприятие.

Но именно это благородство и было выгодно Юлиусу. Он уже давно прикинул всю выгоду союза с дочкой богатея. И опекал её. Не хватало только красивого жеста, чтобы прыгнуть к ней в постель, а к папаше в совет директоров.

Для Бронислава это тоже было удачей, он приближался к исполнению данного ему задания.

Итак, два петушка прыгнули навстречу друг другу быстрее, чем зрители успели переместиться в обширный коридор губернаторского дворца. Именно в нём проходили балы. После революции 1917 года дворец стал музеем и привлечение молодёжи стало одной из его культурных программ. Дуэль, сначала потешная (Юлиус, бравший платные уроки фехтования у профессиональных спортсменов, был уверен, что легко отхлещет по смазливому лицу выскочку Броника), постепенно из-за сопротивления сторон становилась всё более злой. Резкие выпады отбивались. Юлиус предпочитал испанскую школу фехтования двумя руками – в правой шпага в левой кинжал дага, порой ломавший шпагу противника. Броник придерживался французской школы. Одна только шпага в правой руке. Пару раз шпага Юлиуса оказалась в опасной близости от глаз менестреля. Броник понял ударом по левой руке выбил кинжал у противника. Дуэлянты начали кружить по широкому коридору. Зрители жались к стенам, но пропустить представление не могли. Ещё несколько опасных выпадов, отражённых Брониславом, убедили его, что противник хочет его если не убить, то основательно искалечить. Таких планов у актёра не было. И, переключившись в совершенно иной стиль рукопашного боя, он, отбив выпад, сблизился с Юлиусом вплотную, перехватив левой рукой его руку со шпагой. Последовал короткий удар гардой в челюсть, и Юлиус распростерся на паркете.

Однако тут менестрелю пришлось срочно ретироваться. В коридор влетели охранники Ньюши и не разбираясь ринулись на драчуна.

Юлиуса-то они прекрасно знали. Броник отмахнулся от них молниеносными выпадами и устремился к лестнице. Бдительная охрана не стала преследовать фанфарона. Мало ли кем он мог оказаться в этой чокнутой компании. Ньюша была на седьмом небе от счастья. Из-за неё состоялась настоящая, без сценария, дуэль.

Юлиус скоро оклемался. Однако его постная рожа сильно приелась хмурой Ньюше. Она жаждала новых приключений. Услужливая рука сунула ей записку с адресом менестреля. И бывшая эмо сей же ночью улизнула от охраны.

Бронислав не удивился увидев на пороге своей съёмной квартиры неказистое создание. Он честно спел две песни, на большее Ньюшу не хватило. Бронислав уже не в первый раз задавал себе вопрос: когда он поёт песни – это часть соблазнения очередной дамы или прелюдия лично для него, привычка от которой не мог уже отказаться он сам. Может, без этого у него ничего бы не получилось? Но оставим самобичевание. Разделась «красотка» мгновенно, её объятия были неумелы, но напористы. Нежные ножки оплели бёдра Броника, как хмель. В конце концов, она была молода и совсем не безобразна, и утро застало их в объятиях друг друга.

В следующие дни всё повторилось. Но во всем этом было что-то наигранное, вялое. Нужен был следующий сюжет, и тут на сцену, как чёртик из табакерки, выскочил Теразов. Познакомившись с Ньюшей он стал уверять, что Броник познакомился с ней только ради денег её папаша. Говорил он вкрадчиво, как сам дьявол, и аргументированно.

Вот тут-то и понадобились акробатические навыки Бронислава. Поспорив с любимой, он в доказательство искренности своих чувств прошёл по перилам моста, вознесённого на 50 метров над глухим оврагом. Их страсть вспыхнула вновь.

Одно не нравилось Броннику. Ставшая романтичной Ньюша настаивала на встрече в собственном доме. Это было опасно, однако решились пойти и на это. В самом начале романтичной сцены в комнату вошла мама Ньюши. Рассверипев, она помчалась к спальне мужа.

Броник кинулся за ней. В пеньюаре дама представляла собой песочные часы с чрезвычайно развитой нижней камерой. Броник загляделся на этот атрибут и едва не упустил её. Но, наконец, птичка была схвачена.

Очутившись в железных объятиях, матрона повела себя отнюдь не агрессивно. В ней как будто щёлкнул переключатель, и роскошное тело расслабилось. Она подняла на него глаза, он встретился с её испуганным взглядом. Боже, как ему нравились бальзаковские женщины. В ней было всё, чего не хватало в дочери. Сжимая её грудь, уже в спальне Броник не мог избавиться от мысли, что это пуховая шёлковая подушка. Темперамент у женщины был вулканический. Она так устала провожать мужа в баню. В конце концов они сняли маленькую уютную квартирку и их тайные встречи продолжались.

Ньюша достала Тремасову, который убедил её, что наговаривал на Бронислава от любви к ней. Их общение тоже было весьма гармоничным.

А папаша Ньюши личностью был примечательной. Это жену с дочкой на учёбу он отправил в потрясающий особняк в Нижнем Новгороде. Подальше от мест охоты. Настоящая его берлога с охотничьими угодами располагалась в Чувашии. Там в небольшом городке обосновался колоссальный комбинат, лидер по производству в этой области. Предприятие было передовое. Почти монополист с государственным капиталом в основе. Лайнер непотопляемый. На территории поддерживалась идеальная чистота с почти немецкой аккуратностью и русским размахом. Клумбы всегда со свежими цветами. Мостовая мылась моющими средствами. Свои магазины, конечно, столовая, баня-сауна. У крестьян в округе скупалась сельскохозяйственная продукция, арендовались участки под все

сельскохозяйственные культуры. Работала свиноферма частично на этой же продуктовой базе. Развернул свою деятельность консервный завод. Химический гигант был одновременно и могучим поставщиком пищевых продуктов – свежих, переработанных и консервированных. Короче, коммунизм в отдельно взятом городке.

Личностью папашец был медийной: входил в элитные клубы богатеев, постоянно мелькал на экране, награждался как передовик, меценат, руководитель будущего.

Изнаночка вопроса отличалась, как всегда, жутковатостью. Дисциплину и «порядок» на предприятии поддерживала начальник кадров. Женщина некрасивая, весьма не молодая, но крепкая и волевая, как надсмотрщица концлагеря. Подстать ей были и её помощники. За неповиновение могли уволить (что само по себе в городке с монопольным правлением одной фирмы означало голодную смерть), но на этом дело не кончалось. Доброхоты и пособники, коих много у богатых и влиятельных людей, начинали травить семейство, могли искалечить, да и забить до смерти. Дело в том, что коммунизм строился руками тех же самых сотрудников химзавода, причём на «добровольной» основе. Это означало, что сельскохозяйственные угодья обрабатывались в субботники и воскресники без оплаты. Отказаться от барщины было нельзя. Выработать меньше нормы было нельзя, за этим зорко следили бригадиры. Покупать продукцию где-то вне комбината было нельзя, все стучали на всех, и можно было нарваться на штрафы, урезание зарплаты, перевод на низкоквалифицированную работу. Есть нужно было только в местной столовой.

Нормы выработки увеличивались не по дням, а по часам. К тому же барин возлюбил искусство, организовал хор и танцевальный ансамбль из полугосударственных крепостных. Предприятие выигрывало конкурсы за конкурсами. Слава «руководителя будущего» росла!

А сам папашец – немолодой, но крепкий, поджарый, как волк, холёный, спортивный, резкий и дерзкий, абсолютно безжалостный живоглот, регулярно развлекался в сауне предприятия с начальницей кадров. Чем прельстила его старуха-фашистка, непонятно было никому. Говорили, что она опаивала директора травами, по рецепту старых чувашских ведм и занималась с ним каким-то невообразимым развратом.

Слухи оставались слухами, а факт того, что эта ведьма, одевавшаяся как советская вдова, – черная шерстяная юбка, блузка 50-х годов и поверх собственной вязки кофта, ненавидела красивых девушек и баб такой лютой ненавистью, что к предприятию, а тем более к директору, они не могли подойти и на пушечный выстрел, была налицо.

ХВАТКА КОРОЛЕВЫ

...Диавол как враг мира, ненавистник согласия и отец злобы, сколько радуется и торжествует, когда мы предаемся гневу, ссоримся и нападаем друг на друга, столько же скорбит и печалится, когда мы сохраняем мир и согласие и обздываем гнев.

Иоанн Златоуст

Когда Бронислав жестоко избил на рынке бандита, Марго, конечно, об этом узнала в тот же день. Разговор об этом удивил, нет, скорее поразил актёра. На очередной аудиенции, отправив Андрея пить, Королева пожелала пообщаться с Брониславом наедине. Их разделял длинный дубовый стол, но Бронислав почувствовал себя как на профессиональном допросе.

– Резвитесь, молодой человек? – прищурившись, с похотливой улыбкой наклонила голову вперёд Королева.

Актёр грешным делом подумал, что речь пойдёт о его любовных похождениях.

– В меру сил.

– И как успехи?

– Как у Ржевского: можно и по морде, но чаще впендюриваю, – не желая давать никакие отчёты, нагрубил Бронислав. Он всегда подчёркивал свою независимость, хотя ни на секунду в неё не верил.

– Фу! – скривилась Марго. – Не умно. Хотя и наглость. С этим тоже можно работать. Мне, как ты, шалун, прекрасно понимаешь, нет дела до твоих кобелячих сальто. Банально! Хотя и об этом мне приходится знать всё. Что ты сделал ещё? Признавайся сам, а то я тебе что-нибудь такое придумаю, что взвоешь!

– Не надо меня пугать – я сам.

– Сам так сам. Говори.

– О чём?

– Пре皮раться будем?

– Откуда я знаю, что вас интересует?

– Всё.

– В детстве я своровал ключи из оставленной без надзора «Волги». Мне понравился брелок, а ещё больше то чувство, которое охватило меня после кражи. Аж, мурашки счастья ощутил.

– Это тоже интересно, но придурка из себя строить не надо. Немного о недавнем прошлом.

– Все мои противозаконные поступки координируете вы.

– Все, да не все.

– Я косо посмотрел на ваш портрет?

– Драться любишь?

– Донесли уже? – беззлобно улыбнулся Бронислав. Он не сомневался в том, что за ним следят, однако восхитился оперативности стукачей. Интересно, как она эту инфу повернёт. Станет шантажировать тем, что сдаст его вора, организаторам разводов? Вроде бы он ей нужен для другого. Скажет, что бандит, которого избил Бронислав, склеил ласты? Может быть такое. Повязать, так сказать, кровью. Чтобы вообще не рыпался. Возможно.

– Да ты же голенький передо мной. Я знаю, чем ты в душе под тёплыми струйками десять минут занимаешься, – игриво сверкнула глазами королева.

Не может быть, она меня клеит? Подумал актёр, и тут же эта мысль улетучилась из его головы. Во взгляде Марго было столько злобы и презрения, что её наигранный тон скорее пугал, чем привлекал. Не по Станиславскому было сыграно. Не с огоньком. Холодный взгляд не подтверждал полового интереса. И в то же время интерес был не деловой. Будто она искала в нём дырочку, в которую хотела запустить что-то ужасное. Какую-то железную скалапендру-многоножку, которая выест его изнутри и заменит на убийцу киборга. Жгучая ненависть, желание причинить невероятные мучения влекли, заражали Маргариту яростным азартом.

Но королева, опустив длинные ресницы, тут же прикрыла глаза. Поднявшиеся веки уже обнажили две стальные равнодушные амбразуры с направленными на актёра пулеметами.

– Ну и как впечатление?

– Отмудохал и всё.

– Нет, ты его профессионально калечил.

– Ненавижу блатных. У меня к ним классовая ненависть. Коммунисты называли воров и бандитов классово близкими. В революцию 1917 года они сотрудничали, а я вслед за профессором Преображенским не люблю пролетариат.

– Достоинно, но ты за словами не прячься. Нравится драться?

– Занимался боксом, самбо, карате, айкидо, некоторыми специальными видами рукопашного боя. Конечно, люблю.

- Нет. Я не про спорт. Это семечки. Боль причинять нравится?
- Смотря кому.
- Да кому угодно.
- Кому угодно не нравится. Сначала предпочитаю разобраться, кому это угодно и кто жертва.
- Чистоплюй?
- Нет, конкретный чел.
- Опять ты, как ребёнок, за словами прячешься. Ненавижу болтунов. Резко отличаются от, как ты говоришь, конкретных челов. Ты сейчас балаболка, баба, слякоть. Отвечай за поступки, раскройся, ничего тебе не будет, а, может быть, в конце концов, в себе разберёшься. Я помогу.
- Услышать от Марго: «Я помогу». Такое не многим могло даже при-
сниться. И Бронислав принял вызов. Биться, так биться с открытым за-
бралом. Он никогда не был подобострастен к высшим мира сего, избегал
зависимости, играл. А тут магнетизм королевы, видимо, загипнотизиро-
вал его. Слишком сильно была демонесса.
- Ну, спрашивайте, что вам нужно. Только формулируйте чётко. А то непонятно, куда вы клоните.
- Что ты ощущал, когда его бил?
- Детскую радость!
- То есть ты можешь подойти к прохожему, навалить ему и почув-
ствовать радость?
- Нет, я почувствую грусть. Что за идиотские вопросы? Зачем мне
бить незнакомого? Я что, ненормальный?
- Это как раз был незнакомец, и ты его искалечил. И ещё и радуешь-
ся. Что-то тебя подвигло. О чём ты думаешь?
- Ну, я был на 300% уверен, что это наглый гопник. Что это тюремная
мразь, которая безнаказанно хочет ограбить, искалечить и убить меня.
Ему было всё равно, кого избить и ограбить, и вёл меня он к своим друж-
кам, которые ждали в другой подворотне, просто я не дал ему туда меня
затащить. Кроме того, я был на рынке в этом обличии последний раз, и
отыскать ему меня после не представлялось никакой возможности.
- То есть ты был уверен в своей безнаказанности.
- Отчасти.
- А если бы он оказался сильнее?
- Могло быть и так, но вряд ли.
- Ты был уверен в своих силах?
- Почти. Ещё сыграла роль злоба.
- Значит ты злобный.
- Бываю.
- Так, а если бы ты был тем, кем являешься, – актёром Брониславом.
Ты бы ввязался в драку?
- Скорее всего, нет. Меня могли бы найти. Не воры, так менты.
- Значит, тебя на это толкнула безнаказанность? Ты трус?
- Если человек не хочет вступать в кучку дерьма, это не означает, что
он трус. Воевать с какашками, душиить их и размазывать – не далеко-
видно, даже если ты их не любишь.
- Опять спрятался. Тебя же не человеколюбие толкнуло на престу-
пление? Ты хотел получить удовольствие, значит, ты садист. Боялся
расплаты – значит ты трус. Рассчитал всё – значит, ты холодно рас-
четлив. Воспользовался преимуществами, которые тебе дала я, загри-
мировав тебя и дав возможность пожить чужой жизнью, значит, ис-
пользуешь других людей без их согласия. Ты не знаешь, для чего я
создавала этот образ, и всё же подставил его, значит, ты недалновид-
ен, проще говоря, ты дурак. Итак, в сухом остатке – ты садист, рас-
чётливо-холодный трус, используешь других людей без их согласия и
недалновидный дурак.
- Думайте, как хотите, – набычился Бронислав.
- Я думаю, что это нормально.

– То есть как нормально?

– Так ты талантлив и можешь себе позволить некоторые отрицательные черты характера. У других они развиваются бесплатно, без всякого оправдания. Они бездарны, тупы и всё же садисты и трусы.

– Ничего себе, «некоторые» – садист, расчётливо-холодный трус, использую других людей без их согласия и недалёковидный дурак. Это, по моему, практически все отрицательные черты. Я и придумать не могу чего-то ещё.

– Ребёнок! Есть множество такого ещё, что тебе даже не снилось. А ты просто ангел, по сравнению с другими. Плохо то, что ты не хочешь себе ни в чём признаться. В своих собственных глазах ты просто рыцарь какой-то на белом коне. Смешно, право. Такая прозорливость в творчестве и такой детский лепет в жизни. У тебя большие проблемы с самооценкой. Ты действительно полный придурок. Я понятно для тебя излагаю? На твоём языке?

– Так я должен гордиться тем, что я садист, расчётливо-холодный трус, использую других людей без их согласия и недалёковидный дурак?

– Конечно. Благодаря этому, ты ещё хотя бы жив. Садист внушает невольное уважение окружающим, это видно в его взгляде и не даёт превратить его в промокашку, расчётливо-холодный трус предостерегает от безумных эскапад, использует других людей без их согласия, так только так и добиваются чего-то, а недалёковидный дурак – это оптимист, информированный мудрец вообще ни за что не возьмётся и скорее всего содохнет от депрессии.

– Да неужели?

– Ужели. Плохо то, что ты закрыл, крепко закрыл на очевидность глаза и живёшь какими-то сказками для умалишённых. Грина, Дюма, Джека Лондона начитался? Последователь великих французских сифилитиков? Гуманист?

Бронислав совершенно не понимал происходящего. Зачем королеве тратить на него столько времени? Если бы она его захотела? Любви все возрасты покорны! Но тут он чувствовал только расчет. В чем может быть столь явная заинтересованность? Она никогда не говорила с ним так долго. Её толкала ненависть, но почему?

– Чего вы от меня хотите?

– Только взаимного честного понимания.

– И в чем это будет выражаться?

– В том, что ты будешь откровенен со мной и с собой. Ну, давай поговорим дальше. Ты же ничего не теряешь. Или ты интеллектуальный девственник?

– Ничего похожего.

– Случалось ли тебе обнаружить в себе мысль, настолько противоречащую твоим взглядам, ценностям, интересам, что ты только ужасаешься и гонишь эту мысль прочь, как чужую?

– Нет.

– А если вспомнить?

– Не помню.

– Врёшь! Что-то такое, что несуразно: предать друга, раскрыть голову женщине или ребёнку, прыгнуть вниз с моста?

– Ну, может быть, когда-то и было.

– Не пугайся, это твоя мысль. Полагать, что мир порочен, и мнить себя единственным откровенным и благородным человеком – отвратительная ложь самому себе. Это непоследовательно, это глупо до дебильности, это обман Бога, которого не обмануть, особенно если ты в него веришь. Большинство настолько трусливы, что в Бога-то верят с оговорками. А уж о том, чтобы признать греховным себя, и речи нет. Для большинства именно они, вот эта макака непогрешима, а вовсе не Бог. Некоторые верят в Бога, но не в дьявола. Между тем даже Бог говорит, что все смертные грешны, а уж дьявол как оппонент существует точно.

Так что же вы все так подслеповаты, трусливы. Так жить легче? Вот так – все грешны, а я в белом. Ты тоже такой же примитивный?

– Нет.

– А какой? В чем ты можешь признаться?

– Надо подумать.

– Будь с собой почестней. Тогда мы сможем разговаривать на равных, а так... Разговор с младенцем. Ни уважения, ни понимания. Только денежные манипуляции. Скукота. Попробовал бы вкус предательства, убийства, издевательства над слабым, вкус большого сознательного греха, тогда можно было бы о чём-то говорить. А так – мелкий воришка, драчун, ссыкун и развратник, – слизь мерзкая. стыдно подойти. Только в топку. Ну, поговорим ещё. А ты подумай. Живёшь, закутавшись в цветной целлофан. Полуфабрикат какой-то.

(Продолжение следует)